МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

УСПЕХИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№11, Том 5, 2016 год

Главный редактор журнала:
кандидат технических наук, доцент
Клюев Сергей Васильевич

Зам. главного редактора:
кандидат технических наук
Клюев Александр Васильевич

Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования» включен в список ВАК РФ, РИНЦ (Elibrary.ru), ERIH PLUS и в Международную базу данных AGRIS.

ISSN 2412-9631

Адрес редакции, издателя: 308014,
г. Белгород, ул. Садовая, 28 - 4.
8-951-139-63-27
E-mail: zhurnalnauka2015@yandex.ru
Сайт: modernsciencejournal.org

Адрес типографии «Эпицентр»: 308008, г. Белгород, пр-кт Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40
+7 (4722) 35-89-01
Способ распространения: авторам публикаций; по подписке. Цена свободная.
Тираж 400 экз.
Подписано в печать 11.11.2016 г.
Статьи публикуются в авторской редакции.
© Успехи современной науки и образования, 2016

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Авдеенко Алексей Петрович (РФ, Ростовская обл.) – доктор сельскохозяйственных наук, доцент
Агабекян Раиса Левоновна (РФ, г. Краснодар) – доктор экономических наук, профессор
Ахмедов Шикар Габуллаевич (Азербайджан, г. Баку) – доктор философии по аграрным наукам, старший научный сотрудник
Ata El Karim Shoiab Soliman (Египет, г. Алекандрия) – доктор философии (Ph. D.), профессор
Баймишев Хамидулла Балтуханович (РФ, г. Самара) – доктор биологических наук, профессор
Баранов Юрий Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор технических наук, профессор
Беленцов Юрий Алексеевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор технических наук, профессор
Быстрицкая Елена Витальевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Волкова Ольга Александровна (РФ, г. Белгород) – доктор социологических наук, профессор
Домброван Татьяна Ивановна (Украина, г. Одесса) – доктор филологических наук, доцент
Дулов Михаил Иванович (РФ, г. Самара) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Елисеева Наталия Волеславовна (РФ, г. Краснодар) – доктор географических наук, профессор
Eleyan Issa Jamal Issa (Иерусалим, г. Иордания) – доктор философии (Ph. D.), доцент
Julia Shehovcova (ЮАР, г. Претория) – доктор философии (Ph. D.)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич (Кыргызская Республика, Г. Ош) – доктор медицинских наук, доцент
Исайчев Виталий Александрович (РФ, г. Ульяновск) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Кагермазоваю Лаура Цараевна (РФ, г. Нальчик) – доктор психологических наук, профессор
Козодой Виктор Иванович (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Кокоулин Владислав Геннадьевич (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Концевая Светлана Юрьевна (РФ, г. Москва) – доктор ветеринарных наук, профессор
Коцарева Надежда Викторовна (РФ, г. Белгород) – доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Липатов Вячеслав Александрович (РФ, г. Курск) – доктор медицинских наук, профессор
Логачев Константин Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор технических наук, профессор
Лурье Светлана Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Mahmoud Shakarnah (Иерусалим, г. Вифлеем) – доктор философии (Ph. D.)
Maxim Kovtun (ЮАР, г. Претория) – доктор философии (Ph. D.)
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Нестерчук Ольга Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, профессор
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Саратов) – доктор фармацевтических наук, доцент
Носков Антон Валерьевич (РФ, г. Белгород) – доктор физико-математических наук, профессор
Пичугина Виктория Константиновна (РФ, г. Волгоград) – доктор педагогических наук, профессор
Старикова Мария Сергеевна (РФ, г. Белгород) – доктор экономических наук, доцент
Танатова Дина Кабдуллиновна (РФ, г. Москва) – доктор социологических наук, профессор
Yamb Emmanuel (Камерун, г. Дуала) – доктор философии (Ph. D.), профессор
Ферзаули Али Нахчоевич (РФ, г. Грозный) – доктор медицинских наук, профессор
Хамитов Назип Виленович (Украина, г. Киев) – доктор философских наук, профессор
Хамраева Елизавета Александровна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Чумакова Татьяна Витаутасовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор философских наук, профессор

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ахмедова З.А.
КАВКАЗСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 6

Гадзаова Л.П.
КОГНИТИВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И СТЕРЕОТИПНЫЕ СИТУАЦИИ, ФОРМИРУЮЩИЕ У СТУДЕНТОВ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ 9

Гашимов Э.А., Куровская А.Е.
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «КОММУНИКАТИВНЫЙ СБОЙ» (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИИ) 14

Парочкина М.М.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ 16

Сапожникова О.А.
МОНГОЛЬСКАЯ ПРОЗА XX ВЕКА НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ: РАССКАЗ С. БУЯННЭМЭХА (1902-1937) ПОД НАЗВАНИЕМ «ЗАВТРА» (*МАРГААШ*) 20

Паршукова М.М.
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ СРАВНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «MARTIN EDEN» BY JACK LONDON) 22

Акопянц А.М.
ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 25

Самедов Д.С., Гасанова М.А.
КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ) 29

Выхрыстюк М.С., Вертянкина Н.В., Пересторонин А.В.
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ТОБОЛЬСКОГО, ЯРКОВСКОГО, ВАГАЙСКОГО И УВАТСКОГО РАЙОНОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ 35

Бахметьева И.А., Ильинова Е.Ю., Сребрянская Н.А.
ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ БОЛЬШОГО ТУРНЕ XVIII ВЕКА 39

Михайлова Л.В., Хайруллина Р.Х.
ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА «ЧТЕЦЫ УФА») 44

Голайденко Л.Н.
УПОТРЕБЛЕНИЕ В ЗНАЧЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛОВ ДРУГИХ ЛСП (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ) 48

Киреева И.И.
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ КОДИРОВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ СЕМАНТИЗАЦИИ ФЕНОМЕНОВ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 55

Выхрыстюк М.С., Окмянская А.В.
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ ТЕКСТОВ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ТОБОЛЬСКОГО АБАЛАКСКОГО МОНАСТЫРЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. 62

Бахметьева И.А., Безрукова В.В.
ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. СЮ, В. КРЕСТОВСКОГО, Ч. ДИККЕНСА) 65

Панкратова М.В.
К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ 70

Сагитова А.Ф.
ЗНАЧЕНИЕ – СМЫСЛ – КОННОТАЦИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ 72

Самосюк Н.Л.
К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА В РОМАНАХ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЭВИДА ЛИССА «ЗАГОВОР БУМАГ» «ТОРГОВЕЦ КОФЕ») 76

Сафина Л.М.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 82

Страдова А.И.
ФОРМИРОВАНИЕ ВОССОЗДАЮЩЕГО ВООБРАЖЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ 86

Тавасиева Б.А.
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПЕРВОГО КОМПОНЕНТА УСИЛИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ 91

Телицына Е.Л.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА») 96

Баринова И.А., Нестерова О.А.
ОБУЧЕНИЕ АНАЛИЗУ И ЛОГИЧЕСКОМУ СТРУКТУРИРОВАНИЮ ТЕКСТА 99

Алибекова П.М.
ИРАНСКО-ДАГЕСТАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ АБДУРРАХИМ ТАЛИБОВ: ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ 104

Аль-Ханаки Д.А-Н.
ПРИНЦИПЫ ТРАНСМЕДИЙНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ 108

Гладилин Н.В.
РОСТКИ ПОСТГУМАНИЗМА В РОМАНЕ А. КОРОЛЕВА «ЭРОН» 114

Гутова С.Г., Чижевич Т.А.
ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ 119

Выхрыстюк М.С.
ДЕЛОВЫЕ СКОРОПИСНЫЕ ТЕКСТЫ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ КОНЦА XVIII В. В ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 123

Цховребов А.С.
МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ-ОСЕТИН 126

Чукуева З.Н.
СОБЫТИЙНО-ХРОНИКАЛЬНАЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ПРОЗА ПРОШЛОГО ВЕКА 131

Шарыпина Т.А.
РОМАН БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ЖЕНЩИНА НА ЛЕСТНИЦЕ» В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ 134

Юхнова И.С.
ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РОМАНЕ И. ЕФИМОВА «НОВГОРОДСКИЙ ТОЛМАЧ» 138

Dekhnich O.V., Yarygina O.N.
IDIOM FUNCTIONING IN LITERARY DISCOURSE (BASED ON JULIAN BARNES'S WORKS AND THEIR RUSSIAN TRANSLATIONS) 141

Смирнова В.Н., Сботова С.В.
ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ В АСПЕКТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА 144

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Вековцева Т.А.
АКВАРЕЛЬНАЯ ГРАФИКА В ДИЗАЙНЕ СОВРЕМЕННОЙ УПАКОВКИ 148

Демьяненко И.В.
ЭТНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ «ЛЕГЕНДА О СИХИРТЯ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ЧАСТЬ 1). 152

Федотова Е.Д.
ЖАНР «ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ГЕНРИХА IV ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИСКУССТВЕ 155

Макарова Т.Л., Макаров С.Л.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЁМЫ ОФОРМЛЕНИЯ МОДНЫХ ШОУ В 1991-1995 ГГ.: ПРЕДЫСТОРИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 159

Паллотта В.И., Алексеева И.В.
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ УСАДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА 164

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ахмедова З.А., преподаватель,
Грозненский государственный нефтяной технический университет

КАВКАЗСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: данная статья посвящена творчеству кавказских (чеченских и дагестанских) писателей и поэтов. Как и многие советские писатели, писатели Кавказа сумели раздвинуть существующие каноны, психологически углубить, сделав их не только исторически оправданными, но и исторически востребованными.

Ключевые слова: писатели Кавказа, историческая реальность, главный герой, революционное время, традиционная культура, свободный дух и независимость, этническая идентичность

Конец 50-х – начало 80-х годов XX века являет собой новый этап развития чеченской литературы. В это время наряду с писателями старшего поколения С.-Б. Арсановым, М. Мамакаевым, Х. Ошаевым появляются молодые авторы, чье творчество в дальнейшем окажет сильнейшее влияние на духовную атмосферу современного им чеченского общества.

В романе С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба» описывается жизнь в Чечне на стыке эпох, взаимоотношения внутри чеченского общества, отношения его с царской администрацией, судьбы отдельных людей. Писатель показывает грандиозные события революционного времени через жизнь своего главного героя, через его переживания и размышления. Времена меняются, меняется общество и главный герой, который приходит к мысли о необходимости активной, созидательной позиции в жизни, о необходимости самому защищать свое человеческое и национальное достоинство.

В этом романе С.-Б. Арсанов выступает как зрелый писатель, мастер слова, который создает яркие картины быта чеченцев, духовную и социально-политическую атмосферу бурных событий на переломе веков.

Заметным событием в культурной жизни чеченского общества стал роман Халида Ошаева «Пламенные годы». Благодаря тому, что автор сам был очевидцем и участником революционных событий, встречался с Н. Гикало, А. Шериповым и другими революционерами, знал подоплеку многих событий на Кавказе, ему удается создать реалистичную, почти документальную, картину пламенных лет революции.

Этой же эпохе посвящен роман другого классика чеченской литературы Магомета Мамакаева «Мюрид революции». В нем писатель рассказывает о яркой и трагической судьбе Асланбека Шерипова, командира Чеченской Красной Армии, руководителя революционного движения в Чечне. Асланбек, образованный и мужественный человек, видел в революции единственную возможность для своего народа стать свободным и построить новую жизнь, избавиться от царского гнета, нищеты, устаревших традиций и мракобесия. Он свято верил в идеалы революции и отдал за нее свою жизнь.

Следующий роман чеченского писателя «Зелимхан» также посвящен исторической личности – знаменитому абреку Зелимхану Харачоевскому, человеку при жизни ставшему легендой, наводившему ужас на царских чиновников и жандармов Северного Кавказа в течение многих лет. Зелимхан у М. Мамакаева также обладает всеми качествами героя, но при этом он остается обыкновенным человеком, мечтающим о спокойной и мирной жизни. Писатель показывает, как Зелимхан из-за произвола и тупости царских чиновников вынужден выбрать путь абрека и защищать себя и всех обездоленных. Но каждая его победа оборачивается жестокими репрессиями против его близких, друзей, простых людей, которые ему помогали и сочувствовали. Столкнувшись с огромной и безжалостной государственной машиной, Зелимхан понимает обреченность своей борьбы, но пути назад у него уже нет. Но М. Мамакаев не считает его борьбу напрасной и бесполезной. Зелимхан своей жизнью показал, что за свое человеческое достоинство и свободу нужно бороться. Он дал надежду простым людям на возможность справедливости в этом мире, на то, что и зло, как бы оно не было всесильно, может быть наказано. Абрек внушал такой страх врагам, что они боялись его даже мертвого. Наряду с образом Зелимхана писатель создает реалистичные и живые, психологически достоверные характеры его соратников, родных, царских чиновников, детали быта чеченцев, атмосферу жизни общества начала XX века.

Историческим событиям второй половине XIX века в Чечне посвящен роман Абузара Айдамиро-

ва «Долгие ночи». Это произведение оказало сильнейшее влияние на духовно-нравственное состояние чеченского общества. И дело не в художественных достоинствах романа, а в философии чеченской истории, в новой оценке роли известных исторических деятелей в судьбе Чечни, прежде всего имама Шамиля. А. Айдамиров показывает Шамиля как умного, образованного человека, тонкого политика, хорошего полководца. Но ему совершенно чужды интересы чеченского народа. Имам использует свободолюбие, мужество, воинственность чеченцев для достижения своих целей – создания наследственной теократической монархии. Но будучи уверенным в том, что эти же качества чеченцев могут ему помешать установить в имамате неограниченную личную власть, он под предлогом укрепления ислама уничтожает их традиционную культуру, свободный дух и независимость, этническую идентичность, чувство собственного достоинства. По А. Айдамирову, духовная гибель, утрата национального достоинства, этнической идентичности гораздо страшнее для народа по своим последствиям, чем сожженные дома и пашни, вырубленные леса. Роман «Долгие ночи» был предостережением современным поколениям чеченцев, но, к сожалению, его никто не услышал.

Роман Шимы Окуева «Республика четырех правителей» – это широкое эпическое полотно, с большим географическим охватом и событийными и временными пластами. Писатель выступает в нем как сложившийся мастер слова, прекрасный знаток родного языка, устного народного творчества. Роман вышел уже после смерти писателя, но стал для чеченского общества настоящим литературным событием.

В 50-80 годы наряду с прозой развивается и чеченская драматургия, особенно жанр комедии. В ней появляются новые имена (Абдула Хамидов, Билал Саидов, Леча Яхъяев, Руслан Хакишев, Саид-Хамзат Нунуев). Поистине народной стала пьеса А.Хамидова «Падение Бож-Али». Это была комедия с богатым, сочным, афористичным языком. Хотя герои ее были карикатурны, они были живые, узнаваемые, как бы выхваченные из реальной жизни. Именно реализм, бытовая и психологическая достоверность героев, сделали эту комедию легендарной. Многие цитаты из пьесы стали афоризмами.

Если в чеченской прозе преобладает интерес к прошлому, к истории, к историческим событиям и личностям, то чеченская поэзия этого периода (конец 50-х – начало 80-х годов) отличается особым вниманием к внутренней жизни человека, к его переживаниям, философскому осмыслению жизни, лиризмом. Это является особенностью поэтического творчества не только молодых в то время авторов (Магомед Сулаев, Хасмагомед Эдилов, Билал Саидов, Мусбек Кибиев, Шехи Арсанукаев), но и поэтов старшего поколения (Магомет Мамакаев, Нурдин Музаев). В 80-е годы появляется новое поколение чеченских писателей и поэтов, творчество которых определяет уровень и состояние чеченской литературы сегодня. Это Муса Ахмадов, Муса Бексултанов, Саид-Хамзат Нунуев, Апти Бисултанов, Умар Яричев, Канта Ибрагимов, Герман Садулаев.

Современная чеченская литература представлена сегодня большим количеством писателей и новых жанров, представители которых уже стали классиками (Муса Ахмадов, Муса Бексултанов, Вахид Итаев, Апти Бисултанов, Умар Яричев), а другие получили признание критиков и читателей (Канта Ибрагимов, Герман Садулаев), третьи же только ищут свой путь. Для объективного осмысления их творчества необходимо время, которое является самым беспристрастным судьей и критиком.

В советской литературе 60-70-х годов обращает на себя внимание существенная тенденция, связанная с дальнейшим повышением и углублением идейно-нравственного воздействия некоторых аспектов социалистического реализма на отображение действительности. Писатели отходят от бесконфликтности, они усугубляют отношения героев, придавая их действиям трагичность, а иногда завершают произведение смертью положительного героя. Такова, к примеру, повесть Чингиза Айтматова «Белый пароход», в финале которой гибнет невинный ребенок. Сам Айтматов писал по этому поводу: «Показывая гибель мальчика в «Белом пароходе», я отнюдь не возвышаю зло над добром, а преследую цель жизнеутверждающую, – через неприятие зла в его самой непримиримой форме, через смерть героя. Не мне судить, насколько это удалось. Но в одном я убежден – победа не за Орозкулом, как это думаю критики, «торжество зла» тут мнимое, эфемерное. Да, мальчик погибает, но духовное, нравственное превосходство остается за ним. И на этом я стою как автор повести» [Л. Газета, 1970, 29 июня]. Приблизительно такая же тенденция наблюдается в произведениях Ю. Трифонова («Долгое прощание»), Р. Ибрагимбекова («На 9-й Хребтовой»), Г. Семенова («Дней череда») и др. Их авторы как бы вступают в спор со своим героем, и в этот внутренний спор органично втягивается сам читатель. Мысль о необходимости для человека занимать активную нравственную позицию в борьбе с социальным и нравственным злом доказывается в этих произведениях способом «от противного», а не путем непосредственного изображения героя, который занимает именно такую позицию, и в этом

смысле его поведение является образцом для читателя.

В прямом изображении героя, безусловно, есть свои положительные стороны: оно позволяет показать его целеустремленным и внутренне единым, одержимым пафосом переустройства мира. Пафос этот не может не передаться читателю, не взволновать его своей эмоционально-эстетической привлекательностью. Однако в таком случае читатель все же находится в положении как бы сопереживателя действия, своего рода наблюдателя за всем происходящим в произведении, ибо позиция уже выбрана героем без внутреннего участия читателя и помимо него.

Способ изображения «от противного» требует значительной идейно-эстетической зрелости от читателя, но он же духовно делает его активным и непосредственным участником литературного действия. Читатель наглядно убеждается, переживая вместе с героем, к каким мучительным и губительным последствиям приводит отсутствие у человека активной нравственной позиции, и это непосредственно стимулирует в самом читателе внутреннюю потребность в такой позиции. Автор произведения обязан в данном случае к особенно точной расстановке идейно-эстетических акцентов, к построению сюжета, ориентирующего мысли и чувства читателя в верном направлении, в безошибочном выборе кульминационного пункта, способного вызвать своего рода катарсис у читателя. Такой путь содействует более разностороннему проявлению эстетических возможностей творческого метода.

Приведенные тезисы лежат в основе творческого метода дагестанских и чеченских писателей: А. Абу-Бакара, К. Абукова, Магомед-Расула, Канты Ибрагимова. Они не изображают героев своих произведений как догматические фигуры той или иной идеи. На протяжении всего повествования герои находятся в мучительном поиске той единственной истины, которая укажет им путь к настоящей, справедливой, честной жизни.

Литература

1. Гамзатов Г.Г. Художественное наследство и современность. Проблемы преемственности и взаимодействия дагестанских литератур. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1982.

2. [Л. Газета, 1970, 29 июня].

3. Литература. Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1981.

References

1. Gamzatov G.G. Hudozhestvennoe nasledstvo i sovremennost'. Problemy preemstvennosti i vzaimodejstvija dagestanskih literatur. Mahachkala, Dagknigoizdat, 1982.

2. [L. Gazeta, 1970, 29 ijunja].

3. Literatura. Ocherk istorii checheno-ingushskoj literatury. Groznyj, 1981.

Akhmedova Z.A., Lecturer,
Grozny State Oil Technical University

CAUCASIAN CONTINUITY IN THE CHECHEN LITERATURE

Abstract: this article is devoted to the work of the Caucasus (Chechen and Dagestani) writers and poets. Like many Soviet writers, writers of the Caucasus were able to push the existing canons, psychologically deepened, making them not only historically justified, but also historically demanded.

Keywords: Caucasian writers, historical reality, the main character, a revolutionary time, traditional culture, a free spirit and independence, ethnic identity

Гадзаова Л.П., доктор педагогических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет (СОГУ) им. К.Л. Хетагурова

КОГНИТИВНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И СТЕРЕОТИПНЫЕ СИТУАЦИИ, ФОРМИРУЮЩИЕ У СТУДЕНТОВ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация: проблема формирования языковой личности выпускника вузов входит в область подготовки специалистов. Под языковой личностью, как непосредственным носителем языкового сознания, в данной статье понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих им создание текстов различной языковой сложности и определенной языковой направленности. Свойства переводческой компетенции ориентированы на особенности двуязычной коммуникации.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, переводческая компетенция, языковое сознание, языковая личность

В исследовании такой системы, как когнитивная лингвистика и установлении важнейших принципов ее, а не только в систематическом отражении явлений языка, важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т.е. какова «когнитивная действительность». Организационно-деятельностные средства преподавания иностранного языка включают целый комплекс текстовых стереотипных ситуаций по формированию функциональных когнитивных, лингвистических, речевых, коммуникативных умений студентов неязыковых вузов при переводе иноязычных текстов в диалогической и монологической речи, достаточно сложных, но вполне решаемых ими со средним (и ниже) уровнем владения иностранным языком. Реализуя функциональный подход, не отрицая идиоматичность, студенты пытаются определить формальный критерий анализа и выбора фразеологических единиц и идиом, учитывая синтаксическую их функцию в тексте. Это вызывает определенные сложности, т.к. в отличие от фразеологических единиц, пословицы, поговорки, крылатые выражения не всегда выступают как эквиваленты слов. Задания постепенно доводятся от простого понимания до простого повествования и, наконец, до описания и рассуждения по заданной ситуации, содержащейся в ней идее (проблеме). Анализ текстовой ситуации содержания включает лингвистические, педагогические, этно-психологические и методические аспекты, связанные также с учетом трудности текста, понимания инокультурных ценностей, объема высказывания и т.д.

В процессе языкового обучения тренировочные упражнения направлены на выявление когнитивных структур и процессов, которые свойственны человеку, а именно, на первом плане выводятся системные проявления признаков усвоения иностранного языка, описание и объяснение степени усвоения и на этой основе формулируются принципы структурирования языковых знаний, развитие когнитивных, функциональных умений и навыков и формирование межкультурной компетентности студентов. Качество выполнения задания зависит от выбора текстового материала, аутентичности, вида деятельности, уровня знания иностранного языка, соотношения коммуникативной и лингвистической компетенций, а также длительности и личностного опыта такого рода ситуаций. Все задания предусматривают творческий подход и учитывают стереотипы национальных и инокультурных особенностей.

Выводы не обязательно логически связаны с решением конкретной задачи, которая, возможно, не актуальна для данного студента, поэтому принятие решений носит условный характер, не напрягает, не мешает сконцентрироваться на демонстрации знания языковых структур, что не всегда оправдано с точки зрения выполнения поставленных заданий, но оставляет простор для творчества студентов, которые могут:

– подгонять ситуацию под этностереотип и понять инокультурный контекст:

– обосновывать собственное мнение по данной проблеме;

– расширять границы определенной межкультурной коммуникативной ситуации.

Упражнения могут быть использованы в любой аудитории, т.к. студентам легко адаптироваться к чужим ролям и искусственно менять стереотипы своего поведения. Задания предусматривают погружение в игровую текстовую ситуацию, которая может произойти в жизни, и предлагают найти реальный выход из положения.

Выполняя задания, студенты учатся пользоваться адекватными грамматическими и лексическими языковыми средствами, определять их функциональность, ценностное содержание и реализовывать собственные умения и языковую интуицию. Во время обсуждения расставляются аргументирован-

ные акценты (воображаемые и реальные), помогающие прийти к взаимопониманию и обозначить достигнутый уровень языковой компетентности, ее интерактивности, ценностности и полезности.

Реализация функционально-компетентностного подхода, включающего проработку в процессе обучения иностранному языку реально возможных ситуаций и выработку у студентов соответствующих ценностных установок и позитивных схем поведения и ассимиляции иноязычных концептов, требует от преподавателя дополнительно актуализации лингво-коммуникативного компонента путем соответствующих исследовательских или информационных заданий, помогающих ориентироваться в конкретной текстовой ситуации. Задания могут включать вопросы, стимулирующие студента к активному поиску релевантных ответов, отражающих аутентичную ситуацию и использованию содержащейся в этих вопросах информации (культурологической, грамматической и лексической) в ответах и рассуждениях. Все упражнения должны отвечать определенным требованиям, а именно:

- (минимально) отражать текстовую ситуацию, релевантную для участников образовательного процесса; содержать в себе мини проблему, завязанную на сюжете текста и способную вызвать заинтересованность в интеракции;

- (максимально) быть релевантными в плане сопоставительного анализа, функционально определенными и информативными, то есть, выполнять реальные (когнитивную, прагматическую и ценностную) функции; настраивать студентов на желание получить искомую информацию, подтверждающую, или опровергающую их предположения.

Материал заданий – специально подобранные параллельные фрагменты текстов-оригиналов и их переводов на русский язык. Предпочтительнее располагать их в две параллельные колонки: слева – оригиналы, справа – переводы.

Упр.1. Материал: справа даны переводы, высокое качество которых очевидно, однако степень их семантико-структурного сходства с оригиналами различна. Сделать собственный построчный перевод оригинала.

Задание: назвать переводы, наиболее близкие к оригиналу и наиболее далекие от него в лексико-грамматическом, семантико-структурном и ценностном отношении; попытаться объяснить, почему переводчик был вынужден «удалиться» от оригинала.

Цель: показать различные доказательства хорошего перевода, а также вынужденный характер и мотивированность функциональность семантико-структурных отступлений от оригинала, ценностное обоснование.

Упр.2. Материал: часть переводов справа содержит буквализмы и вольности (но определенную часть правого столбца составляют переводы вполне адекватные). Сделать собственный построчный перевод оригинала.

Задание: выявить буквализмы и вольности, назвать адекватные переводы; соответственно исправить слишком буквальные и слишком вольные переводы, дать сравнительную ценностную характеристику.

Цель: развитие умения избегать названных крайностей и чувствовать уверенность в переводе, ценностная характеристика.

Упр.3. Материал: адекватные переводы правого столбца выполнены с существенными трансформациями. Сделать собственный построчный перевод оригинала.

Задание: выявить трансформации и попытаться объяснить, чем они мотивированы, есть ли лингво-семантические расхождения. При выполнении этого задания студенту нужно продумать, что было бы, если бы трансформация не была выполнена.

Цель: научиться по структурно-семантическому «облику» оригинала в общих чертах представлять себе (прикидывать), как будет выглядеть перевод. Ценностная оценка.

Упр.4. Материал: большая часть переводов содержит разного рода переводческих ошибок как содержательного, так и нормативно-языкового характера: искажений, неточностей, неясностей, нормативных (в том числе функционально-стилистических) ошибок), разного рода семантических ляпсусов типа «насильственный распад семей» вместо «разъединение». Сделать собственный построчный перевод оригинала.

Задание: найти, классифицировать и устранить ошибки, установить их влияние на ценностный характер.

Цель: профилактика переводческих ошибок через их конкретизацию, ценностный анализ.

Упр.5. Материал: оригинал и несколько вариантов его перевода в исполнении разных переводчиков. (В этот раз речь идет не об отрывках, а о небольшом цельном тексте). Сделать собственный построчный перевод оригинала.

Задание: взяв все лучшее из разных переводов, составить его оптимальный вариант; в тех местах, где ни один из вариантов не представляется удовлетворительным, можно предложить свой художественный перевод.

Цель: конкретизация теоретических представлений об оптимальном варианте перевода, развитие умения выбрать его, дать оценку и систематизировать ценностные качества.

Таким образом, обучение переводу эффективно начинать с введения лексико-грамматического

минимума; затем привития умений, связанных с проблематикой нормы, смысловой структуры, ценностного подтекста в переводе, чтобы избежать небрежного в языковом отношении перевода.

Конкретно подобранные тексты оказывают воздействие на студентов содержанием, выраженным с помощью подбора определенных средств языка. Поэтому из разных средств передачи исходного содержания студенты учатся выбирать те, которые максимально приближены к воздействию языковых средств оригинала (возможны несколько вариантов). Главными факторами, которые при этом следует учитывать, являются: *языковая система, языковая норма, речевая норма,* передача тех или иных нравственных норм их соблюдения или нет, ценностные качества и логическая структура текста (тема-рематическая цепочка).

Система языка – это совокупность взаимозависимых его единиц разного уровня и моделей, по которым они «работают» (сочетаются, образуют речевые произведения). Считается, что система способна производить не только то, что реально встречается в речи людей и признается правильным, но и то, что в речи не употребляется или употребляется, но считается неправильным.

Языковая норма представляет собой своего рода «фильтр, который пропускает или задерживает то, что реально существует, функционирует, то, что способна производить языковая система; функционирует в языке и признается обществом правильным, «отфильтровывает» те возможные продукты системы, которые в языке не существуют, в речи не употребляются, а если и употребляются, то признаются неправильными» [3, с. 87].

Языковая норма – это представление языкового коллектива о том, что есть правильное и неправильное в языке и речи. Существуя как объективное данное, языковая норма отражается в грамматических справочниках, подвержена историческим изменениям.

Речевая норма – представляет собой еще один «фильтр, следующий за фильтром, образуемым языковой нормой. Если *языковая норма* отсеивает также виды неправильностей, которые имеют абсолютный характер (то, что неправильно всегда – в любой ситуации, в высказывании о любом предмете), то *узус* «отфильтровывает» высказывания по относительному принципу: уместно – неуместно, более предпочтительно – менее предпочтительно и при этом то, что уместно в одной ситуации, может оказаться менее уместным или неуместным в другой» [3, с. 88]. Например, если на рынке уместно спросить: «Почем ваши огурцы»? – то в ювелирном магазине вопрос: «Почем это бриллиантовое колье»? – прозвучит несколько странно. Соответственно узус можно определить как предметно-ситуативные правила употребления языка.

Предметный аспект речевой нормы – это речевые традиции, связанные с предметом речи: как принято спрашивать о цене, о времени, просить о помощи, поздравлять с Новым годом и т.д. Социальный аспект – это речевые традиции, связанные с ситуацией общения: как принято здороваться с друзьями, равными себе коллегами, с начальством, как принято говорить в неформальной и в официальной обстановке и т.д. Перевод должен соответствовать ценностному, предметному и социальному узусу.

При переводе, пытаясь понять функциональную ценностную проблему, студент должен продемонстрировать не только умение пользоваться адекватными языковыми средствами (соответствующими грамматическими и лексическими единицами, «представляющими собой нечто объективное, т.е. соответствие объектов, достигающее степени адекватности, представляющее собой объективную реальность, не зависящую от нас» [2, с. 31]), но и реализовать свои ценностные взгляды, создать позитивный или отрицательный фон деятельности. Достаточно четко представленное ценностное целеполагание ориентирует на реализацию ценностного потенциала студента, демонстрирует, какие нравственные ориентации скрываются в тексте, какие языковые средства используются для их распознания, к каким средствам следует прибегнуть, чтобы быть убедительным в обосновании своего мнения, т.е. проявить еще и познавательную ценность.

Роль преподавателя в развитии у студентов межкультурной и профессиональной компетентностей, когнитивных составляющих обучения заключается в их дополнительной актуализации путем подготовки соответствующих информационных заданий, включая отработку собственно переводческого процесса и предоставление студентам самостоятельности. Его функция – обучать процессу перевода, но, не проводя его за студентов. Задания могут включать вопросы, стимулировавшие студента на следующие моменты в текстах:

1) рассуждать в масштабах всего текста;
2) искать проблему, завязанную на конфликте интересов действующих лиц;
3) выявлять их ценностную роль;
4) установить потенциальную значимость тех или иных ситуаций;
5) быть когнитивно и лингвокультурологически информированным для качественного выполнения заданий в процессе сравнительно-сопоставительного анализа.

Действия, выполнение которых приводит к решению познавательных задач, являются необхо-

димыми составляющими деятельностно-компетентностного подхода. «Действие – это процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е. процесс, подчиненный цели» [4, с. 131].Осуществляя в образовательном процессе исполнения *ориентировочной, исполнительной и контролирующей* частей по М.А. Давыдовой [1, с. 26], мы дополняем их в своей практической деятельности следующими операциями:

- создание условий для осуществления студентами обучающих иностранному языку действий;
- предоставление каждому студенту условий репрезентировать себя в возможных для него действиях изменить свой статус к лучшему (по стереотипной или создать такую ситуацию);
- выделение общих обучающих действий (приоритетные может определить студент);
- дать студенту право, в случае затруднений получать от преподавателя аргументированные разъяснения, повторную отработку каких-то действий.

Ориентировочная часть ставит перед преподавателем задачу обеспечить объяснение выполняемого материала такими указаниями, опора на которых позволит студенту правильно выполнить задание.

Исполнительная часть действия является процессом выполнения заданий студентами с различной степенью опоры на ориентировочную основу.

Контролирующая часть действия является процессом наблюдения за правильностью ориентировки и исполнения.

Таким образом, обобщающий базовый курс обучения иностранному языку и формирование на его основе профессиональной и межкультурной компетентностей у студентов неязыковых вузов включает следующие ступени:

1) актуализацию усвоенных умений и навыков лингво-культурологического сравнительно-сопоставительного анализа;
2) формирование умений вникать в глубокий ценностный смысл заданного текста;
3) итоговое обсуждение и обоснование результатов.

Лингво-страноведческая информация, доводимая до студента в процессе обучения, включает представления о ценностях, идеалах, свободах и приоритетах данного общества. К источникам таковых относятся произведения известных немецких, осетинских и русских авторов (И. Гете, Ф. Шиллера, Г. Гейне, Э.М. Ремарка, Э.М. Рильке, К. Хетагурова, Г. Цаголова, Р. Рождественского и др.).

При работе с лексикой студентам предлагаются следующие задания:

Из списка слов выбрать те, которые описывают реалии, свойственные:

- немецкоязычной культуре;
- российской культуре;
- национальной культуре;
- общечеловеческой культуре.

Студентам также предлагаются творческие задания, например: описать традиционные национальные, русские и немецкоязычные обряды (кувд-пир по самым разным поводам, дни рождения, дни святых, свадебные церемонии и т.д.), сравнивая с традициями немецкой, осетинской, русской культуры.

Задания, направленные на выявление результатов работы с текстами, должны содержать: диалоги, тематически связанные с обсуждением традиций, описанных в текстах (свадьбы, и т.д.) с пропущенными строчками, которые студенты должны заполнить относящимися к теме клише, понятиями и т.п. Такого рода упражнения формируют у студентов адекватное представление о соответствующем фрагменте картины мира разных культур, укрепляя мотивацию обучения.

Практическая работа показывает, что после применения системы упражнений, направленных на формирование умений ориентироваться в иноязычных культурных традициях, студенты успешно справляются с тематическими тестами, что доказывает эффективность и целесообразность проводимого обучающего курса.

Итоговые тесты показывают заинтересованность студентом предметом, степень сформированности его ценностных ориентаций, что приводит к вариативности решений разработанной системы упражнений и стимулу достижения успеха.

Литература

1. Давыдова М.А. Деятельностная методика обучения иностранным языкам. М.: Педагогика, 1990. 137 с.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002, 424 с.
3. Латышев Л.К., Проворотов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе: М.:НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 136 с.
4. Непомнящая Н.И. Человек – целостный. М.: Наука, 2002. 267 с.

References

1. Davydova M.A. Dejatel'nostnaja metodika obuchenija inostrannym jazykam. M.: Pedagogika, 1990. 137 s.
2. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie. M.: JeTS, 2002, 424 s.
3. Latyshev L.K., Provorotov V.I. Struktura i soderzhanie podgotovki perevodchikov v jazykovom vuze: M.:NVI-TEZAURUS, 2001. 136 s.
4. Nepomnjashhaja N.I. Chelovek – celostnyj. M.: Nauka, 2002. 267 s.

Gadzaova L.P., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Northern Ossetian State University named after K.L. Hetagurov

COGNITIVE STRUCTURES OF A FOREIGN LANGUAGE AND STEREOTYPIC SITUATIONS FORMING TRANSLATION COMPETENCES AT STUDENTS

Abstract: the question of developing the language personality in high school is a part of the professional qualification training. The language personality is an intermediate language consciousness owner. This article defines the language personality properties as the system of student's characteristics and skills that help produce text messages at the level of various language complexity and definite language tendency. The translation competence is oriented into the special features of two language communications.

Keywords: professional training, translation competence, professional competence, language consciousness, language personality

Гашимов Э.А., доктор филологических наук, доцент, профессор,
Самарский филиал, Московский городской педагогический университет,
Куровская А.Е., кандидат филологических наук, доцент,
Университет китайской культуры (Тайбэй)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «КОММУНИКАТИВНЫЙ СБОЙ» (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИИ)

Аннотация: статья посвящена научному исследованию в рамках теории лингвокультурологических исследований. Проведен анализ феномена «коммуникативный сбой» призму лингвокультурологии.

Ключевые слова: коммуникативный сбой, лингвокультура, субкультура

Социальный аспект лингвокультурологического подхода предполагает рассмотрение языка и социальных структур как явлений динамических, признание того, что язык находится в постоянном процессе приспособления к изменяющимся условиям жизни общества. Языковая деятельность человека есть неотъемлемая форма выражения его сущности, предпосылка и часть человека как общественного существа. Опосредующими факторами связей языка и общества являются общественные отношения. В процессе человеческой деятельности творятся не только вещи, но и связи, отношения между людьми. А связи и отношения (коммуникации) во многом поддерживаются или даже вообще делаются возможными с помощью такого средства, как язык. Язык может развиваться как результат и в то же время как составная часть совокупного общественного развития [1, с. 195].

Что же касается культуры, то она, в рамках лингвокультурологической компетенции, понимается как знание, которым оперирует человек как член общества, и, «чтобы понимать язык, необходимо понимать культуру» [2, с. 238]. В данной статье мы рассматриваем аспекты коммуникативного сбоя австралийцев коренного и некоренного происхождения; рассматриваем коммуникативный сбой двух культур – современной культуры аборигенов и культуры белых австралийцев, в рамках субкультуры закона. Мы увидим, что аборигены, говорящие по-английски, находятся в невыгодном положении перед законом из-за значительной разницы в использовании языка.

Недавние работы лингвистов указывают несколько специфических особенностей языка закона: необычные предложные фразы, неясная анафора, особенности порядка выступлений в суде. Английским языком аборигенов называют не варианты английского, на котором говорят аборигены и который в основном не представляет трудностей для понимания говорящими на стандартном английском языке. Эти различия носят систематический характер и проявляются во всех сферах языка: фонетике, морфологии и синтаксисе, лексике, семантике и др.

Точное количество говорящих на всех вариантах английского языка неизвестно, но, в соответствии с переписью населения 2014 года, это более 72% коренного населения Австралии. [3, с. 211].

Большинство работ об этих вариантах английского языка исследуют их фонологические, морфологические и синтаксические системы, ничего не говоря о социокультурном контексте говорящих.

Разница между стандартным английским языком и его вариантами может породить проблему общения. Например, у аборигенов нет местоимений третьего лица женского и мужского рода. Они не замечают разницы между «he» и «she», во всех случаях используя «he».

Нет сомнения в том, что некоторые аборигены успешно общаются с некоренными жителями. Но все же количество таких людей невелико. Уровень межкультурной компетенции, способность переключаться (сознательно или бессознательно) с одного стиля общения на другой зависит от таких важных условий, как образование и место работы.

Один из наиболее очевидных отличительных признаков в способе выяснения нужной информации у аборигенов и белого населения Автсралии – это использование вопросов. В речи аборигенов, безусловно, используются вопросы, но их употребление строго ограничено.

Прямые вопросы нужны для выяснения основной информации, чтобы прояснить тему, а также время, место какого-то события. Если такие прямые вопросы задаются по-английски, то делается это в форме утвердительного предложения с повышающейся интонацией: «You were at the pub?», «Janey came home?» и т.д. Говорящий скорее предложит некий вариант для утверждения или исправления.

Но все же разница не только в грамматической структуре. Существуют фундаментальные социокультурные отличия в использовании тех или иных моделей речи.

Что более важно, так это то, как аборигены выясняют существенную информацию, например, подробности или мотивы личного характера. В

этих случаях вопросы не используются. Процесс выяснения носит гораздо более косвенный характер. Говорящий озвучивает немногое из того, что ему известно, затем следует пауза. Например, вопросу «Что случилось вчера вечером в пабе?» абориген предпочтет такое утверждение: «Я слышал, вчера в пабе была большая драка». Конечно, в ситуациях, требующих большого такта, такая стратегия белыми австралийцами используется. Для аборигена же такая стратегия – не проявление тактичности, а обычный способ общения.

При этом человек, обладающий нужными сведениями, не обязан раскрывать их, этого от него не ждут. В обществе аборигенов, где многие сферы знания строго контролируются, не всегда человек имеет право раскрывать известную ему информацию [2, с. 239].

Это культурное отличие является фундаментальным. Когда белый австралиец задает аборигену обычные в своем понимании вопросы и ожидает привычных ответов, он совершает ошибку. Он не получает того, что ожидает и принимает колебания, молчание и медлительность за проявления незнания или вины.

Специфика английского языка аборигенов.

Еще одной специфической особенностью английского языка, на котором говорят аборигены, является система счета. Предметы, люди и места будут не сосчитаны, а, скорее, перечислены. Например, на вопрос «Сколько там было людей?» абориген, скорее всего, перечислит все имена. То же самое происходит и с днями недели. Уточняя что-либо, абориген ссылается на определенные события или ситуации вместо упоминания часа и даты.

Отвечая на специальные вопросы аборигены часто дают неточную, приблизительную информацию. Например, на вопрос «Сколько порций вы выпили?» он может ответить: «Должно быть, несколько» или «Должно быть, больше, чем Фредди». Если мы сталкиваемся с таким вариантом английского языка, то необходим переводчик. Речь идет не просто о переводчиках с одного языка на другой, а о переводе с языка одной культуры на язык другой.

Литература

1. Гашимов Э.А., Куровская А.Е. Коммуникативный конфликт как лингвокультурологический феномен // В сборнике: межкультурное взаимодействие в современном мире. 2014. С. 194 – 201.

2. Гашимов Э.А., Никишкова М.С., Олянич А.В. Лингвосемиотическая модель кодированной потребностной коммуникации // В сборнике: иноязычное образование: традиции и инновации. 2015. С. 236 – 249.

3. Крис Дейл. Язык и культура. Проблемы языковой компетенции. Л. 2002. С. 110 – 127.

References

1. Gashimov Je.A., Kurovskaja A.E. Kommunikativnyj konflikt kak lingvokul'turologicheskij fenomen // V sbornike: mezhkul'turnoe vzaimodejstvie v sovremennom mire. 2014. S. 194 – 201.

2. Gashimov Je.A., Nikishkova M.S., Oljanich A.V. Lingvosemioticheskaja model' kodirovannoj potrebnostnoj kommunikacii // V sbornike: inojazychnoe obrazovanie: tradicii i innovacii. 2015. S. 236 – 249.

3. Kris Dejl. Jazyk i kul'tura. Problemy jazykovoj kompetencii. L. 2002. S. 110 – 127.

Gashimov E.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor, Professor,
Samara branch of Moscow City Teacher Training University,
Kurovskaya A.E., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chinese Culture University (Taipei)

LINGUOCULTURAL PHENOMENON OF "COMMUNICATION FAILURE" (FOR EXAMPLE, THE ENGLISH LANGUAGE OF THE INDIGENOUS INHABITANTS OF AUSTRALIA)

Abstract: the article is devoted to scientific research in the framework of the theory of linguistic cultural studies. The analysis of the phenomenon of "communication failure" from the perspective of cultural linguistics is made.

Keywords: communicative failure, linguistic culture, subculture

Парочкина М.М., кандидат филологических наук, доцент,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Аннотация: статья посвящена проблеме реализации принципа проблемного обучения на продвинутом этапе изучения русского языка иностранными студентами. Принцип проблемного, или исследовательского, обучения, зародившийся ещё в Древней Греции, наиболее полное обоснование нашел в 20-30 гг. XX века в трудах американского философа и педагога Джона Дьюи. На сегодняшний день этот принцип считается одним из лучших в педагогике, так как он наиболее полно отвечает новым требованиям, предъявляемым к организации учебного процесса, а также целям современного образования – индивидуализации и развитию творческих способностей учащихся.

В статье рассматриваются этапы проблемного обучения, некоторые аспекты организации самостоятельной работы студентов-иностранцев, которая при данной форме обучения становится важнейшим компонентом образовательного процесса, а также даются рекомендации, помогающие реализовать принцип проблемного обучения на практике.

Ключевые слова: проблемный принцип обучения, проблемная ситуация, самостоятельная работа, иностранные студенты, метод

Проблемный, по-другому эвристический или исследовательский, метод обучения, по праву считается одним из лучших в современной педагогике. Но было бы ошибочным считать его достоянием нашего времени. Элементы проблемного обучения можно увидеть ещё в эвристических беседах Сократа. Очень близко к идее проблемного обучения подошли в своих трудах Ж.-Ж. Руссо и К.Д. Ушинский. Но наиболее полно проблема исследовательского метода в образовании раскрыта в трудах американского философа и педагога Джона Дьюи, для которого основными целями обучения выступали «умение решать жизненные задачи, овладение творческими навыками, обогащение опыта, под которым понимались знания как таковые и знания о способах действия, а также воспитание вкуса к самообучению и самосовершенствованию» [3, с. 215].

Под проблемным обучением сегодня понимается организация учебного процесса, когда проблемная ситуация, созданная под руководством преподавателя, решается в ходе самостоятельной деятельности учащихся. В результате такого подхода происходит творческое овладение знаниями, умениями и навыками, что естественным образом ведёт к развитию мыслительных способностей.

И в средней, и в высшей школе уход от традиционного способа обучения, когда главными были передача информации и её последующее освоение, требует новых методов организации учебного процесса, повышения его эффективности. И проблемное обучение наиболее полно отвечает таким требованиям.

Исследовательский подход как нельзя лучше соответствует и целям современного образования, в частности индивидуализации и развитию творческих способностей обучаемых, поскольку при таком подходе знания в большей своей части не передаются педагогом в готовом виде, а приобретаются учащимися в ходе самостоятельной познавательной деятельности. Самостоятельная работа, таким образом, становится важнейшей составляющей образовательного процесса. Именно этот вид деятельности способствует формированию у учащихся сознательного отношения к овладению знаниями, чёткому осмыслению путей и средств решения проблемы, так как «никакие знания, не ставшие объектом собственной деятельности, не могут считаться подлинным достоянием человека» [7, с. 129].

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты организации самостоятельной работы при использовании принципа проблемного обучения в вузе на продвинутом этапе изучения русского языка иностранными студентами.

Исследователи выделяют следующие этапы проблемного обучения.

1. Создание проблемной ситуации и формулировка проблемы.

2. Подготовка к решению проблемных задач, поиск путей её решения.

3. Выбор и формулировка оптимального решения проблемы на основе собранной информации.

Важным моментом в проблемном обучении становится то, что акцент здесь с развития памяти (как при информативном обучении) переносится на развитие мышления. Посредством учебной проблемы и её дальнейшего решения студенты усваивают не только знания, но и способы их получения, выбирают оптимальные пути решения поставленной задачи. На таких уроках главными становятся приемы сравнения, анализа, обобще-

ния, доказательства и опровержения, а время урока расходуется на выполнение системы разнообразных самостоятельных работ: обсуждение, опровержение, согласие, дискуссия учащихся.

Основное понятие проблемного обучения – проблемная ситуация. Это такой приём, когда студенты включаются в работу ещё до того, как они получат информацию, составляющую для них новое знание. Роль учебной проблемной ситуации состоит в том, чтобы возбудить интерес и показать, что знаний, которыми обладают учащиеся, уже недостаточно для решения поставленной проблемы. Основным источником проблемных ситуаций для иностранных студентов становится учебный текст.

С целью создания проблемной ситуации предлагается несколько ориентирующих заданий, которые должны ввести студентов в проблематику текста, пробудить интерес к данной проблеме, поставить их перед необходимостью приобретения новых знаний, стимулировать потребность обращения к источнику информации – тексту или к серии текстов.

Первый этап работы мы проводим в аудитории, занятие проходит в форме диалога-беседы. Вопросы задаются в усложняющейся последовательности, от простого к сложному. Последние вопросы имеют такую степень сложности, которую студенты не смогут преодолеть, базируясь лишь на имеющихся знаниях.

Предлагаются ориентирующие задания такого типа.

1. Объясните значение понятия «машины».

2. Объясните разницу между понятиями «компьютерный» и «компьютеризированный».

3. Объясните используемое программистами понятие «открытая архитектура» (принципа open source продуктов).

4. Считаете ли вы, что эра монолитных решений в программировании ушла в прошлое?

6. Что может дать принцип «открытой архитектуры» в будущем?

7. Почему использование принципа «открытой архитектуры» перевернуло представление о возможностях использования ПК?

Таким образом, в процессе работы над ориентирующими заданиями студенты оказываются перед необходимостью приобретения новых знаний – так появляется мотивация для обращения к тексту (или текстам) и дальнейшей самостоятельной работы. С целью усвоения языковых средств в условиях проблемной ситуации используются лексико-грамматические упражнения. После самостоятельного внеаудиторного или частично аудиторного (при помощи педагога) выполнения лексико-грамматических заданий студенты обращаются к тексту (или текстам), из которого они должны извлечь информацию, необходимую для решения учебной проблемы.

Работа с текстом – самостоятельная домашняя работа, которая является необходимой частью учебного процесса, особенно на продвинутом этапе обучения, а также при работе с аспирантами, стажёрами. Исходя из всего сказанного, перед педагогом встаёт вопрос организации и управления этой формой познавательной активности. Самостоятельная работа находится в тесной связи с аудиторной работой, проводимой под руководством преподавателя. Управление самостоятельной (домашней работой) представляет собой, как пишет В.В. Добровольская, особый случай управления учебной деятельностью. С одной стороны, оно должно компенсировать отсутствие преподавателя, а с другой стороны – обеспечивать условия для саморегуляции: «Аудиторное занятие не может быть полноценным, если домашнее задание не сыграло в нём своей роли, не установило связи между отдельными звеньями учебной работы, не выявило степени активности и заинтересованности учащихся. Это не только звено учебного процесса, но и его резерв: чем рациональнее она организована, тем эффективнее преподавание в целом» [2, с. 60].

В этом случае главную задачу преподавателя составляет выбор оптимальной формы опроса учащихся, которая бы соответствовала специфике изучаемого материала и общим целям занятия. Домашнее задание от урока к следующему занятию или занятиям выступает как план будущей работы. Задача преподавателя состоит в этот момент в том, чтобы адекватно сформулировать заранее отобранные для самостоятельной работы задания, определить, за какое время и где они должны выполняться учащимися (дома, в читательском зале, в компьютерном классе) и т.п. При этом важно помнить, что речь в обоих случаях идёт об одном и том же задании, которое, следовательно, должно иметь адекватную формулировку при первом своём предъявлении и оптимальную форму проверки при втором.

Для проблемных занятий нами отбирались тексты, в которых рассматриваются общетехнические, экономические, социальные проблемы, проблемы экологии. Данные тексты носят познавательно-развивающий характер, так как затрагивают актуальные темы общечеловеческой значимости.

Задания по ориентации в структурно-смысловой организации текста помогают учащимся «увидеть» композицию текста, выделить в нем отдельные структурно-смысловые компоненты,

выявить информационные центры текста. Это могут быть задания следующего типа.

1. После прочтения каждого абзаца выделите в них информативные центы и комментирующую часть.

2. Выделите вводную, основную и заключительную части абзаца.

3. Сформулируйте тему абзаца, укажите, какова его роль в тексте и как он связан с другими абзацами текста.

4. Найдите слова, скрепляющие предложения абзаца в единое целое.

Далее предлагаются речевые задания, которые развивают и закрепляют навыки такого умения, как говорение (монологи-рассуждения). Эти задания помогают выявить принципы решения учебной проблемы, так как представляют анализ данной проблемы с точки зрения автора статьи и с точки зрения студента.

При контроле речевых заданий преподаватель выбирает оптимальные формы опроса, например, можно выбрать форму беседы-дискуссии (в «продвинутых» группах студентов), а можно предложить студентам выступить с сообщением по данной проблеме в форме монолога.

Нами предлагаются следующие задания.

1. Аргументируйте (докажите), что ... (специалист должен принимать экологически правильные решения, но в действительности это далеко не так).

2. Подтвердите мысль о том, что ... (происходит разочарование человечества в перспективах атомной энергетики).

3. Изложите ... (задачи и перспективы развития альтернативных видов энергии) с точки зрения автора текста (или статьи). Выскажите своё мнение по данной проблеме.

На этом этапе осуществляется выход из проблемной ситуации и её решение. Подбирая вопросы различной степени трудности, можно активизировать всех учащихся и, таким образом, реализовать принцип индивидуализации учебного процесса.

Итак, по степени подготовленности внеаудиторного задания во многом можно судить о подготовленности учебного процесса в целом. При анализе занятия говорится, с одной стороны, о степени подготовленности заданий преподавателем, то есть об их адекватности целям урока и курса в целом, и об оптимальности предложенного способа их проверки. С другой стороны, о том, как подготовлены задания, проверяемые на уроке самими студентами. Здесь идет речь об активности, заинтересованности и способностях учащихся, о степени их участия в уроке. И занятие можно считать успешным в том случае, если обе стороны – и преподаватель, и студенты – отнеслись с достаточным вниманием к выполнению домашнего задания.

В заключение даются итоговые задания, которые предполагают применение полученных знаний в новых ситуациях. Такая работа может проходить в форме беседы-дискуссии, а также переходить в проблемные монологи, выходящие за рамки тематики данного текста. Студенты предлагают свои высказывания по данной теме. При выполнении таких заданий осуществляется соединение личного опыта в прошлом и настоящем (актуализация социальной роли обучаемых) и будущей профессиональной деятельности с усвоенным материалом, самостоятельная оценочная, интеллектуальная деятельность студентов, воспроизведение неподготовленных высказываний.

Возможные варианты заданий.

1.Что является критерием истины для большинства учёных?

2.Какую цель преследуют осуществляемые сегодня в мире космические программы?

3.Какой источник энергии необходим космонавтике сегодня?

5. Можете ли вы дать прогноз, когда произойдет новый научный прорыв в космических технологиях и с чем это будет связано?

6. За счёт чего удалось бы покрыть все энергетические нужды человечества?

Творческий характер предлагаемых заданий, выполняемых в ходе самостоятельной учебной деятельности, как нельзя лучше формирует у учащихся сознательное и активное отношение к получению знаний. Активизируя внутренние резервы личности, самостоятельная работа, являющаяся ведущей формой организации учебного процесса при проблемном обучении, ведет к саморазвитию, творческому применению полученной информации, методам адаптации к профессиональной деятельности.

Литература

1. Авдеева И.Б. К вопросу о проблемах преподавания РКИ в вузах инженерного профиля // Современные естественнонаучные и гуманитарные проблемы: Сб. трудов. М.: Логос, 2005. С. 3 – 6.

2. Добровольская В.В. Домашние задания как резерв учебного времени // Русский язык за рубежом. 1984. №2. С. 58 – 63.

3. Дьюи Дж. От ребёнка – к миру, от мира – к ребёнку (Сб. статей). М.: Карапуз, 2009. 348 с.

4. Иванова А.С. Концепция создания учебно-методического комплекса «Русский язык всем» // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2008. №3. С. 105 – 108.

5. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: Учебное пособие для педагогических учебных заведений / под ред. акад. А.И. Пискунова. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 512 с.

6. Осипова Н.Н. Проблемные методы обучения и проблемные методы обучения иностранным языкам // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 3. №2 (5). С. 1120 – 1123.

7. Основы педагогики и психологии в высшей школе / под редакцией А.В. Петровского. М., 1986.

8. Росина И. Организация СРС в контексте инновационного обучения. «Высшее образование в России». 2006 г. №7. С. 109 – 114.

9. Рубаник А., Большакова Г., Тельных Н. Самостоятельная работа студентов. «Высшее образование в России». 2005. №6. С. 120 – 124.

References

1. Avdeeva I.B. K voprosu o problemah prepodavanija RKI v vuzah inzhenernogo profilja // Sovre-mennye estestvennonauchnye i gumanitarnye problemy: Sb. trudov. M.: Logos, 2005. S. 3 – 6.

2. Dobrovol'skaja V.V. Domashnie zadanija kak rezerv uchebnogo vremeni // Russkij jazyk za rubezhom. 1984. №2. S. 58 – 63.

3. D'jui Dzh. Ot rebjonka – k miru, ot mira – k rebjonku (Sb. statej). M.: Karapuz, 2009. 348 s.

4. Ivanova A.S. Koncepcija sozdanija uchebno-metodicheskogo kompleksa «Russkij jazyk vsem» // Vestnik RUDN. Serija Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'. 2008. №3. S. 105 – 108.

5. Istorija pedagogiki i obrazovanija. Ot zarozhdenija vospitanija v pervobytnom obshhestve do konca XX v.: Uchebnoe posobie dlja pedagogicheskih uchebnyh zavedenij / pod red. akad. A.I. Piskunova. M.: TC «Sfera», 2001. 512 s.

6. Osipova N.N. Problemnye metody obuchenija i problemnye metody obuchenija inostrannym jazykam // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2011. T. 3. №2 (5). S. 1120 – 1123.

7. Osnovy pedagogiki i psihologii v vysshej shkole / pod redakciej A.V. Petrovskogo. M., 1986.

8. Rosina I. Organizacija SRS v kontekste innovacionnogo obuchenija. «Vysshee obrazovanie v Ros-sii». 2006 g. №7. S. 109 – 114.

9. Rubanik A., Bol'shakova G., Tel'nyh N. Samostojatel'naja rabota studentov. «Vysshee obrazovanie v Rossii». 2005. №6. S. 120 – 124.

Parochkina M.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State Automobile and Road Technical University

THE IMPLEMENTATION OF THE PROBLEM-BASED LEARNING PRINCIPLE AT THE ADVANCED LEVEL OF STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE BY FOREIGN STUDENTS

Abstract: the article covers the implementation of the problem-based learning principle at the advanced level of studying the Russian language by foreign students. The problem-based principle, or research-based, learning originated in Ancient Greece and got the most complete justification in 20-30 of the XX century in the American philosopher and professor John Dewey works. Today this principle is considered to be the best in pedagogy, as it most fully meets the new requirements of the educational process and the objectives of modern education – individualization and the development of students' creative capabilities.

The article reviews the stages of problem-based learning and some aspects of students' independent work organization, which becomes one of the most important components of the educational process in this form of learning.

Keywords: problem-based learning, problem-based situation, independent work, method

Сапожникова О.А., старший преподаватель,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки

МОНГОЛЬСКАЯ ПРОЗА XX ВЕКА НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ: РАССКАЗ С. БУЯННЭМЭХА (1902-1937) ПОД НАЗВАНИЕМ «ЗАВТРА» (*МАРГААШ*)

Аннотация: в статье рассмотрен рассказ С.Буяннэмэха под названием «Завтра» (Маргааш), ставший первой ласточкой нового времени и первым успехом на пути становления монгольской прозы XX века. Герой рассказа Гомбо стал воплощением национального характера и одним из героев «старой» дореволюционной Монголии, передающих атмосферу недавнего прошлого страны.

Ключевые слова: монгольская проза, революционные идеи, литературный тип.

Сономбалжирын Буяннэмэх (1902-1937) – незаурядная личность, монгольский писатель 20-30-х гг. XX века, оставивший яркий след в развитии отечественной словесности. Пройдя тернистый творческий путь, С. Буяннэмэх с одинаковым успехом работал в поэзии, прозе, драматургии и публицистике. Как настоящий просветитель, он озаботился необходимостью распространения среди литераторов традиционных и новаторских приемов творчества и создал первую национальную поэтику «Врата литературы» (*Утга зохиолын үүд*), затем способствовал выпуску первого альманаха новой монгольской литературы под названием «Свод изящных слов» (*Уран үгсийн чуулган*).

Перед монгольской прозой в 20-30-е годы XX века стояли те же задачи, что и перед другими видами литературного творчества: обличать феодальное прошлое страны и воодушевлять монгольский народ на построение светлого будущего, разъяснять идеи революции.

Форма и содержание первых прозаических произведений определялись популяризаторскими задачами, главными достоинствами их считались доступность, простота и ясность. Проза, лишенная этих качеств, так же, как и революционного содержания, признавалась ненужной и излишней. С. Буяннэмэх – первый из монгольских писателей рассказывал о революционных идеях, первый обратился к простым людям, смог в своих произведениях отразить роль простого человека в истории страны, все сложности, с которыми монгольский народ сталкивался на революционном пути.

В «20-30-е годы происходит становление рассказа в рамках эволюции новеллистических форм» [1, с. 120]. Ведущую роль в этом становлении сыграл С. Буяннэмэх. Ему принадлежат одни из первых рассказов нового времени.

В 1935 году С.Буяннэмэх написал небольшой рассказ под названием «Завтра» (*Маргааш*) о ленивом мужчине по имени Гомбо, который все время откладывал дела на следующий день. Благодаря простому сюжету, стилю повествования, юмору и легкой иронии рассказ читается быстро и приятно, на одном дыхании. С. Буяннэмэх мастерски создает ощущение дружеской беседы. Автор начинает рассказ с представления главного героя: «У подножия Орлиной сопки белеет несколько юрт. В одной из них живет человек, имеющий прозвище «Завтра». Это – Гомбо, он страдает неизлечимой ленью» [2, с. 65]. С первых строк рассказа чувствуется ирония автора, эпитетом «неизлечимая» С. Буяннэмэх сразу ставит своему герою «диагноз».

Сюжет рассказа прост: жена Гомбо просит его съездить за дровами. Только что проснувшийся Гомбо не хочет расстраивать жену, но еще больше ему не хотелось исполнять ее просьбу, поэтому он нашел уважительную причину отложить дело на завтра.

Автор представляет героя смешным, ленивым человеком, который может делать лишь одно дело в день. Всем окружающим, кроме самого Гомбо, понятны его уловки и объяснения. У своей жены и знакомых герой рассказа вызывает раздражение и смех, становится ясно, что к его характеру привыкли и смирились с тем, что лень Гомбо неизлечима.

Далее, отправившись помогать соседям зарезать овцу и в очередной раз отложив поездку за дровами, Гомбо так долго пил чай и разговаривал с соседями, что те уже начали терять терпение и очень обрадовались, когда Гомбо наконец-то исполнил их просьбу и ушел домой.

У рассказа довольно комическая концовка: жена Гомбо, устав от бесконечных отговорок мужа решила поехать за дровами сама. Но нашего героя не тронули слова супруги: весь следующий день он спокойно спал в юрте и лишь спустя время удивился, что жена не привезла дров. Этим же вечером испортилась погода, стало холодно и промозгло, а в юрте по-прежнему не было дров. Рассказ заканчивается словами Гомбо, которые не только заставляют читателя улыбнуться, но и подтверждают поставленный ранее диагноз «неизлечимая лень»: «А за дровами я твердо решил ехать завтра» [2, с. 69].

Этот рассказ С. Буяннэмэха не похож на первые произведения 20-30-х годов XX века, наполненные историческими фактами, точными и подробными описаниями. Не похож он и на рассказы XIX века, так как лишен скрытых аллегорий и религиозного подтекста. Но в нем есть глубокий смысл. С. Буяннэмэх подметил одну из национальных черт характера монголов: пассивность. Считалось, что пассивность монголов – это «наследие» буддизма, которое мешало монголам добиваться целей и задач нового времени. Для продвижения идей революции требовались активные люди. Такие же, как герой Гомбо, становятся ненужными. Интересно, что одной из уважительных причин отложить дела на завтра, для Гомбо был совет ламы-наставника, посоветовавшего Гомбо в один из дней не выходить из дома. В этом читается ирония автора и некоторый антиклерикальный мотив.

Тонкий, ироничный рассказ – ласточка нового времени. С. Буяннэмэх очень мягко наставляет, воспитывает читателя, показывая на примере Гомбо жизнь лентяя. «Личностная и социальная пассивность, «степной равнодушный нейтралитет» – это не только частные индивидуальные качества героя произведения, но типичные черты, характерные для большинства аратов старой Монголии» [3, с. 11]. В этом рассказе С. Буяннэмэху одному из первых удалось не только подметить национальную черту, но и создать литературный тип, что стало настоящим успехом для монгольской прозы этого времени.

Литература

1. Скородумова Л.Г. Драгоценные четки. Монгольский роман. Эволюция жанра. Улан-Батор, 2002.
2. Рассказы монгольских писателей. М., 1984.
3. Степные мелодии. Рассказы монгольских писателей. Улан-Батор, 1985.

References

1. Skorodumova L.G. Dragocennye chetki. Mongol'skij roman. Jevoljucija zhanra. Ulan-Bator, 2002.
2. Rasskazy mongol'skih pisatelej. M., 1984.
3. Stepnye melodii. Rasskazy mongol'skih pisatelej. Ulan-Bator, 1985.

Sapozhnikova O.A.. Senior Lecturer,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Insitute of Asian and African Studies

MONGOLIAN PROSE OF XXth CENTURY ON ITS WAY OF FORMATION: THE STORY BY S. BYANNEMEKH (1902-1937) "TOMORROW" (MARGASH)

Abstract: the story by S.Byannemekh "Tomorrow" (*Margash*) is considered in the article. This story became the new experiment and the first success of Mongolian prose, that was on its way of formation. The hero of this story Gombo is embodiment of national Mongolian character. He is the one of heroes of "old" pre-revolutionary Mongolia. Gombo and other heroes convey the atmosphere of the Mongolian recent past.

Keywords: mongolian prose, revolutionary ideas, literary type

Паршукова М.М., аспирант,
Югорский государственный университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ СРАВНЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «MARTIN EDEN» BY JACK LONDON)

Аннотация: статья посвящена анализу моделей сравнения как средства образности и выразительности языка и способов введения их в канву оригинального текста романа Джека Лондона «Мартин Иден». В статье рассматриваются сравнения с точки зрения оценочности, структурного разнообразия и функционирования в текстах разных стилей.

Ключевые слова: сравнение, сопоставление, структура сравнений, классификация, функция сравнений

Любой язык, русский или иностранный, богат лексическими единицами, которые придают нашей речи красоту, выразительность и эмоциональность. К ним относятся эмоционально-оценочная лексика, средства образности и выразительности, фразеологизмы и др.

Исследователей всегда интересовала природа сравнений, степень оценочности, структура, функционирование в текстах и речи. В отечественной стилистике наиболее содержательной является характеристика сравнений с точки зрения строения их структуры. Ю.С. Степанов характеризует индивидуальные сравнения как средства выразительности, обычно состоящие из двух частей: одна из которых указывает на предмет, который сравнивают (тема), а другая часть описывает предмет, с которым сравнивают [1, с. 161].

По интенсивности эмоциональной окраски сравнения делятся на две группы: 1) точные сравнения, 2) оценочные сравнения. Первые не содержат оценочных элементов и употребляются в нейтральном стиле; вторые же либо содержат оценочный элемент, либо относятся к определённому стилю (возвышенному, фамильярному). Сравнение также может быть развернутым или трансформироваться в метафорическое выражение [1, с. 211].

В английском языке сравнение, является мощным средством характеристики явлений действительности и в значительной степени способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение писателя [3, с. 83].

Сравнение имеет трехстороннюю структуру, состоящую из сравниваемого предмета, предмета сравнения, сопровождаемого сравнительным маркером и общей чертой, которая может быть явной или невыраженной. Предметами сравнения могут быть люди, объекты, процессы. Сравнения могут выполнять различные функции: во-первых, они помогают коротко и ясно выражать свои мысли, способствуют увеличению языкового запаса, во-вторых, они могут служить инструментом для формирования мысли, так как способны заставить нас думать о мире в читаемом произведении другим способом, а именно сравнения помогают создавать отношения подобия. Сравнения в английском языке, как и в русском, могут выполнять и другие задачи в зависимости от жанра произведения, в котором они функционируют. В научных текстах сравнения и аналогичные средства играют важную роль, они могут употребляться двумя способами:

1. Как разъясняющий элемент с целью уточнить и объяснить что-то: *«The Direct Method differed from the Natural Method only in its attempts to find a scientific rationale for its procedures. Like the Natural Method the Direct Method aimed at presenting language to the pupil without making him resort to grammatical analysis»* [2, с. 24]. *(Прямой метод отличается от естественного метода только в его попытках найти научное обоснование для своих действий. Как и естественный метод, прямой метод направлен на познание языка, не прибегая к грамматическому анализу).*

2. В качестве средства для развития образования новых теоретических концепций: «*Like genes, memes are replicators. Like genes, memes are replicators»* [2, с. 24]. *(Подобно генам, мемы являются репликаторами).* В научно-популярном жанре сравнения служат для установления прямой связи с общими знаниями читателя, чтобы сделать текст доступнее. Например, описание таинственного моллюска, наблюдаемого на глубине: *«A ghostly creature resembling a cross between a megaphone and Thing, the Adams Family pet hand, floats on the screen»* [4, с. 24]. *(Призрачное создание, напоминающее громкоговоритель и существо, кисть домашнего животного семьи Адама плавает на экране).*

Представим структурную характеристику сравнения в романе «Martin Eden» by Jack London [5]. В отличие от других средств выразительности в языке сравнения выделяются посредством образности, многообразия передаваемых оттенков значения и благодаря структурному оформлению. В английском языке сравнение в качестве средства

RETRACTED

выразительности представлено менее разнообразно, чем в русском.

Используя для анализа оригинальный текст романа «Martin Eden» by Jack London представим структурную характеристику сравнений:

1) сравнение, самостоятельно оформленное в виде сравнительного оборота, вводимого союзами *as, like* (85 ед.)*: Her face is as clear-cut as a cameo* [5, с. 48]; *I'm like a navigator adrift on a strange sea without chart or compass* [5, с. 6]; *…he lurched like a frightened horse* [5, с. 5]*; he awoke instantly, like a cat, and he awoke eagerly, glad that the five hours of unconsciousness were gone* [5, с. 64]; *What's the good of me workin' like a slave all week…*[5, с. 16], *… but night found him lurking like a thief around the Morse home…*[5, с. 21], *Professor Hilton paused and glared at him, unsympathetic and unimaginative as one of his own test-tubes* [5, с. 40], *What I read was the real goods. It was all lighted up an' shining, an' it shun right into me an' lighted me up inside, like the sun or a searchlight* [5, с. 5].

2) придаточные сравнительные в составе сложноподчиненного предложения (17 ед.): *…and closed his eyes*; *and like a child crying that forgets its grief…*[5, с. 186]; *He loved Higginbotham's Cash Store as some men loved their wives* [5, с. 177]; *Mr. White, a slender, frail little man whose hand seemed strangely cold, as if he were suffering from a chill, and whose whiskers were sparse and silky* [5, с. 137], *He walked at the other's heels with a swing to his shoulders, and his legs spread unwittingly, as if the level floors were tilting up and sinking down to the heave and lunge of the sea* [5, с. 194]; *He felt a loathing for them such as Circe must have felt for her swine* [5, с. 122]; *Love cannot go wrong unless it be a weakling that faints and stumbles by the way* [5, с. 127].

3) сравнительные конструкции, вводимые в структуру предложения глаголами *напоминать, казаться, походить, являться, уподобляться* (13 ед.)*: He seemed such a boy* [5, с. 11]; *…the other reminded him of the trade wind, of the Northeast Trade, steady, and cool, and strong* [5, с. 110]; *They seemed cogs in a machine* [5, с. 55]; *Their reviews remind me of a British Sunday* [5, с. 94]; *She and her dress reminded him of woman of the stage* [5, с. 6]; *He could not express what he felt, and to himself he likened himself to a sailor, in a strange ship, on a dark night, groping about in the unfamiliar running rigging* [5, с. 5]; *…and as animal-trainers have their moments of doubt, so she, for the instant, seemed to doubt her power to tame this wild spirit of a man* [5, с. 127]; *Yet I read his stuff, and it seems to me the perfection of the felicitous expression of the inane* [5, с. 94]; *…but while he belied Arthur's description, and appeared a gentle lamb rather than a wild man, he was racking his brains for a course of action* [5, с. 8]; *He likened himself to a poet, wrecked on the shores of a strange land, filled with power of beauty, stumbling and stammering and vainly trying to sing in the rough, barbaric tongue of his brethren in the new land* [5, с. 54]; *He likened her to a pale gold flower upon a slender stem* [5, с. 5].

4) конструкции, выраженные формой сравнительной степени имени прилагательного, со значением признака предмета (10 ед.): *…the average review is more nauseating than cod-liver oil* [5, с. 124]; *That social-settlement woman is no more than a sociological poll-parrot* [5, с. 113]; *the two fighters were greater brutes than they* [5, с. 63]; *His feet were no longer clay, and his flesh became spirit* [5, с. 10]; *At one place it ran along the crest of a ridge that was no more than a knife-edge.* [5, с. 106], *… the mystery of beauty was no less than that of life--nay, more that the fibres of beauty and life were intertwisted* [5, с. 92]; *The South Seas charmed him no more than did bourgeois civilization* [5, с. 190]; *Ruth is no more than a child* [5, с. 87]; *Her body was more than the garb of her spirit. It was an emanation of her spirit, a pure and gracious crystallization of her divine essence* [5, с. 12].

5) синтаксическая конструкция с союзами *как…, так…*; *чем…, тем…* (6 ед.)*: … the established impresses itself upon them as easily as the name of the brewery is impressed on a beer bottle* [5, с. 94]; *Her shoulder touched his as lightly as a butterfly touches a flower* [5, с. 83]; *He felt a shock himself, and a blush of embarrassment shone faintly on his sunburned cheeks, though to him it burned as hotly as when his cheeks had been exposed to the open furnace-door in the fire-room* [5, 6]; *Into his eyes leaped a wistfulness and a yearning as promptly as the yearning leaps into the eyes of a starving man at sight of food* [5, с. 7]; *They are weak minded, and the established impresses itself upon them as easily as the name of the brewery is impressed on a beer bottle* [5, с. 94].

6) сравнения, выраженные именами существительным в родительном падеже (2 ед.): *…and you'll get the correct answer with the automatic celerity of a slot-machine* [5, с. 146];*…a scant five feet four, greasy-featured with the chest of a squat* [5, с. 96].

Таким образом, на примере оригинального издания «Martin Eden» by Jack London в статье были рассмотрены способы введения сравнения в канву романа, что характеризует структуру предложения в английском языке. Анализ показал, что в оригинальном тексте романа «Martin Eden» by Jack London сравнение как стилистический прием широко представлено разнообразными структурными моделями слов и синтаксических конструкций:

RETRACTED

Таблица 1

Структурные модели сравнений, представленные в оригинальном тексте романа «Martin Eden» by Jack London

№ п/п	Структурные модели сравнений	Количественное соотношение	Процентное соотношение
1.	Сравнение, самостоятельно оформленное в виде сравнительного оборота	85 ед.	63,9%
2.	Придаточные сравнительные в составе сложноподчиненного предложения	17 ед.	12,7%
3.	Сравнительные конструкции, вводимые в структуру предложения глаголами *remind, seem, liken, appear*	13 ед.	9,7%
4.	Конструкции, выраженные формой сравнительной степени имени прилагательного, со значением признака предмета	10 ед.	7,5%
5.	Синтаксическая конструкция с союзами *as…as*	6 ед.	4,5%
6.	Сравнения, выраженные именами существительным в родительном падеже	2 ед.	1,5%

Классификация свидетельствует о том, что в оригинальном тексте романа значительно преобладают конструкции сравнений, самостоятельно оформленных в виде сравнительного оборота. Это отражает традиционную структуру введения сравнительных оборотов в английском языке.

Литература

1. Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. М.: Наука, 2002. Изд.5. М.: URSS, 2009. 354 с.
2. Потоцкая Н.П. Стилистика современного французского языка. М.: Высшая школа, 1974. 247 с.
3. Galperin I.R. Stylistics. M.: Высшая школа. 1981. 295 с.
4. Pierini P. Simile in English: from description to translation. Università di Roma Tre. 2007. P. 27 – 43.
5. London J. Martin Eden (серия Адаптированное чтение. Английский язык) СПб: Каро. 2014. 192 с.

References

1. Stepanov Ju.S. Francuzskaja stilistika v sravnenii s russkoj. M.: Nauka, 2002. Izd.5. M.: URSS, 2009. 354 s.
2. Potockaja N.P. Stilistika sovremennogo francuzskogo jazyka. M.: Vysshaja shkola, 1974. 247 s.
3. Galperin I.R. Stylistics. M.: Vysshaja shkola. 1981. 295 s.
4. Pierini P. Simile in English: from description to translation. Università di Roma Tre. 2007. P. 27 – 43.
5. London J. Martin Eden (serija Adaptirovannoe chtenie. Anglijskij jazyk) CPb: Karo. 2014. 192 s.

Parshukova M.M., Postgraduate,
Ugra State University

THE FUNCTIONING OF THE MODELS OF THE COMPARISONS (ON THE BASES OF THE NOVEL «MARTIN EDEN» B.Y. JACK LONDON)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the models of the comparisons as an expression and imagery means of the language and ways of their introduction in the original text of the novel «Martin Eden» by Jack London. In the article the comparisons from the perspective of their evaluation, structural variety and functioning in the texts of different styles are observed.

Keywords: comparison, evaluation, contrast, structure of comparisons, classification, function of comparisons

RETRACTED

Акопянц А.М., доктор педагогических наук, профессор,
Института международного сервиса, туризма и иностранных языков
Пятигорский государственный университет

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: данная статья посвящена изучению воздействия глобализационных процессов на развитие языков и их взаимодействие, а также рассмотрению нескольких возможных тенденций развития языковой ситуации в мире, связанных с процессом глобализации. В статье затронуты вопросы языковой экспансии и необходимости защиты лингвистических ресурсов. Освещается так же роль и положение русского языка на мировой арене, его интерпретация представителями других лингвокультур и отношение к нему как к языку международного общения.

Ключевые слова: язык, глобализация, лингвистическая глобализация, развитие языков, сохранение языков, взаимодействие языков

Преодоление границ всегда было источником инноваций в человеческой истории, так как ни одно сообщество, будучи изолированным, не смогло бы создать и малой доли своего культурного и технического наследия.

Несмотря на разнообразие исследований в сфере глобализации наибольшее число как зарубежных, так и отечественных ученых в центр глобализационных процессов ставят экономику, считая экономические и финансовые взаимодействия локомотивом современных трансформаций.

Пристальное внимание исследователей и ученых сегодня приковано к феномену развития современного языкознания – лингвистической глобализации.

Язык и общество – суть понятия неотделимые друг от друга. Все процессы, происходящие вокруг нас, рано или поздно находят закрепление в языковых структурах. Являясь основным средством коммуникации и непрерывно развивающейся системой, язык подвержен постоянным изменениям, отражая тем самым развитие общества. Иными словами, любые изменения общественных отношений в первую очередь находят отражение в языковой среде. Это позволяет нам прийти к выводу о том, что в эпоху глобализации необходимость научного изучения (процессов) развития взаимодействия и сохранения языков – одна из наиболее актуальных проблем современной лингвистики.

Научное изучение взаимодействия и взаимовлияния языков и факторов в аспекте лингвистической глобализации началось сравнительно недавно, если быть точнее, то в конце XX века зарубежными лингвистами, а уже в начале XXI века эта проблема привлекла внимание отечественных ученых. При этом учитывая сложность самого процесса глобализации, наличие большого числа факторов, влияющих на изменение и развитие языков можно сказать, что как зарубежные, так и отечественные исследователи столкнулись с разногласиями относительно оценки фиксируемых процессов и явлений.

Справедлива в этом смысле, по нашему мнению, точка зрения Н. Коупленда, который предлагает рассматривать глобализацию, с одной стороны, как социальную реальность и концептуально важный фактор современности, с другой, как особую форму существования общества и фокус некоторых новых путей понимания взаимодействия языка и общества [3].

Само понятие глобализация, объединяющее в себе слишком многое, чрезмерно абстрактно, а его интерпретация страдает неполнотой. Одна из основных проблем глобализации – проблема ее неоднородности для всех участников процессов интеграции, что находит отражение не только в культурном, экономическом, политическом доминировании ведущих стран, но и действительно все нарастающей экспансии.

На данный момент существует ряд языков, называемых мировыми. Это те языки, которые приняты в качестве рабочих в международных общественных организациях и на которых говорят в разных языковых сообществах. К ним относятся английский, китайский, французский, арабский, русский и испанский. По мнению ряда ученых- лингвистов, уже к середине XXI в. большая часть мировых языков просто исчезнет – процесс весьма печальный, но скорее всего неизбежный.

Стоит отметить, что показатель количества носителей определенного языка не всегда отражает значение этого языка в процессе глобализации. В качестве примера можно привести статистику ЮНЕСКО, согласно

которой китайский язык по числу носителей данного языка занимает первое место в мире. Однако перспектива того, что в недалеком будущем мировое сообщество столкнется с крайней необходимостью освоения китайского языка – маловероятна. В то же время, на сегодняшний день мы наблюдаем ситуацию, при которой преобладающее большинство людей в мире, не исключая и Китай, изучают или осознают необходимость изучения английского языка с целью профессиональной и культурной интеграции в мировое сообщество.

Совершенно очевидно, что в силу исторических, политических и экономических причин именно английский язык может считаться языком международного общения или языком глобализации, своего рода «lingua franca» мирового сообщества.

В связи с этим, исследователи рассматривают с одной стороны язык, осуществляющий экспансию (прежде всего это английский, который сам изменяется вследствие экспансии [7]), с другой стороны - язык, подвергающийся давлению – один из ведущих европейских языков или языки более низкого коммуникативного статуса. Интерпретация этого вопроса в определенном смысле тесно связана с жизненной траекторией исследователя. Как показывает анализ последних работ, посвященных вопросам сохранения и развития языков в русле глобализации в науку пришло значительное число ученых, в силу происхождения владеющих языками народов Африки, Азии и заинтересованных в осмыслении их судьбы [11]. и систематизирующих представление граждан о «чужом языке» [5].

Наиболее обсуждаем сегодня в лингвистическом сообществе вопрос о результатах языковых контактов **английский язык – язык Х.** При этом, значительное число ученых и еще большее количество граждан европейских стран описывают ситуацию при помощи пессимистических метафор, номинирующих английский язык как «язык-убийца» («**killer language**»), «язык-тираннозавр», «язык-кукушонок в гнезде языков», а также метафоры типа «лингвистический геноцид» («**linguicide**»), «лингвистический империализм», «преступление против человечности в области образования» и другие [1; 8].

Появился термин «неанглийские языки». Ученые указывают также и на доминирование английского в сфере науки, торговли, международных отношений [4].

Т. Скатнаб-Кангас и Р. Филлипсон говорят о «лингвистическом неоимпериализме», «лингвистическом геноциде», и « преступлениях против человечности в области образования» [2].

Все чаще и чаще ученые обращаются к понятию этического императива, в рамках которого профессиональным долгом лингвистов представляется необходимым: уточнить и соответственно, разъяснить: 1)чем обернется глобальная форсированная интеграция для культурно-языкового развития этносов; 2) в каком качестве сохранятся культуры и языки интегрируемых государственных образований; и, наконец, 3) не слишком ли дорого может быть оплачено возможное экономическое процветание.

Предлагается изучать опыт защиты своих языков, а также учитывать, что в этнолингвистике есть данные о развитии языковых контактов, которые необходимо использовать для прогнозирования.

Ставится вопрос о том, могут и должны ли страны (и, если да, то как) защищать свои лингвистические ресурсы, противостоя глобалистическому неолиберальному дискурсу. Например, Т. Риченто обращается к ранней языковой истории Северной Америки, языковой политике в Южной Африке, Индии и других странах и доказывает, что ход истории опровергает неолиберальные утверждения о том, что благодаря «открытому рынку» население этих стран будет лучше информировано о преимуществах того или иного языка, сделает осознанный выбор и тем самым повысит уровень демократизации общества [10].

Отметим и попытку лингвистического инжиниринга в рамках которого авторы строят модель «панлингвистической глобализации», направляя маркетинговые и иные стратегии на сохранение всех (или почти всех) языков Земли. Здесь предлагается набор семантических принципов, в соответствии с которыми может быть осуществлен панлингвистический перевод [9].

Интересна позиция группы исследователей, которые подчеркивают что понятие потока и транскультурного обмена, подобно старому понятию межкультурной коммуникации, скрывает неравенство и культурную фрагментацию. Глобализация, по мнению исследователей может создать «воображаемую солидарность» [6].

Можно таким образом предположить несколько возможных тенденций развития языковой ситуации в мире связанных с процессом глобализации: 1) дальнейшее активной распространение английского языка с последующим вытеснением некоторых мировых

языков; 2) расширение языкового пространства китайского языка, в частности в странах Востока; 3) сохранение и восстановление прежних функций русского языка в странах Восточной Европы и СНГ.

Вышеобозначенные возможные траектории развития языков в эпоху лингвистической глобализации неизбежно ставят перед нами следующие вопросы:

1. Каким образом в современных процессах глобальной модернизации и интеграции можно обеспечить людским индивидам любой этнической принадлежности в любом месте обитания полноценное современное культурно-цивилизационное развитие и соответствующее качества жизни, не уничтожая при этом их *этнические корни,* их «этничность»?

2. Каким образом, какими мерами и методами должна осуществляться модернизация жизни и жизнедеятельности этносов любой численности и уровня культурно-цивилизационного развития, чтобы при этом не были уничтожены *существующее культурное разнообразие человечества,* созданные многочисленными этносами *фонды оригинальных культурный* ценностей?

3. Что необходимо сделать для того, чтобы при наличии объективных предпосылок, а также осознания необходимости осуществления преобразований, переход к современному образу и качеству жизни людей протекал максимально *безболезненно,* без внутренних и внешних *конфликтов* и связанных с этим каких-либо трагических последствий?

Процессы глобализации обусловили также интерес к развитию русского языка за рубежом. Особенно активно сегодня обсуждается языковая ситуация в Восточной Европе, где происходит вытеснение ранее ведущих языков, где они из языка большинства превращаются в язык меньшинства (как это происходит с русским языком в республиках Прибалтики). С сожалением, приходится отметить, что в работах западноевропейских лингвистов не всегда учитывают результаты исследований и взгляды ученых России и СНГ, а также в ряде случаев обнаруживается абсолютно идеологизированный подход. Например, в выпущенном в 2010 г. справочнике «The Handbook of Language and Globalization» не представлены труды отечественных лингвистов, в которых ставится вопрос о том, как глобализация может воздействовать на развитие языков и культур, как может сложиться судьба коммуникативно мощных языков и культур, а также6 очерчивают примерный круг проблем, которые требуют научного осмысления или потребуют его в ближайшем будущем.

Русский же язык подчас интерпретируется как «агрессор» по отношению к таким языкам, как латышский, литовский, эстонский и др., а расширение сферы действия английского, к которому эти народы обращаются, отринув русский, расценивается как переход к свободе и демократии [2].

Вышеизложенное позволяет нам заключить, что вопросы соотношения языка и глобализации приобрели статус сложной и динамичной научной проблемы, нуждающейся одновременно и в постоянной теоретическом осмыслении и в продолжении разнообразных эмпирических исследований.

Литература

1. Blommaert J.A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press, 2010. 230 p.

2. Braselmann P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 99 – 118.

3. Coupland N. Language and Globalization. Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 31 – 55.

4. Crystal D. Global Understanding for Global English. // Global English for Global Understanding. Summaries of the International Conference. Moscow, 2001

5. Garrett O. Attitudes to language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 57 p.

6. Kramsch C., Boner E. Shadows of Discourse: Intercultural Communication in Global Contexts // The Handbook of Languages and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 495 – 519.

7. Mair Ch. Twentieth-century English: history, variation, and standardization. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 224 p.

8. Mufwene S.S. Globalization, Global English and World English (es): Myths and Facts // The Handbook of Languages and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 31 – 55.

9. Pool J. Panlingual Globalization // The Handbook of Languages and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 142 – 161.
10. Ricento T. An Introduction to Language Policy: Theory and Methods. Blackwell Publishing Ltd., Oxford, 2006.
11. Vigouroux C.B., Mufwene, S.S. Globalization and language Vitality: perspectives from Black Africa. Continuum International Publishing Group Ltd., 2008. 292 p.

References

1. Blommaert J.A. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press, 2010. 230 p.
2. Braselmann P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. S. 99 – 118.
3. Soupland N. Language and Globalization. Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 31 – 55.
4. Crystal D. Global Understanding for Global English. // Global English for Global Understanding. Summaries of the International Conference. Moscow, 2001
5. Garrett O. Attitudes to language. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 57 p.
6. Kramsch C., Boner E. Shadows of Discourse: Intercultural Communication in Global Contexts // The Handbook of Languages and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 495 – 519.
7. Mair Ch. Twentieth-century English: history, variation, and standardization. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 224 p.
8. Mufwene S.S. Globalization, Global English and World English (es): Myths and Facts // The Handbook of Languages and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 31 – 55.
9. Pool J. Panlingual Globalization // The Handbook of Languages and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. 2010. P. 142 – 161.
10. Ricento T. An Introduction to Language Policy: Theory and Methods. Blackwell Publishing Ltd., Oxford, 2006.
11. Vigouroux C.B., Mufwene, S.S. Globalization and language Vitality: perspectives from Black Africa. Continuum International Publishing Group Ltd., 2008. 292 p.

Akopyants A.M., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Institute of International Service, Tourism and Foreign Languages
Pyatigorsk State University

ISSUES OF THE DEVELOPMENT, INTERACTION OF LANGUAGES AND LANGUAGE PRESERVATION IN THE AGE OF LINGUISTIC GLOBALIZATION

Abstract: this article is devoted to the study of the impact of globalization processes on the development of languages and their interaction, examines a number of possible tendencies in the language development situation in the world, connected with the globalization process, and the issues caused by these tendencies. The article touches upon the issues of language expansion and the necessity of protection of linguistic resources. It also highlights the role and status of the Russian language on the world scene, its interpretation by the representatives of other cultures and the attitude towards it as a language of international communication.

Keywords: language, globalization, linguistic globalization, development of languages, language preservation, interaction of languages

Самедов Д.С., доктор филологических наук, профессор,
Гасанова М.А., доктор филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация: встатье анализируются языковые средства репрезентации концепта «женщина» в русских народных сказках. В статье исследуются структуры языка, используемые в текстах русских сказок для описания как внешнего облика женщины, так и ее внутренних качеств, различных эмоциональных и интеллектуальных состояний, свойств поведения. Определяется национально-культурная специфика языковых средств актуализации как положительных, так и отрицательных качеств женщины в ее различных ипостасях, анализируются средства выражения национально-культурных коннотаций. В научный оборот вводятся различные лексические и морфолого-синтаксические средства описания женщины: эпитеты-прилагательные, образно-оценочные существительные, глагольные формы оценки внешнего облика и внутренних качеств, сравнительные конструкции и т.д.

Ключевые слова: русские народные сказки, концепт «женщина», лексические и морфолого-синтаксические средства репрезентации концепта, национально-культурные компоненты, средства выражения коннотаций

Русские народные сказки в лингвистическом аспекте изучены недостаточно. Не все языковые средства репрезентации концепта «женщина» получили должного внимания, что свидетельствует об актуальности исследуемого нами материала. В связи с этим в данной статье анализируются различные языковые средства описания женщины в разных ее ипостасях, дающие представление о концепте «женщина» в качестве конкретного фрагмента русский фольклорной языковой картины мира.

Обсуждая проблему исследования русской фольклорной картины мира, С.Е. Никитина отмечает: «Достаточно трудно говорить об общефольклорной картине мира – скорее, надо говорить о различных жанровых «картинах» мира, или о разных проекциях общефольклорной картины мира. Описание же этой модели, на наш взгляд, возможно после создания множества частично пересекающихся жанровых «картинок» [8, с. 26]. Языковой образ женщины в русских народных сказках, рассматриваемый в настоящей статье, может быть оценен в качестве такой жанровой «картинки», являющейся компонентом русской фольклорной картины мира.

Материал для анализа был отобран путем сплошной выборки в основном из трех источников [5, 9, 10]. Анализ материала в плане поставленной цели показал следующее.

В русских сказках ***женщина*** характеризуется в различных ипостасях: *женщина* (старая, молодая), *женщина-жена*, *женщина-мать, женщина-мачеха, женщина-вдова* и т.д. При этом используются и актуализируются различные языковые средства.

1. При характеристике внешнего облика женщины в основном употребляются прилагательные (реже – существительные и глаголы), формирующие лексико-семантическое поле «красота».

1.1. Внешний облик женщины-жены нередко оценивается прилагательным-эпитетом ***прекрасная*** в сочетании с гендерными существительными типа *княжна, девица, царевна, королевна* и т.д. Данный адъективный компонент употребляется не только в определительно характеризующей роли, но и в качестве компонента имени собственного: *Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, а уж надо было им расставаться* («Белая уточка»). *Елена Прекрасная обернется веретёшком, а платье на ней будет золотом* («Царевна – лягушка»). *Тут зашел и увидел девицу, прекрасную из себя…* («Три царства – медное, серебряное и золотое»). *На третьи сутки стала его будить прекрасная царевна* («Про Емелю-дурака»). *Вздумалось Марье Моревне – прекрасной королевне на войну собираться* («Марья Моревна»). *Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной* («Иван Царевич и серый волк»). *В тот же час змея с его шеи упала, ударилась оземь и обратилась в прекрасную девицу* («Царевна-змея»).

Как свидетельствуют приведенные примеры, эпитет-прилагательное **«**прекрасная**»** употребляется в сочетании со словами, обозначающими сословные признаки женщин (*княжна, царевна, королевна*), в определительной функции по отношению к женским именам собственным (*Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная*), а также в сочетании с названиями лиц женского пола (ср. *девица*), что свидетельствует о гендерной детерминированности данного прилагательного.

1.2. В целях общей характеристики внешнего облика женщины-жены употребляется слово ***молодая***: *Он взял государыню за себя молодую чер-*

кашенину Марью Темрюковну («Мастрюк») *Разве мне не похвастаться молодой женой Василисой Микулишной* («Про прекрасную Василису Микулишну»).

1.3. Для оценочной характеристики внешности женщины (как правило, молодой) используется образно-эмоциональное существительное ***красавица***: *А вдруг видит – летит по небу орел деревянный, а на нем царевич, да не один, а с девушкой-красавицей* («Деревянный орел»). *Здравствуй, умница! Давно я тебя дожидаюсь, а теперь ты сама ко мне пришла. Забывай, красавица, отца с матерью…* («Покатигорошек»). *И были у того купца три дочери, все три красавицы, а меньшая лучше всех* («Аленький цветочек»).

Значение и коннотативные возможности слова ***красавица*** могут быть усилены употреблением адъектива ***такая,*** указывающего на степень обозначаемого признака: *Такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать – другой не найти* («Марья Моревна»). *Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой красавицей, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать* («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что»).

1.4. В значении «красивая» нередко используется прилагательное ***красная***. Как правило, определяемыми существительными при этом выступают слова *девица, девушка*: *Тут зашёл и увидел девицу, прекрасную из себя. – Ах, девица красная! – сказал Ивашко* («Три царства – медное, серебряное и золотое»). *Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?* («Морозко»). *Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушачью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой* («Царевна-лягушка»). *Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться* («Морской царь и Василиса Премудрая»).

1.5. При описании нарядов женщин на публичных мероприятиях, встречах, смотринах употребляются глагол «нарядиться» (ср. *Добрая Марфуша рада была такому счастью… сама нарядилась, и была девка – хоть куда невеста!* – «Морозко») и адъективные форы *разодетые, разубранные*: *Вот старшие братья явились на смотр со своими женами разодетыми, разубранными* («Царевна-лягушка»).

1.6. В целях описания деталей одежды и обуви используются различные прилагательные-эпитеты (в том числе – цветовые прилагательные): *…смотри, жена Ивана к колодцу пришла – коротай новый, полсапожки новые, платок французский… Елена Прекрасная обернется веретешком, а платье на ней будет золотое* («Царевна-лягушка»). *…а посреди поляны стоит красавица-девушка. Платье на ней зеленое, красной медью отливает, в косах ленты красно-зеленые, а на лбу венчик изумрудный стоит* («Каменная чаша»). Часть цветовых прилагательных употребляется при описании частей тела женщины: *черные глаза, лицо белое, руки белые, брови черные, тело белое* и т.д. При этом описываются те части тела, которые в большей степени связаны с положительной оценкой внешнего облика женщины, с ее внешней красотой: ср. *…сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться…* («Морской царь и Василиса Премудрая»).

1.7. Для описания частей тела женщины и её внешнего облика в целом в определительно характеризующей функции используются не только прилагательные, но и сравнительные обороты, соотносительные с растительным, зооморфным и природным кодами культуры: ср. *глазки как у рыбочки; очи ясны, как у сокола; хороша была царица – словно березка…; милашка, как лебедь белая*; *как солнце ясное* и т.д.

Компаративные структуры различных форм могут быть как имплицированными, так и эксплицированными: *Взял Иван-царевич Василису Премудрую за руки белые, целовал в уста сахарные* («Морской царь и Василиса Премудрая»). *Хороша была царица, – словно березка на поляне, – и бела, и кудрява, и нравом ласкова* («Белая уточка»). *И поплыла княгиня белой уточкой* («Белая уточка»). *Грянулась Елена Прекрасная о сосновый пол, полетела в небо голубой звездой, среди других звезд затерялась* («Семь Симонов – семь работничков»). *Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее не лягушка, а Василиса Премудрая – сама, как солнце ясное, светится* («Царевна-лягушка»). *А у бедной Босоножки сердце так и бьется, точно пойманная птичка* («Сказка про славного царя Гороха и его двух дочерей»).

1.8. Нередко при описании внешнего облика женщины большое внимание уделяется описанию женской ***косы*** в сочетании с эпитетами-прилагательными: *черная коса, золотая коса, длинная коса* и т.д.: *Отворил он медные ворота, видит – на серебряном дворе, на золотой лавке сидит его сестра, длинные косы чешет, горькими слезами плачет* («Покатигорошек»). *У него была жена Настасья – золотая коса»* («Медное, серебряное и золотое царства»).

1.9. При общей характеристике молодой женщины используется прилагательное *пригожая* в сочетании с нарицательными и собственными именами существительными: ср. *Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая!* («Крошечка-Хаврошечка»).

Как показывает материал, внешнему облику женщины в русских народных сказках уделяется особое внимание. При оценке её внешнего облика в определительной (образно-оценочной) функции употребляются как универсальные для разных языков, так и национально-культурные языковые средства.

2. В достаточной степени актуализируются и внутренние качества женщины: в основном характеризуются эмоциональные и интеллектуальные состояния, морально-нравственные качества женщины, ее поведение в различных ситуациях.

2.1. Прежде всего, следует обратить внимание на эмоциональные составляющие женщины. Концептуальные возможности описания эмоциональных состояний человека при помощи языковых средств связано с тем, что «язык является хранилищем и способом передачи наших знаний о мире» [2, с. 105]. Для изображения эмоциональных состояний женщин в русских сказках, прежде всего, используются соответствующие по семантике прилагательные, существительные и глаголы. В эмоциональном плане жена оценивается как *задорная, болтливая, веселая, радостная*: *Вот приезжает домой царь, царица встречает его с царевичем, такая радостная* («Морской царь и Василиса Премудрая»). *Муж-то был работящий да степенный, а жена – лентяйка да болтунья* («Блинная туча»). *Была у одного мужа жена, да такая задорная, что все ему наперекор говорила* («Жена-спорщица»). Эмоциональность как отрицательное качество жены, за которое она может понести наказание со стороны мужа, в сказке «Оклеветанная жена» обозначается словосочетанием ***буйная голова*** [жены]: *Взял молодец саблю острую, срубил жене буйную голову по самые плечи ее белые.*

Эмоциональное состояние женщины в русских сказках, как и в былинах, обозначается не только прилагательными, но и глаголами и глагольными фразеологизмами: *Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедывал…(«*Белая уточка»). *Камень от огня разгорается, А булат от жару растопляется, Материно сердце распущается* («Василий Буслаев молиться ездил»). *Не две серые уточки вместе сплываются, не две белые лебедушки слетаются, сидят обнявшись мать да жена горько слезы льют* («Добрыня Никитич в отъезде»). *А девушки пойдут – нагуляются, а сестра-то пойдет – слезно наплачется* («Сестра отравила брата»). Как видно из приведенных примеров, в основном при обозначении эмоциональных состояний женщин используются слова, связанные с актуализацией концепта «слезы»: *слезно наплачется*; *слезы льют; дочка плачет на чужой стороне*; *плакала княгиня много* и т.д. Обилие слез подчеркивается употреблением фразеологических единиц (*слезы льет*) или количественных слов (*много плачет*).

2.2. Образ помещицы-барыни в русских сказках рисуется с использованием негативных по коннотации синонимических прилагательных «злая», «сердитая»: *А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная* («Пугач и Салтычиха»). *В усадьбе была барыня – и до того была сердитая, никому житья не было. Мужикам-те житья не было никакого: драла как собак* («Сердитая барыня»). Примеры свидетельствуют о том, что в отдельных случаях обозначаемые качества мотивируются, причинно обосновываются обозначением соответствующих результатов поведения помещицы-барыни: *никому житья не было; мужикам житья не было никакого*: *драла как собак* и т.д.

2.3. В русских сказках имеет место подчеркивание ***ума, смекалистости*** жены: *Были муж да жена. Жена-то умная, а муж-то не совсем* («Дурень»). Здесь *муж* и *жена* противопоставлены по интеллектуальному признаку: актуализация умственных способностей жены происходит путем усиления отрицательной характеристики мужа, деактуализации его интеллектуальной значимости.

2.4. Образ *старухи* чаще рисуется отрицательно. Ей при помощи прилагательных-эпитетов приписываются такие отрицательные качества, как *неприветливость, жадность, глупость, скупость, зависть, ворчливость*. При этом как краткие, так и полные формы соответствующих прилагательных употребляются в предикативно-определительной функции: *А старуха скупа была и говорит: «Ничего у меня нет горяченького…*(«Петухан Куриханыч»). *Жила-была старуха, неприветливая была бабка, жадная, да и глупая, по правде сказать (*«Хитрый мужик»). *Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ленивицы и упрямицы* («Морозко»). *Но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала*... («Морозко»).

2.5. Образ *мачехи* в сказках также рисуется в негативном контексте: *Думал дать Василисе матушку, а дал ей злую мачеху* («Василиса Прекрасная»). *Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, как бы вовсе извести* («Баба-яга»). *Были у мачехи две дочери: злые, дурные, привередливые. Мачеха их любила. Василису поедом ела.* («Василиса Прекрасная»). *Старуха* [*мачеха*] *посердилась, побранилась да после с падчерицей помирилась* («Морозко»). Как свидетельствуют приведенные примеры, для отрицательной характеристики мачехи используются соответствующие по коннотации прилагательные «злая», «лихая», фразеологические единицы (*поедом ела*) и глаголы

«сердилась», «бранилась». Как злая отрицательно характеризуется и *свекровь*: *Песни пой, пока поется, Пока маменька дает. Будет время – зла свекровушка Ухватом рот зажмет.*

2.6**.** Образ *вдовы* в целом оценивается положительно. Большей частью для ее характеристики используется прилагательное-эпитет *честная*. Вместе с тем встречаются случаи и отрицательной оценки, при этом в качестве контекстуального антонима слова *честная* используется прилагательное-эпитет *грешная* («*…живет вдова грешная с сиротой*»).

2.7. Одним из актуализируемых качеств женщин в русских сказках выступает *трудолюбие*. В этих целях чаще используется слово «работящая», или же конкретно обозначаются физические действия, характеризующие трудолюбие женщины: *Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работящая дочка растет.* («Финист – ясный сокол»). *Старику жалко старшей дочери: он любил ее за то, что была послушная да работящая* («Морозко»). Напротив, безделье оценивается отрицательно. В качестве языковых средств негативной оценки лени используются оценочные существительные *ленивицы, ленивая, лентяйка* и др.: *Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ленивицы и упрямицы* («Морозко»). *Родная дочь бровата, лицом конопата, на ногу хрома, на ухо туга. Да к тому же злая да ленивая* («Две сестры»). *Муж-то был работящий да степенный, а жена – лентяйка да болтунья* («Блинная туча»).

2.8. В русских сказках осуждается *зависть* женщины. Чаще всего негативно оценивается зависть старших сестер по отношению к младшей или родных дочерей по отношению к падчерице. При этом используются прилагательные ***завистливые, злые*** и причастие ***завидующие***: *А сестры ее завидующие, да жаднющие, из себя-то они некрасивые, модницы-премодницы…*(«Финист – ясный сокол*»). А старшая сестра, злая, лиходейка, тут и вывернись…* («По колено ноги в золоте»)

2.9. Отношение к женщине (к сестре, жене, матери, к подругам, племяннице, невестке, возлюбленной), как и в былинах, в русских сказках в основном выражается при помощи эпитетов-прилагательных *любимая, любезная, милая* и т.д., а также существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами типа *ластушка, душенька, голубушка*» и реже при помощи глаголов: *Отвечает тут Добрыня сын Никитинич: - Ах ты, душенька Маринушка Кайдальевна*» («Добрыня Никитич»). *И выдал свою любезную дочь за того ли за Ваньку сына Удовкина* («Ванька Удовкин сын»). *А они мою жену любимую за другого замуж отдают* («Добрыня Никитич»). *Целовал-миловал Марью Волшановну, Целует он, сам прощается: Прощай, свет, моя любезная!* («Ванька Удовкин сын»). *Пропала наша сестра любимая* («Покатигорошек»). *Узнали отец с матерью дочь свою любимую и заплакали* («Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке»). *Ткешь ли ты, племяннушка, ткешь ли, милая?* («Баба-яга»).

Некоторые из характеризуемых выше языковых средств создания образа женщины могут быть оценены в лингвокультурологическом плане. Так, например, характерно употребление прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, специфическими для русского языка. Такие оценочные прилагательные и существительные, выражающие национально-культурные коннотации, формируют микрофрагменты языковой картины мира: ср. *милочка, свекровушка, маменька, душенька, невестушки-ластушки, голубушка, племяннушка* и др.

В качестве микрофрагментов русской языковой картины мира могут быть оценены и русские женские и мужские имена собственные (в том числе с уменьшительно-ласкательными суффиксами): *Марья*, *Ванька, Владимир, Василий, Тимофей, Святогор, Салтычиха*, *Машенька, Дунай, Настасья, Иван, Илья, Чернава, Михайло, Емеля, Акуля, Василиса*, *Маринушка, Марфуша*, *Авдотьюшка Авдотьюшка* и др.

В плане формирования фрагментов русской языковой картины мира представляет интерес употребление сложных или составных слов: *жену (целует-милует), невестушки-ластушки, девушки-березоньки (и бела, и кудрява), полусапожки новые, ленты красно-зеленые*. Такие оценочные и эмоционально значимые слова создают национально-культурные коннотации, эмоциональный фон русских сказок. В некоторых эпитетах-прилагательных эмоционально-оценочное значение выражается префиксами: *девушка кудрявая – **рас**кудрявая, барыня злая – **пре**злая, Елена **пре**красная, девица **пре**красная из себя, **пре**красная царевна, жены **раз**одетые и т.д.*

Обобщая отмеченное относительно языковых средств описания внешнего облика и внутренних качеств женщины в русских народных сказках, можно построить цепочку определительных ключевых компонентов, актуализирующих возраст, социальное положение, родственные отношения, физические и эмоционально-интеллектуальные качества женщин:

1) *жена* – умная, смекалистая, болтливая, задорная, веселая (подчеркиваются как положительные, так и отрицательные качества), 2) *дочь* – умная, работящая, 3) *племянница* – любимая, любезная, милая, любушка, душенька, душевная и т.д., 4) *старшие сестры* – завистливые, завидующие, злые (по отношению к младшей сестре), 5) *барыня*

– злая-презлая, сердитая, 6) *вдова* – честная и грешная (актуализируются противоположные качества), 7) *старуха* – скупая, жадная, неприветливая, глупая, ворчунья, недовольная, 8) *мачеха* – злая, лихая, бьет, 9) *свекровь* – злая, ухватом рот зажмет.

Среди определительных языковых средств репрезентации концепта «женщина» представлены слова, выражающие как положительную, так и отрицательную коннотации. Как правило, только положительно оцениваются *царевны, племянницы, младшие дочери, юные девушки*. Отрицательно в основном характеризуются *злая* и *глупая старуха*, а также *мачеха* по отношению к падчерице.

Внешний облик женщины чаще всего оценивается при помощи прилагательных-эпитетов (*прекрасная, молодая, красная* и т.д.). В этих целях употребляются также сравнительные обороты. При общей оценке наряда женщины актуализируются глагольные и адъективные формы типа *нарядиться, разодетая, разубранная*, а при конкретизации деталей одежды и обуви используются прилагательные (ср. *платье зеленое, полусапожки новые* и др.).

Прилагательные, используемые для обозначения внутренних качеств и различных состояний женщины, выполняют в основном определительно характеризующие функции. Представляют интерес и глагольные формы обозначения эмоциональных состояний и нравственных качеств женщин.

В отдельную группу можно выделить прилагательные и существительные, обозначающие положительные и отрицательные качества женщин: *лень, зависть, трудолюбие, честность, лень, зависть*. Положительное отношение к женщине выражается прилагательными-эпитетами, существительными с уменьшительно-ласкательными суффиксами и реже глаголами типа *любимая, любезная, милая, душенька, ластушка, голубушка, целовал-миловал* и т.д.

В перспективе материал данной статьи можно использовать для сопоставительного лингвистического и лингвокультурологического анализа с использованием соответствующего материала сказок других народов.

Литература

1. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

2. Гасанова М.А. Место гендера в табасаранской паремиологической картине мира // Язык. Словесность. Культура. 2012. №2-3. С. 17 – 26.

3. Кадачиева Х.М. Категориальные и концептуальные возможности описания эмоциональных концептов // Вестник Дагестанского государственного университета. Выпуск 3. Филологические науки. Махачкала, 2011. С. 105 – 108.

4. Казакевич О.А. Между гневом и страхом (человек и его эмоции в фольклоре северных селькупов) // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре. М., 1999. С. 272 – 280.

5. Калугин В.И. Гуси-лебеди. М., 1990.

6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.,2004. 295с.

7. Никитина С.Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре. М., 1999. С. 26 – 38.

8. Русские волшебные сказки / Составитель М. Булатов. М.: Советская Россия, 1989.

9. Русские народные сказки. М.: ООО «Дом славянской книги», 2015.

10. Самедов Д.С., Мусаева Т.М. Способы гиперболизации в русских былинах (лингвистический аспект) // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып. 3. Филологические науки. Махачкала, 2015. С. 195 – 203.

11. Чурилина Л.Н. Концепт «любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира: ассоциативный аспект // Актуальные проблемы современной лингвистики. М, 2007. С. 219 – 233.

References

1. Vezhbicka A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1997. 416 s.

2. Gasanova M.A. Mesto gendera v tabasaranskoj paremiologicheskoj kartine mira // Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2012. №2-3. S. 17 – 26.

3. Kadachieva H.M. Kategorial'nye i konceptual'nye vozmozhnosti opisanija jemocional'nyh konceptov // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 3. Filologicheskie nauki. Mahachkala, 2011. S. 105 – 108.

4. Kazakevich O.A. Mezhdu gnevom i strahom (chelovek i ego jemocii v fol'klore severnyh sel'kupov) // Logicheskij analiz jazyka. Obraz cheloveka v jazyke i kul'ture. M., 1999. S. 272 – 280.

5. Kalugin V.I. Gusi-lebedi. M., 1990.

6. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku. M.,2004. 295s.
7. Nikitina S.E. Serdce i dusha fol'klornogo cheloveka // Logicheskij analiz jazyka. Obraz cheloveka v jazyke i kul'ture. M., 1999. S. 26 – 38.
8. Russkie volshebnye skazki / Sostavitel' M. Bulatov. M.: Sovetskaja Rossija, 1989.
9. Russkie narodnye skazki. M.: OOO «Dom slavjanskoj knigi», 2015.
10. Samedov D.S., Musaeva T.M. Sposoby giperbolizacii v russkih bylinah (lingvisticheskij aspekt) // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3. Filologicheskie nauki. Mahachkala, 2015. S. 195 – 203.
11. Churilina L.N. Koncept «ljubov'» kak fragment kollektivnoj i individual'noj kartiny mira: associativnyj aspekt // Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki. M, 2007. S. 219 – 233.

Samedov D.S., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Gasanova M.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Dagestan State University

THE CONCEPT OF "WOMAN" IN RUSSIAN FOLK TALE (LINGUISTIC ANALYSIS)

Abstract: the article analyzes the linguistic means of representation of the concept of "woman" in Russian folk tales. The article examines the structure of the language used in the texts of Russian fairy tales to describe a woman's appearance, as well as its intrinsic qualities, a variety of emotional and mental states and behavior characteristics. The cultural identity of linguistic means of actualization of both positive and negative qualities of women in its various guises is defined, means of expression of national and cultural connotations are analyzed. The scientific revolution introduced various lexical and morphological and syntactic means of describing women: epithets, adjectives, figurative and evaluative nouns, verb forms evaluating the external appearance and internal qualities, comparative constructions, etc.

Keywords: Russian Folk Tales, the concept of "woman", lexical and morphological and syntactic means of representation of the concept, national and cultural components, means of expression connotations

Выхрыстюк М.С., доктор филологических наук, профессор,
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ,
старший научный сотрудник,
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН,
Вертянкина Н.В., кандидат филологических наук, доцент,
Пересторонин А.В., аспирант,
Тобольский педагогический институт им.Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ТОБОЛЬСКОГО, ЯРКОВСКОГО, ВАГАЙСКОГО И УВАТСКОГО РАЙОНОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Аннотация: научная статья посвящена аксиологическому осмыслению диалектной лексики западносибирских говоров. Территория Западной Сибири объединяет в себя земли позднего заселения русскими, к которым отнесем территории Тобольского, Ярковского, Вагайского и Уватского районов Тюменской области.

Ключевые слова: система ценностей человека, диалектная лексика, западносибирские говоры, аксиологическое осмысление диалектной лексики

Актуальным в науке является вопрос об определении ценности личностных качеств человека. В разговорной речи система ценностей человека проявляется особенно ярко. В изучаемом диалектном материале система ценностей представлена наиболее показательно на примере лексем, положительно и отрицательно характеризующих внешние и внутренние качества человека. Анализ оценки системы ценностей раскрывает организацию личности, показывает глубину и многогранность характера сибирского человека, характеризует особенности восприятия им реалий окружающего мира, а также позволяет дать ответы на многие вопросы относительно формирования лексической системы современного русского языка.

Лингвисты отмечают, что именно в диалектной лексике находит отражение многовековая история народа, сконцентрировано его мировоззрение, его культура. Антропоцентрическая, культурологическая, этнокультурная направленность современного языкознания призывает к обращению к народным говорам как к особому источнику, исконному началу многих явлений современного состояния русского языка и, следовательно, выразителю национального мироощущения народа [5, с. 195].

Теоретическую основу исследования русских говоров составляют труды Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, Л.А. Ивашко, Т.С. Коготковой, Н.А. Лукьяновой, И.А. Осовецкого, Е.Ф. Петрищевой, И.А. Подюкова, М.Э. Рут, Ф.П. Сороколетова и многих других ученых.

Русские вторичные говоры, к числу которых относится территория Западной Сибири, вошли в состав Российского государства достаточно поздно – в период освоения Сибири, начиная с XVII в. Систематическое и планомерное изучение говоров территории позднего заселения русскими началось с середины 50-х годов XX в.: говоры Западной и Восточной Сибири сегодня изучаются в описательном, в том числе лингвогеографическом и историческом аспектах [6, с. 67]. В настоящее время сформировались самостоятельные диалектологические центры на базе Екатеринбургского и Пермского университетов (уральская школа), Томского университета (сибирская школа) [4, с. 55]. Проблема изучения говоров Западной Сибири осложняется тем, что в силу экстралингвистических особенностей – времени и характера переселения, процессов взаимодействия с языками и диалектами коренных народов «говоры территорий позднего заселения обычно характеризуются значительной сложностью и пестротой, так что не всегда легко определить их основной тип» [2, с. 103]. Говоры юга Тюменской области исследуются силами филологов Тюменского университета.

Актуальность исследования связана с неизученностью диалектной лексики территории позднего заселения русскими. Имена прилагательные и существительные, а также устойчивые сочетания с эмоционально-оценочной характеристикой внешних и внутренних качеств человека в аспекте системы ценностей личности помогут раскрыть глубину и многогранность человека и вместе с тем дать ответ на многие вопросы формирования лексической системы современного русского языка.

Цель исследования – рассмотреть на примере характеристики лексем, зафиксированных методом прямого сбора на территории Тобольского, Вагайского, Ярковского и Уватского районов Тюменской области, содержащих положительную и отрицательную характеристику внешних и внутренних качеств человека, многогранность характера сибиряков.

Важным в науке является вопрос об определении ценности качеств человека, об отношении к ним, о степени измерения и оценки ценности, о ее сущности. Природу ценностей, изучает особая наука аксиология [7, с. 22]. Все ценности есть качества предмета, но не все качества есть ценности. Лексемы, не выражающие положительной и отрицательной стороны качества, ценностями быть не могут.

Впервые вопрос о ценностях человека был поставлен Сократом, сделавшим его центральным пунктом своей философии и сформулировавшим его в виде вопроса о том, что есть благо, а благо есть реализованная ценность – полезность [7, с., 31]. Следовательно, ценность и польза – две стороны одной и той же медали. Аксиологическая проблематика имеет фундаментальное значение для философского мировоззрения. «Природу ценностей выяснить трудно. Существует две точки зрения: сторонники первой Адам Смит, Риккардо Маркс считали труд основным источником ценности. Вторая точка зрения связана с развитием теории предельной полезности» [3, с. 187-194]. Но и в этом вопросе нет единогласия: воздух, например, максимально полезен, а ценности в нем нет, т.к. он не покупается. «Единственный выход – объявить ценность субъективной: ценно то, что желанно; ценно то, что необходимо (лекарство, например)» [1, с. 31]. Но чаще человек стремится к тем предметам, которые мы заранее высоко оценили, т.е. сначала даем высокую оценку, а затем стремимся приобрести предмет. Человек соизмеряет свое поведение с нормой, идеалом, целью, которые выступает в качестве эталона. Понятия ‘добрый’ или ‘злой’, ‘красивый’ или ‘страшный’ признаны ценностями.

На основании вышесказанного в исследованном нами материале к группе аксиологически интерпретированной лексики отнесем наиболее употребительные группы:

1. Лексемы, положительно характеризующие внешние качества человека: *Масе'нький.* 1. Младший (д. Межевая, Вагайский р-он): *Она сама масенька у нас была* (д. Тахтаир, Тобольский р-он); 2. Человек невысокого роста. *Она сама масенька в школе была* (д. Межевая, Вагайский р-он); *Кудрева'стый*. Кудрявый. *Несколько кудревастый паренек* (д. Козловка, Тобольский р-он); *Парно'й*. Крепкий, выносливый, здоровый. *На рубку дров был нанят парной мужик* (д. Нижние Аремзяны, Тобольский р-он) и др.

II. Лексемы, отрицательно характеризующие внешние качества человека: *Барахли'стый.* Плохо одетый. *Барахлистый мужик сел рядом на скамейку* (д. Овсянниково, Тобольский р-он); *Кере'жий.* Некрасивый. *Разносчиком воды был кережий мальчишка* (д. Красный Яр, Уватский р-он); *Страхови'тый.* Некрасивый. *У Марии Андреевны был страховитый нос* (д. Тахтаир, Тобольский р-он); *Страшённый. Некрасивый. Страшённый Ванюшка был приглашен на обед* (д. Быково, Вагайский р-он) и др.

III. Лексемы с положительной характеристикой внутренних качеств человека: *Кере'жий.* Некрасивый. *Разносчиком воды был кережий мальчишка* (д. Преображенка, Тобольский р-он); *Кубова'стый*. Крепкий, выносливый, здоровый. *Управлял хозяйством кубовастый хозяин* (д. Криванково, Вагайский р-он); *Ласкосло'вый*. Общительный. *Виктор, ты считался ранее в деревне ласкословым* (с. Абалак, Тобольский р-он); *Рипсова'тый*. Плохо одетый. *В зал для гостей вошел рисоватый мужчина* (с. Абалак, Тобольский р-он);

IV. Лексемы, отрицательно характеризующие внутренние качества человека: *Болта'нный*. Излишне разговорчивый. *Мой друг болтанный испортил весь вечер* (с. Овсянниково, Тобольский р-он); *Вски'пчивый*. Нервный, вспыльчивый. *Но может быть, он такой вскипчивый* (с. Птицкое, Вагайский р-он); *Зата'йный.* Хитрый, неискренний. *Затайный замысел задумал, окаянный* (д. Козловка, Тобольский р-он); *Мо'мот*. Угрюмый, неприветливый человек. *Он всегда такой момот, ни с кем не разговаривает* (п. Надцы, Тобольский р-он); *Ножо'вый*. Скандальный, крикливый. *Сам приятный на вид, а характер ножовый* (д. Полино, Вагайский р-он); *Ню'ча*.

В большинстве случаев субъективную оценку выражают суффиксы. Они передают различные оттенки чувств говорящего: *людова'тый.* Нелюдимый, замкнутый. *К нему редко ходят, он людоватый* (д. Полуяново, Тобольский р-он); *Людя'вый.* Общительный. *Уж очень ты, Ивашка, людявый* (с. Щетково, Вагайский р-он); *маломо'жненький.* Слабый физически, чаще больной. *Звали бабку у маломожненькому, помогла* (д. Полино, Вагайский р-он); *мяляйду'чий.* Скандальный, крикливый. *Дома его ждал маляйдучий отец* (д. Полино, Вагайский р-он); *Озно'бный.* Нелюдимый. *Звали в гости его, а он, ознобный, не пришел* (д. Полино, Вагайский р-он); *Озо'йливый.* Злой. *Приказчик нынче озойливый, не приведи господи* (д. Полино, Вагайский р-он) и др.

Слова последней группы близкие по характеру экспрессивности также можно классифицировать на: 1) лексику, выражающую положительную оценку называемых понятий, и 2) лексику, выражающую отрицательную оценку называемых понятий 1) к лексике, выражающей положительную оценку называемых понятий, отнесем лексемы с оттенками значений, среди

которых ласкательное: *масе'нький.* 1. Младший (д. Межевая, Вагайский р-он): *Она сама маленька у нас была* (д. Тахтаир, Тобольский р-он); 2. Человек невысокого роста. *Она сама масенька в школе была* (д. Межевая, Вагайский р-он); шутливое: *Малома'льная.* Маленькая. *Маломальная есть речка, там рыба нерестится* (с. Малозоркальцево, Тобольский р-он) и др.; ироническое: *Малю'хонный.* Невысокого роста. *Митька наш малюхонный ещё, не поможет тебе* (д. Полино, Вагайский р-он); *Люби'стрый.* Влюбчивый. *А ты однако любистрый, паткий до девок* (д. Озёрки, Тобольский р-он) и др.; 2) к лексике, выражающей *отрицательную* оценку называемых понятий, отнесем лексемы с оттенками значений: грубое: *Незафи'вненький.* Слабый физически, чаще больной. *Ну, куда ж брать на охоту его, он же незафивненький* (д. Горнослинкино, Уватский р-он); *Полоро'тый.* Чрезмерно и беспричинно веселый. *Наслышан я о тебе, полоротный скоморох* (д. Ломаево, Тобольский р-он) и др.; фамильярное: *Неспусти'ха.* Задира, неуживчивый человек. *Она росла такой вредной, такой неспустихой, брату от неё фсё попадало* (д. Горнослинкино, Уватский р-он); *Паца'нка.* Молодая девушка 10-14 лет. *Я, помню, тогда ешо пацанкой была* (д. Горнослинкино, Уватский р-он); *Пола'дливый.* Умеющий ладить с людьми. *Как хорошо быть поладливым* (д. Ломаево, Тобольский р-он); неодобрительное: *Обжо'ристый.* Неразборчивый в еде, ненасытный. *Обжористый Ванюшка опять всё съел* (д. Щетково, Ясковский р-он); *нелюдо'вый.* Нелюдимый. *Дед твой так нелюдовым всю жизнь и прожил* (д. Горнрслинкино, Уватский р-он); *Непово'дный.* Своевольный, упрямый, крутого нрава. *Скот неповодный, как и его хозяин* (с. Птицкое, Вагайский р-он); *Небуя'вый.* Робкий, тихий. *Вырастила небуявого, теперь сама майся* (д. Горнослинкино, Уватский р-он); *Пола'дливый.* Умеющий ладить с людьми. *Как хорошо быть поладливым* (д. Ломаево, Тобольский р-он); пренебрежительное: *обрюсова'тый.* Ведущий беспорядочный образ жизни. *Вот свяжешься с Акимом и сам обрюсоватым станешь* (д. Щетково, Ясковский р-он); презрительное: *нелюду'мок.* Необщительный, неприветливый человек (д. Полино, Вагайский р-он); *Мы́тарь.* Беспутный, опустившийся человек. *Так и жил всю жизнь мытарем, ничево не нажил* (д. Осинник, Уватский р-он); *ню́'ча.* Робкая, тихая женщина. *Так нючей и прожила фсю жизнь* (д. Полино, Вагайский р-он); уничижительное: *бры́згалка.* О нервной, раздражительной женщине. *Всё ей не глянеца: то не так, это не так, брызгалка така!* (с. Абалак, Тобольский р-он); бранное: *похи'тник.* Вор. *Уследит надо бы похитника* (с. Ярково р.ц.). Все эти нюансы экспрессивной окраски слов должны получать фиксацию в толковых словарях посредством добавления стилистической пометы к основной *обл.* (областное). Но в толковые словари по причине ограниченного употребления лексем они не включаются.

Развитию экспрессивных оттенков в семантике диалектного слова способствует и его метафоризация. Так, стилистически нейтральные слова, употребленные в говорах как метафоры, получают яркую экспрессию: *Ножо'вый.* Скандальный, крикливый. *Сам приятный на вид, а характер ножовый* (д. Полино, Вагайский р-он); *Круто'й.* Нервный, вспыльчивый. *Нрав у него крутоватый, никуда не деться* (д. Полино, Вагайский р-он); *Кручёный.* Легкомысленный, беспутный. *Будешь крученый, ничего в жизни не добьешься* (д. Полино, Вагайский р-он) и др.

Таким образом, аксиологическое осмысление диалектного материала выявило, что наиболее показательной является система ценностей при анализе лексем, положительно и отрицательно характеризующих внешние и внутренние качества человека. Наиболее частотны в говорах слова, в которых субъективную оценку выражают аффиксы. Суффиксы и реже префиксы передают различные оттенки чувств говорящего: радость, тревогу, грусть, гнев, печаль… Экспрессивную окраску словам придает и контекст: в нем нейтральные в стилистическом отношении единицы могут становиться эмоционально окрашенными, высокие – презрительными, ласковые – ироническими, даже бранные слова могут иметь одобрительное значение.

Изучение говоров Западной Сибири позволяет получить ответ на многие вопросы формирования лексической системы современного русского литературного языка и дать богатейший материал как для русской диалектологии, так для истории языка и для истории русского народа в целом.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М: Наука, 1988. 339 с.

2. Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: СГУ, 2002. 103 с.

3. Бакулина Е.А. Аксиологическая интерпретация диалектной лексики (на материале эмоционально-оценочной лексики говоров Тоболо-Иртышья) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. № 2. Челябинск, 2015. С. 187 – 194.

4. Блинова О.И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2012. №4 (20). С. 5 – 11.

5. Выхрыстюк М.С. Словарь диалектной и просторечной лексики Тоболо-Иртышья. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010. 212 с.

6. Выхрыстюк М.С. Значение ахивно-диалектологической практики в научно-исследовательской деятельности студентов // Модернизация российского образования: проблемы и перспективы: сборник материалов конференции. Краснодар, 2012. С. 55 – 56.

7. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998. 268 с.

References

1. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M: Nauka, 1988. 339 s.

2. Barannikova L.I. Atlas russkih govorov Srednego i Nizhnego Povolzh'ja. Saratov: SGU, 2002. 103 s.

3. Bakulina E.A. Aksiologicheskaja interpretacija dialektnoj leksiki (na materiale jemocional'no-ocenochnoj leksiki govorov Tobolo-Irtysh'ja) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. № 2. Cheljabinsk, 2015. S. 187 – 194.

4. Blinova O.I. Vnutrennjaja forma slova: mify i real'nost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Tomsk, 2012. №4 (20). S. 5 – 11.

5. Vyhrystjuk M.S. Slovar' dialektnoj i prostorechnoj leksiki Tobolo-Irtysh'ja. Tobol'sk: TGSPA im. D.I. Mendeleeva, 2010. 212 s.

6. Vyhrystjuk M.S. Znachenie ahivno-dialektologicheskoj praktiki v nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov // Modernizacija rossijskogo obrazovanija: problemy i perspektivy: sbornik materialov konferencii. Krasnodar, 2012. S. 55 – 56.

7. Rozov N.S. Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovanija i social'nye prilozhenija konstruktivnoj aksiologii. Novosibirsk: NGU, 1998. 268 s.

Vykhrystyuk M.S., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev, a branch of the Tyumen State University,
Senior Research Officer,
Tobolsk Complex Scientific Station, Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Vertyankina N.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Perestoronin A.V., Postgraduate,
Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev, a branch of the Tyumen State University

EMOTIONAL EVALUATIVE VOCABULARY DIALECTS OF TOBOL, YARKOVSKIY, VAGAYSKIY AND UVATSK DISTRICTS OF TYUMEN REGION IN THE AXIOLOGICAL REFLECTION

Abstract: this paper is devoted to axiological understanding of the dialectal vocabulary of the West Siberian dialects. The territory of Western Siberia incorporates the lands of the late Russian colonization, to which belong the territory of the Tobolsk, Yarkovskiy, Vagayskiy and Uvatsk districts of Tyumen region.

Keywords: system of human values, dialect words, West Siberian dialects, axiological understanding of the dialectal vocabulary

Бахметьева И.А., кандидат филологических наук, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет,
Ильинова Е.Ю., доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный университет,
Сребрянская Н.А.,
Воронежский государственный педагогический университет

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ БОЛЬШОГО ТУРНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация: в работе описывается фрагмент «немецкой картины мира», увиденной и воссозданной в очерках путешественников XVIII века.

Ключевые слова: путешествие, Большое турне, Германия, Англия, очерк

В настоящей статье рассматривается образ Германии в травелогах путешественников, отправившихся в Большое Турне в XVIII веке. Известно, что в конце XVIII века описание путешествия воспринималось как литературный жанр [1]. Данное направление исследования представляется нам интересным, поскольку существующие научные изыскания, в основном, посвящены изучению самых популярных стран Большого Турне (Франции и Италии), которые, собственно, и являлись целью большинства молодых английских аристократов. Именно в Париже, Риме, Венеции и в городе Помпея путешественники и их сопровождающие должны были провести большую часть времени, совершенствуя иностранные языки, оттачивая навыки фехтования и этикета и постигая классическое культурное наследие Европы. Это было своего рода ритуальным поведением молодых людей, которые ориентировались «на определённые поведенческие образцы, жизненные и литературные» рассматриваемой эпохи [3].

Менее популярные направления Большого Турне включали Германию, Испанию, Португалию, Балканы и Восточную Европу. Эти места, по замечанию М. Розенберга [13], вначале не представляли особого интереса для путешествующих, не имели исторической значимости Парижа и Италии и были менее востребованы отчасти потому, что состояние дорог вне итальянских и французских границ оставляло желать лучшего. В частности, исследователи констатируют, что контраст между отлаженной системой перевозок во Франции и практически бездорожьем в Германии был очевиден [12]. В подтверждение данного факта исследователь Т. Коган отмечает малонаселенность Германии, «разбросанность» немецких городов, отсутствие крупных центров и неразвитость промышленного производства, что объясняло нежелание туристов посещать страну. Тех путешественников, которые решались на поездку в Германию, ждало разочарование: стиль жизни казался им старомодным и даже отсталым, а одежда, традиции и манеры людей напоминали те, что были у далеких предков путешествующих англичан [8].

Кроме того, направляющихся в Германию ждало еще одно препятствие – встреча с вороватыми таможенниками, которые скрупулезно исследовали каждую вещь в багаже, особенно книги [12]. На подобную процедуру могло уходить несколько дней. В Германии постоянно требовался паспорт, пассажиров-иностранцев допрашивали с пристрастием при въезде в страну, а покинуть страну было также трудно, как и попасть туда, т.к. путешествующих ждали те же процедуры, что и при въезде [там же].

Итак, в рассмотренных нами источниках Германия предстает следующим образом.

1. **Германия – страна «неизвестности» и опасностей.** Как пишет Дж. Блэк, в течение XVIII века количество посетивших Германию туристов возросло именно из-за приключений и жажды неизведанного, которые ожидали путников в дороге. С одной стороны, условия проживания и транспорт в Германии были хуже, чем во Франции, но лучше, чем в Восточной Европе [6]. Здесь Дж. Блэку вторит У. Бэкфорд, герою путевых записок которого во время пребывания в немецкой гостинице пришлось «находиться во власти самых отъявленных клопов во Вселенной», поэтому путешествующий был счастлив спастись от их преследования «бегством в Кёльн» [5]. Здесь и далее при описании негативных сторон путешествия, в частности, для воссоздания образа закрытого пространства, авторы нередко прибегают к натуралистическим приемам.

Как мы видим из травелогов, с другой стороны, даже подобные неудобства не были поводом откладывать путешествие, поскольку Германия манила неизвестностью. Так, в травелоге “A Journey to the Western Isles of Scotland” рассказчик отмечает, что про Скандинавские страны и Германию ничего доселе неизвестно, кроме того, что раньше в них леса были больше, а культивируемые земли – меньше [10].

Далее, настоящим путешественникам, таким как, например, С. Джонсон, были не страшны трудности пути; в турне по Голландии, Германии, Швейцарии, Италии, Корсике и Франции он всегда чувствовал себя как дома, потому что «искренне любил любой язык, любых людей и любую нацию», и считал себя «гражданином мира» [10]. В травелоге У. Бэкфорда путешествующий, несмотря на предостережения слуги об опаснейшей узкой дороге в горах, зияющей пропасти, с одной стороны, и диким лесом с полчищами волков, с другой, заброшенным трактом, кишащим разбойниками, и разбитыми дорогами, отправляется навстречу приключениям [5]. В противоположность подобным устрашающим картинам в некоторых очерках говорится, что ночью, несмотря на риск, практически никто не встречал разбойников, и нападений, грабежей и убийств было мало [12]. Вероятно, противоположные точки зрения в травелогах зависели от наличия или отсутствия негативного опыта встречи путешественников с разбойниками.

Итак, приверженность традициям и желание состояться в жизни после возвращения в Англию заставляли английских аристократов следовать по опасному пути Большого Турне. Германия предстает перед читателем неизведанной страной, исследовать которую может отправиться человек авантюрно-героического типа, не боящийся трудностей пути и позитивно настроенный.

2. **Германия – живописная страна.** Практически все рассказчики в путевых очерках единодушны в том, что турист, путешествующий из Италии в Голландию, сочтет недельное или двухнедельное пребывание в Германии познавательным и приятным, особенно в исторической части страны [4]. В путевых заметках английских путешественников значительное место отводится детализированным картинам великолепных немецких пейзажей. Даже самая опасная дорога, согласно описаниям путешествующих, изображается в элегических тонах: она проходила через удивительные леса с богатой растительностью; зеленые тропинки, поросшие мхом, вели к горным вершинам, на которых были возведены аббатства и замки с уходящими в небо крышами и шпилями; небо было удивительной чистоты, светило солнце, дул освежающий ветерок, а птицы выводили восхитительные трели. Тем не менее, У. Бэкфорд отмечает, что даже при наличии таких умиротворяющих пейзажей он держался на разумном расстоянии от объектов восхищения, предпочитая уединение на берегу реки неизвестности (=опасности) приближения к ним [5].

Подобные пейзажи также подтверждают слова В.Е. Хализева о том, что писатели XVIII века, рисуя природу, оставались подвластны клише и стереотипам [3].

3. **Немцы – удивительная нация.** Для английских аристократов, впервые отправившихся в путешествие по Большому Турне, особый интерес представляли особенности восприятия иной культуры, сравнения «свое-чужое» и межкультурной коммуникации. Согласно травелогам, многие путешествующие испытывали нечто подобное культурному шоку от увиденных мимоходом немецких деревенских пейзажей, а также образа жизни людей. Деревенский мир, при всей его бедности и убогости, по словам И.Н. Сухих, является идеальным хранителем национальных ценностей и святынь, уже утраченных обитателями других хронотопов, а также местом первобытной дикости и страданий народа [2]. Так, путешественники видят немецких женщин, занятых прядением в дверях дома, в то время как их дети счастливо играют среди водных лилий, растущих вдоль ручья, а дымок, поднимающийся над одним из таких «водных жилищ», мешает наслаждаться путникам горным пейзажем. Данная сцена была настолько неожиданна, непривычна и забавна, что рассказчик в течение получаса наблюдал за происходящим с возвышенности [5].

Как известно, Германия XVIII века была преимущественно аграрной страной, поэтому у многих английских путешественников-представителей знатных семейств, ранее и у себя на родине не наблюдавших деревенской жизни, картины простого крестьянского жизненного уклада вызывали неподдельное удивление.

Подобные описания жизни немецкого народа реалистичны, а порой и натуралистичны, и, как полагается жанру путевых записок, изобилуют деталями. Еще один пример натуралистичной картины, характерный и для более поздней путевой прозы, отмеченный авторской рефлексией на заданную тему, повествует о том явлении, что у немцев, как и у многих европейцев, плохие… зубы [14]. Как известно, основной едой европейцев было мясо, которое подавалось всегда и не до конца прожаривалось. После еды, объясняет рассказчик, «немцы не полоскали рот, остатки еды попадали между зубами, разлагались и разрушали зубы, а пользоваться зубочисткой вредно» [там же]. Вместе с тем путешественника удивляет огромное количество дантистов в Германии, к которым, по его мнению, стоило обращаться только после сорока лет для того, чтобы вставить искусственные зубы [там же].

Благополучные районы крупных немецких городов сменяются унылыми грязными, дурно пахнущими кварталами с покосившимися домами в последней стадии разрушения, в которых влачит нищенское существование еврейское население. Однако повествователь сразу задается вопросом, насколько действительно плохи условия проживания и гигиена внутри дома, предполагая, что за покосившимися стенами могут скрываться несметные богатства [11].

Еще одно наблюдение, встречающееся в нескольких травелогах, таково, что «немцы живут музыкой и пивом», «едят много свинины», а в некоторых городах, например, в Баден-Бадене, посещают игорные дома [11]. Здесь нам интересным представляется мнение путешествующего американца, который пытается объяснить разницу в потреблении алкоголя между англичанами и немцами. Согласно умозаключениям автора, англичане хотят просто выпить, чтобы забыть о проблемах, в чем их, по мнению путешественника, нельзя винить. Рассказчик иронизирует, что если бы он жил в Англии, ему бы тоже хотелось «забытья в огромных дозах», т.к. англичанин «прикован» к лондонскому климату и традициям. Немец же пьет для того, чтобы создать необходимое настроение, а затем останавливается [14].

Также следует отметить, что в Германии, как и в любой стране Большого Турне, путешествующих ожидали соблазны, а посему не все представители английских благородных семейств придерживались запланированных маршрутов и культурно-образовательных задач. Многие аристократы, находясь вдали от родительского надзора, злоупотребляли алкоголем, посещали дома терпимости и проводили большую часть времени в игорных заведениях.

В некоторых травелогах дается характеристика немецкого национального характера в сравнении с английским, и часто данная характеристика не в пользу англичан. Так, рассказчик в книге Д.Р. Лока после общения с немцами заключает, что для англичан характерно восторгаться тем, что, по их мнению, называется достоинством, но на самом деле это не достоинство, а тщеславие. Они напыщенны, занудны и тяжелы, а если и творят добро, то делают это в отместку кому-то. Немцы, в отличие от англичан, идут спокойно по жизни, используя все возможности и рационально наслаждаясь всеми полагающимися им удовольствиями [11]. Однако Германию отличает вопиющая бюрократия, такая, какой нет нигде [там же].

В целом немцы любят развлечения, особенно за счет государства при любом удобном случае, в частности, если это касается походов в театр [там же].

Путешественники не могли не отметить и классовые различия, существовавшие в стране в XVIII-начале XIX вв. Представители знати были слишком бедны, чтобы поддерживать старинное великолепие, но они наслаждались привилегиями и смотрели презрительно на крестьянство, которое было в худшем положении, чем во Франции. С обитателями в поместьях прусской знати в Силезии и Бранденбурге обращались не лучше, чем с рабами в Америке. Крестьянам запрещали покидать деревни, заключать браки без согласия лорда, а их дети должны были работать на семьи лордов за символическую оплату минимум три дня, а чаще – всю неделю [9].

4. **Немецкие города могут представлять интерес для путешествующих.** Увлеченность путешествующих немецкими городами или равнодушие по отношению к ним становятся очевидными из рассмотрения глаголов движения, а также наречий, которые задействованы автором при описании осмотра англичанами городских ландшафтов. Как правило, в немецких городах, вызывавших неподдельный интерес у путешествующих, последние медленно прогуливались, наслаждались каждым шагом, неспешно и с восторгом осматривали достопримечательности; при отсутствии интереса города мелькали и проскакивали, уплывали из вида, кареты грохотали мимо, пассажиры быстро запрыгивали в кареты, если все-таки решались провести какое-то время в одном из городов, и зевали со скуки.

В подтверждение этих слов рассказчик в книге Гранта Аллена отмечает, что Кёльн заслуживает пристального внимания, в основном, как колыбель немецкого искусства. Этот город требует тщательного изучения, а поэтому *торопиться не стоит* в городе старины, церквей и картин, и далее заключает, что в Германии *вообще не стоит торопиться*, а вот Берлин, в отличие от Кёльна, – это никому не нужная роскошь [4].

Каким бы полезным и приятным не было пребывание английских аристократов в Германии, несмотря на нередкое отсутствие прямого сравнения Германии с «обязательными» странами Большого Турне в травелогах, Германия предстает либо как «второстепенная страна», либо как страна, восприятие которой требует предварительной подготовки, в отличие от Франции и Италии. Так, в травелогах рекомендуется посетить Дрезден – современный город с великолепными произведениями искусств,

город с репутацией музыкального центра, в котором больше древности, чем в Берлине. Тем не менее, лучшие произведения искусства находятся в Италии, поэтому в Дрезден ехать лучше после посещения Италии. Именно там научат ценить искусство, художников и их произведения, а затем можно по достоинству оценить и Дрезден [4].

5. **Германия – страна среднего комфорта для путешествующих.** В XVIII веке в Германии были великолепные города, но качественных дорог, построенных в соответствии с научными разработками, еще не наблюдалось до 1835 г.

В крупных городах, по мнению путешественников, можно было найти приличное жилье, а цены в некоторых населенных пунктах были такие же, как и в остальной Европе. Во Франкфурте рассказчики-очевидцы советовали останавливаться в Emperor или Red House, которые были сопоставимы по чистоте, удобствам и количеству апартаментов с самыми великолепными гостиницами Англии. Также путевые записки того времени содержат лестные отзывы о гостинице в Хальберштате, «просто маленьком городке с интересным собором и причудливыми деревянно-кирпичными домами», и в Аугсбурге, в многочисленных гостиницах которого знать собирается вечером обедать, танцевать и играть. В противоположность роскошным апартаментам туристы отмечают наихудшие апартаменты в некоторых землях страны, например, убогие комнаты в Западной Вестфалии, гордые обитатели которой влачат нищенское существование, живя со свиньями в грязных домах деревни, окруженной вересковой пустошью и дикими растениями [12].

В целом из травелогов видно, что немецкое понятие комфорта не совпадает с английским: у немцев нет раковины ни в одной из гостиниц, даже в больших городах; кровати очень узкие и настолько малы, что любой человек ростом более пяти футов вынужден сидеть всю ночь, окруженный подушками. Что касается еды, путешествующим рекомендовалось иметь запас с собой, поскольку в пределах дорог нельзя было найти провианта [12].

Итак, изображенный хронотоп немецких городов предстает в контрастном освещении: это фешенебельные районы, дома знати и культурные достопримечательности, с одной стороны, и нищие грязные кварталы, в которых едва сводит концы с концами простой люд, с другой. Кроме того, контрастны хронотопы города и деревни, которые также четко очерчены в путевых очерках; при их описании, в основном, авторы прибегают к объективно-изобразительному пейзажу.

Как видно, мода на путешествия, желание расширить свой кругозор, познать неизвестное давали возможность развиваться поэтологичсеским данностям жанра *путешествий*. Что касается литературоведения, исторической науки и культурологии XX-XXI веков, то современные исследователи имеют возможность получить ценнейшие сведения о быте, нравах, экономике отдаленной эпохи.

Литература

1. Калинин И.В. Карамзин Н.М. – создатель первого отечественного журнала путешествий // Успехи современной науки и образования. 2016. №9. Т. 4. С. 99 – 104.

2. Сухих И.Н. Теория литературы. Практическая поэтика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 352 с.

3. Хализев В.Е. Теория литературы. Москва: Высшая школа, 1999. 240 с.

4. Allen G. European Tour. New York: Dodd, Mead and Company, 1899. 297 p.

5. Beckford W. Italy; With Sketches of Spain and Portugal. London: Richard Bentley, New Burlington Street, 1834. 364 p.

6. Black J. The British Abroad. Grand Tour in the Eighteenth Century. The History Press. 2013. 386 p.

7. Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson, LL.D. New York, Literary Guild, 1936. 435 p.

8. Cogan T. The Rhine: Or, A Journey from Utrecht to Francfort; Chiefly by the Borders of the Rhine, and the Passage Down the River, from Mentz to Bonn Режим доступа URL: https://books.google.by/books?id=ZVsHAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 29.10.2016)

9. Harrison G. H.W. Travels in Various Parts of Europe During the Years 1888, 1889, and 1890: Being a Short and Practical Account. London: Bemrose and Sons, 1891. 56 p.

10. Johnson S. A Journey to the Western Isles of Scotland. Режим доступа URL: https://play.google.com/store/books/details/Samuel_Johnson_Journeys_in_Scotland?id=hITSBAAAQBAJ (дата обращения: 29.10.2016)

11. Locke D. R. Nasby in Exile: or, Six Months of Travel in England, Ireland, Scotland, France, Germany, Switzerland and Belgium, with Many Things Not of Travel. Toledo and Boston: Locke Publishing Company, 1882. 672 p.
12. Mead W.E. The Grand Tour of the Eighteenth Century. Forgotten Books, 2012. 479 p.
13. Rosenberg M. Grand Tour of Europe. The Travels of 17th & 18th Century Twenty-Somethings Режим доступа URL: http://geography.about.com/od/historyofgeography/a/grandtour.htm (дата обращения: 29.10.2016)
14. Singh M. Travel Pictures. The Record of a European Tour. Longmans, Green, and Co., 1912. 287 p.

References

1. Kalinin I.V. Karamzin N.M. – sozdatel' pervogo otechestvennogo zhurnala puteshestvij // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija. 2016. №9. T. 4. S. 99 – 104.
2. Suhih I.N. Teorija literatury. Prakticheskaja pojetika. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2014. 352 s.
3. Halizev V.E. Teorija literatury. Moskva: Vysshaja shkola, 1999. 240 s.
4. Allen G. European Tour. New York: Dodd, Mead and Company, 1899. 297 p.
5. Beckford W. Italy; With Sketches of Spain and Portugal. London: Richard Bentley, New Burlington Street, 1834. 364 p.
6. Black J. The British Abroad. Grand Tour in the Eighteenth Century. The History Press. 2013. 386 p.
7. Boswell J. The Journal of a Tour to the Hebrides with Samuel Johnson, LL.D. New York, Literary Guild, 1936. 435 p.
8. Cogan T. The Rhine: Or, A Journey from Utrecht to Francfort; Chiefly by the Borders of the Rhine, and the Passage Down the River, from Mentz to Bonn Rezhim dostupa URL: https://books.google.by/books?id=ZVsHAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (data obrashhenija: 29.10.2016)
9. Harrison G. H.W. Travels in Various Parts of Europe During the Years 1888, 1889, and 1890: Being a Short and Practical Account. London: Bemrose and Sons, 1891. 56 p.
10. Johnson S. A Journey to the Western Isles of Scotland. Rezhim dostupa URL: https://play.google.com/store/books/details/Samuel_Johnson_Journeys_in_Scotland?id=hITSBAAAQBAJ (data obrashhenija: 29.10.2016)
11. Locke D. R. Nasby in Exile: or, Six Months of Travel in England, Ireland, Scotland, France, Germany, Switzerland and Belgium, with Many Things Not of Travel. Toledo and Boston: Locke Publishing Company, 1882. 672 p.
12. Mead W.E. The Grand Tour of the Eighteenth Century. Forgotten Books, 2012. 479 p.
13. Rosenberg M. Grand Tour of Europe. The Travels of 17th & 18th Century Twenty-Somethings Rezhim dostupa URL: http://geography.about.com/od/historyofgeography/a/grandtour.htm (data obrashhenija: 29.10.2016)
14. Singh M. Travel Pictures. The Record of a European Tour. Longmans, Green, and Co., 1912. 287 p.

Bakhmetieva I.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Voronezh State Pedagogical University,
Ilyinova E.Yu., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Volgograd State University,
Srebryanskaya N.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Voronezh State Pedagogical University

THE IMAGE OF GERMANY IN THE EIGHTEENTH CENTURY GRAND TOUR TRAVELOGUES

Abstract: the paper discusses a fragment of the German worldview in the eighteenth century travelogues.
Keywords: trip, Grand Tour, Germany, England, travelogue

Михайлова Л.В., аспирант,
Хайруллина Р.Х., доктор филологических наук, профессор,
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА «ЧТЕЦЫ УФА»)

Аннотация: в данной статье раскрываются пути и факторы формирования социальных сетей как платформы речевой коммуникации пользователей, объединившихся в сообщества, в частности в сообщество «ЧТЕЦЫ». Дан лингвистический анализ речевых особенностей членов сообщества с точки зрения использования ими графических средств передачи информации, лексического состава высказываний, их грамматических особенностей и синтаксического построения сообщений. Особенности речевого поведения анализируются в контексте современного дискурса.

Ключевые слова: социальные сети, блог, речевые особенности, пользователь, сетевое сообщество, интернет-коммуникация

Глобализационные процессы в мире обусловливают активное расширение рамок коммуникации, стирающее границы между коммуникантами, с одной стороны, и обнаруживающее потребность людей общаться по узким интересам с целью самовыражения, с другой. Это ведет к созданию специализированных систем виртуального общения. Человеческий фактор в языке и соответственно в речевой коммуникации всегда отражает «языковой вкус эпохи» и самого человека как представителя своего социума. В связи с этим одной из актуальных задач лингвистики является описание образа человека в интернет-коммуникации. «Современная лингвистическая парадигма ориентирована на человека homo loquens и homo lingualis», – отмечают Р.Х. Хайруллина, Е.М. Созинова, характеризуя особенности современной речевой коммуникации как способа самовыражения «человека говорящего» [5, с. 1114].

Сегодня одним из способов самовыражения человека стало его общение в социальных сетях. Появление социальных сетей предсказывалось писателями разных стран еще за несколько веков до их появления, и целью такого коммуникативного пространства они считали объединение людей Земли. А во второй половине XX века представители разных научных парадигм – от математики до социологии – уже охарактеризовали сами принципы формирования социальных сетей, описав математическую теорию их развития, и ввели понятие коэффициента кластеризации – степени близости между неоднородными группами**.** К 70-м годам сформировался полный и окончательный комплекс социологических и математических исследований, который и стал научным фундаментом статистики и анализа социальных сетей. Теория шести рукопожатий была положена в основу в конце 1996 года социальной сети «SixDegrees», которая на тот момент не оправдала теорию, поскольку в США меньше половины жителей имели доступ к интернету [1, с. 33]. С годами интернет становится более доступным, и социальные сети меняют направленность – примером этого является социальная сеть «MySpace»: расширение функционала, возможность вести блог и использовать мультимедиа различных типов на странице пользователя позволили сместить акцент на его самопрезентацию, и только потом уже использовать социальную сеть для коммуникации как таковой. Россия присоединилась к общемировому тренду, уже обладающему ключевым принципом самопрезентации, в 2006 году с возникновением сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте». Последний на сегодняшний день относится к самым популярным социальным ресурсам в России, по данным регулярного исследования Brand Analytics [3] с результатом более 19 тысяч активных авторов и около 234 тысяч сообщений в месяц. Популярность ресурса объясняется не только мультифункциональностью в коммуникации, но и тем, что созданием сайта занимались российские разработчики, сформировавшие понятный для носителя русской ментальности интерфейс, в отличие от западного аналога «Facebook» и популярного микроблога «Twitter».

Е.Г. Ефимов и А.А. Кузнецов определяют социальные сети как региональную социально-экономическую систему, являющуюся одной из важных сфер жизнедеятельности нашей страны, предлагая 3 функциональных признака: региональный, социальный и экономический [2, с. 144].

С точки зрения лингвистического контента интерес вызывает региональный аспект развития социальных сетей, но не в глобальном международном плане, а в более локализованном – внутрирос-

сийском, межобластном. В научном плане наш интерес связан с интернет-проектом екатеринбургских хип-хоп исполнителей «ЧТЕЦЫ», балансирующий на грани между объединением творческих людей из разных городов России («создание общего информационного поля», – определяется цель в описании проекта) и самопрезентации отдельных авторов-участников «ЧТЕЦОВ». Организаторы подчеркивают независимость своего детища («сеть самостоятельных квартирников») и открытость для представителей самых разных жанров творческих направлений: мелодекламация, поэзия, проза, авторская песня, абстрактный хип-хоп, стендап и другие: «Неважно, чем ты занимался до ЧТЕЦОВ: ваял скульптуры, разгружал вагоны или спал весь день после бурной вечеринки. Это некая альтернативная версия бойцовского клуба – ты попадаешь в мир, где можешь самовыражаться и просто быть собой».

На текущий момент сообщество имеет электронное представительство в десяти городах России с аудиторией 10 405 человек. Редакционная группа сообщества в каждом из интернет-представительств состоит из 3-5 человек.

В данной статье представлено исследование особенностей речевой коммуникации сообщества «ЧТЕЦЫ УФА» (220 человек), проанализированы 204 записи сообщества со дня основания странички (22 июля 2015 г.) из них 72 записи – уникальны, то есть созданы редакционной группой самостоятельно, остальные 132 записи представляют собой ретрансляцию контента с других веб-страниц (в т.ч. страниц-представительств проекта).

В ходе анализа речевой коммуникации на материале сообщений участников группы нами были выявлены следующие особенности.

1. В области *фонетики и графики* можно отметить активное использование выделения информативно значимых фрагментов с помощью регистра: «ЧТЕЦЫ шагают по городам!», «Скоро, 21 числа, пройдет ЧТОЗАЧЕТВЕРГ», а также избирательное обращение к старой орфографии: «Какъ стать пѣвцомъ эпохи и не облажаться?».

2. *Лексические особенности* находят выражение в использовании заимствований, жаргонизмов и просторечных слов. Использование заимствований обусловлено характерной для интернет-технологий терминологией, а использование просторечной лексики и жаргонизмов (в том числе иноязычного – английского происхождения) придает общению непринужденный, неофициальный характер, стимулирует пользователей к самовыражению. Можно также отметить образование новых слов на базе заимствований (*лайкнуть, запостить*).

Например: Опрос: «тру?» Варианты ответов: «Лайк», «да», «норм»; «Отжигаем, шутим, смеёмся»; «Такого в городе никто не устраивал. Крутой движ. Цените вайб!», «йеп!», «запостим опрос и решим кто поедет! давайте пролайкаем друзей и влепим по репостам», «Расклад такой», «вдарим по голосовалке».

3. Как особенность использования *средств морфологии* следует отметить активное использование глаголов в повелительном наклонении, что отражает побуждение к активному действию, подталкивает пользователей к свободному самовыражению. В сообщениях также используется языковая игра, построенная на употреблении формы множественного числа имени собственного.

Например: «Посмотрите, почитайте их, там интересно!», «Делитесь мнениями», «присылайте видео с исполнением своего творчества вот сюда», «Оплачиваем проезд и проживание тем, кто красавчик!», «Следите за проектом СОТЫ – наши информационные партнеры. Отлично всё придумали», «Для тех, кто может потеряться и не найти место, где пройдут ЧТЕЦЫ – ориентируйтесь по фотографиям ниже», «возьми плед да чай и чего-нибудь согреться», «Куприн, Лесков, Бажов и прочие Бунины».

4. В области *синтаксических особенностей* построения сообщений и наличия различных синтаксических явлений в них можно указать на использование парцелляции, инверсии, обращений, в сообщениях преобладают односоставные предложения, лозунговость высказываниям придают краткие восклицательные предложения. Как принято в интернет-коммуникации, в сообщениях отсутствуют знаки препинания. Общий тон высказываний – лаконичный, информативно насыщенный, конкретный.

Например: «Все заявки будут рассмотрены!», «Есть список выступающих. А также будут гости. Ждем!», «Известна дата, место, время. 18 октября в "Пражском пивоваре". В 8 вечера. Начинаем готовиться. Остальные подробности позже», «Вот они, фотографии. Большое спасибо Рамилю Гизатуллину», «Скоро начнется», «Вторые ЧТЕЦЫ состоялись», «Театр жив!», «девочки бьют портфелями мальчиков к которым испытывают симпатию», «следим за творчеством, слушаем, внимаем», «Вы все еще пьете пиво на улице под страхом штрафа? Тогда внемлите. На улице надо пить не пиво!». Также среди лозунгов можно найти афоризмы или цитаты, например: «И немедленно выпила» (роман «Москва-Петушки», В. Ерофеев).

Речевое поведение коммуникантов также имеет свои особенности – оно характеризуется отсутст-

вием прямых обращений к аудитории, каких-либо комментариев к размещаемой информации. Если вне Сети собеседники обращаются друг к другу, называя по имени, социальной роли, родополовой принадлежности, таким образом приветствуя оппонента или привлекая его внимание, то в интернет-сообществе, в заданных границах целевой аудитории, автор текста может опустить данный речевой акт. Имеет место цитирование фразы из размещаемого текста, деление на своих и чужих («Кто готов воспринимать, тот идет с нами. Остальным мы тоже протягиваем руку»), нет четкой тематики сообщества (от анонсирования событий федерации альпинизма до рекламы уфимского фотографа). В силу оперативности передачи информации реализуется в речи закон экономии, выраженный в пропуске отдельных – подразумеваемых – слов, в сокращении высказываний, использовании смайликов вместо текстового сообщения.

Таким образом, оценивая речевые особенности коммуникации членов сообщества «ЧТЕЦЫ», можно сделать следующие выводы. Содержание и форма сообщений ярко отражает современный дискурс российского общества (демократизация речи, экспрессивность, закон речевой экономии, засилье заимствований). В то же время члены сообщества, являясь пользователями тематической группы в социальных сетях, используют с целью самовыражения специфические языковые средства, отражающие их круг интересов, а именно литературное творчество. Исследование речевых особенностей пользователей социальных сетей дает возможность раскрыть новые процессы в современном дискурсе.

Литература

1. Backstrom L., Boldi P., Rosa M., Ugander J. & Vigna S. (2012). Four degrees of separation. *Proceedings of the 4th Annual ACM Web Science Conference*, 33 – 42.

2. Ефимов Е.Г., Кузнецов А.А. Виды кризисного потенциала социальных сетей как региональных социально-экономических систем // Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве: всерос. научн.-практ. конф. (2011; Волгоград). Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационный потенциал современного региона: проблемы региональной безопасности и внутрирегиональной интеграции на постсоветском пространстве», 28-29 октября 2011 г., Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. С. 144 – 145.

3. Социальные сети в России: цифры и тренды за февраль 2016 года. [Э/р]: https://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy-za-fevral-2016-g/

4. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества / отв. ред. Верченов Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. М: ИНИОН РАН, 2013. 360 с. ISBN 978-5-248-00644-1.

5. Хайруллина Р.Х., Созинова Э.М. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии // Вестник БашГУ. Филология и искусствоведение. 2011. Т. 16. №3 (I). С. 1114 – 1116.

References

1. Backstrom L., Boldi P., Rosa M., Ugander J. & Vigna S. (2012). Four degrees of separation. Proceedings of the 4th Annual ACM Web Science Conference, 33 – 42.

2. Efimov E.G., Kuznecov A.A. Vidy krizisnogo potenciala social'nyh setej kak regional'nyh social'no-jekonomicheskih sistem // Innovacionnyj potencial sovremennogo regiona: problemy regional'noj bezopasnosti i vnutriregional'noj integracii na postsovetskom prostranstve: vseros. nauchn.-prakt. konf. (2011; Volgograd). Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Innovacionnyj potencial sovremennogo regiona: problemy regional'noj bezopasnosti i vnutriregional'noj integracii na postsovetskom prostranstve», 28-29 oktjabrja 2011 g., Volgograd: Izd-vo FGOU VPO VAGS, 2011. C. 144 – 145.

3. Social'nye seti v Rossii: cifry i trendy za fevral' 2016 goda. [Je/r]: https://blog.br-analytics.ru/socialnye-seti-v-rossii-cifry-i-trendy-za-fevral-2016-g/

4. Social'nye seti i virtual'nye setevye soobshhestva / otv. red. Verchenov L.N., Efremenko D.V., Tishhenko V.I. M: INION RAN, 2013. 360 s. ISBN 978-5-248-00644-1.

5. Hajrullina R.H., Sozinova Je.M. Antropocentrizm jazyka i ego otrazhenie vo frazeologii // Vestnik BashGU. Filologija i iskusstvovedenie. 2011. T. 16. №3 (I). S. 1114 – 1116.

Mikhailova L.V., Postgraduate,
Khairullina R.H., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah

PECULIARITIES OF VIRTUAL COMMUNICATIONS (AT MATERIAL OF ONLINE COMMUNITY"CHTECY UFA")

Abstract: this article describes the ways and factors of social networking as a voice communication platform users, united in the community, particularly in the community of "CHTECY UFA". We conducted a linguistic analysis of speech characteristics of the community in terms of their use of graphic means of transmitting information, lexical structure of sentences, their grammatical and syntactical features of constructing messages. Features of verbal behavior are analyzed in the context of contemporary discourse.

Keywords: social networking, blog, verbal features, users, online community, online communication

Голайденко Л.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

УПОТРЕБЛЕНИЕ В ЗНАЧЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛОВ ДРУГИХ ЛСП (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)

Аннотация: в статье в качестве потенциальных средств выражения семантики представления в художественной прозе рассматриваются слова других ЛСП; способность слов, относимых к шести группам, передавать семантику воспоминания/воображения раскрывается на основе семного анализа их лексических значений и контекстуального анализа соответствующих словоупотреблений.

Ключевые слова: слова других ЛСП в значении представления

Ментальная категория представления, рассматриваемая нами как структурно-семантическая [4] в рамках структурно-семантического направления в современной русистике [1], в силу своей когнитивной полисемантичности, обусловленной переходным характером и синкретизмом представления, занимающего промежуточное положение между восприятием и понятием и совмещающего свойства чувственных и абстрактных форм познания действительности человеком, обогащает его языковое сознание богатыми смыслами, которые находят непосредственное выражение прежде всего на лексико-фразеологическом уровне системы русского языка [2, с. 49-50]. Презентующие этот уровень единицы [5] с общим и частными значениями представления – воспоминания / воображения – объединяются в уникальное по структуре и составу лексико-семантическое поле (ЛСП), впервые смоделированное нами с учётом когнитивной специфики представления [6, 7].

Общеязыковые лексические и фразеологические экспоненты ЛСП представления нами уже описаны. «Вместе с тем семантика представления настолько актуальна для носителей русского языка, что средствами её выражения в речи становятся слова, относящиеся к другим ЛСП» [2, с. 50]. Причём нас интересуют не только лексические единицы, в значениях которых коммуникативным контекстом, в частности художественным прозаическим, актуализируется сема воспоминания [2] или воображения, но и слова, способные употребляться в нейтральном значении представления и поэтому условно занимающие место в центральной околоядерной части соответствующего ЛСП – в секторе пересечения лексико-семантических классов (ЛСК) воспоминания и воображения – как потенциальные носители семантики представления [6, 7].

В данной статье мы обратимся к характеристике только 24 слов (их намного больше), которые в условиях особого речевого контекста довольно часто функционируют в значении представления, сохраняя при этом непосредственную семантическую связь с «родным» ЛСП. Такие слова мы распределяем по шести группам.

К первой группе относятся лексические единицы с общеязыковой семантикой “Внешний вид, абрис кого-чего-либо”, способные развивать контекстуальное значение “Образ, представление” благодаря семе “Зрительное восприятие”, поскольку представление как чувственно-наглядный образ воспоминания/воображения тоже воспринимается зрительно, но в мыслях – в отрыве от непосредственной данности объектов действительности: *облик* (“1. Внешний вид, очертание, наружность” [9, с. 427]), *фигура* (“4. Телосложение, а также внешние очертания тела” [9, с. 849]), *профиль* (“1. Вид сбоку (лица, предмет)” [9, с. 625]), *маска* (“1. Специальная накладка, скрывающая лицо (иногда с изображением человеческого лица, звериной морды), с вырезами для глаз. 2. Человек в такой накладке” [9, с. 342]), *иллюстрация* – “2. Рисунок, иллюстрирующий текст” [9, с. 247]. Например: <…> *Владимир письмо Ярослава Чеха читал поверхностно, пропуская труднопонятные для него места, но и при этом явственно вставал перед ним* ***облик*** *этого воина-чеха* (А. Югов. Страшный суд); *Никогда не страшился галлюцинаций: являющиеся нервным людям* ***фигуры*** *– это для них почти норма, это нормально!* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени).

Возникающее в художественном контексте значение “Образ, представление” конкретизируется как “Общее представление о предмете, живом существе, в том числе человеке” (*облик, фигура*); “Односторонний образ предмета, лица человека” (*профиль*); “Образ ненастоящего, «чужого» лица человека или образ человека с ненастоящим, «чужим» лицом” (*маска*); “Образ ситуации – картина” (*иллюстрация*): ***Профиль*** *первого чекиста страны так и стоял перед его глазами* (Ф. Искандер. О, Марат!); <…> *В воображении его потянулись пёстрые* ***маски*** *настоящего и минувшего времени* (И. Гончаров. Обломов); *Иван Иваныч, нервничая, представил себе такую* ***иллюстрацию*** *к собственным подозрениям: генерал кинулся к телефону,*

позвонил некоему лицу в госбезопасности и шёпотом доложил, что Иван Углов в Лондоне саморазоблачился!.. (Б. Окуджава. Выписка из давно минувшего дела).

Способность субстантивов *облик, фигура, профиль, маска, иллюстрация* передавать семантику представления, причём дифференцированно – воспоминания или воображения, обусловливается либо употреблением в рамках одного художественного фрагмента слов ЛСП представления или слов с актуализированной семой представления в лексических значениях, либо более широким контекстом всего произведения.

Так, в первом примере *профиль первого чекиста страны* главному герою вспоминается, что становится понятным из описаний многочисленных ситуаций, когда всеведущий и потому опасный человек, со зловещим профилем и проницательным взглядом, становился в мыслях Марата свидетелем его поступков.

Во втором высказывании лексическими маркерами семантики воспоминания выступают причастие *минувшего* (*минувший* – "Прошедший, прошлый" [9, с. 356]) и предложно-падежная словоформа *в воображении* со значением "В памяти", что весьма характерно для русской художественной прозы 2-й половины 19 века [8].

В третьем отрывке семантика воображения задаётся глаголом *представил (себе)* (*представить* – "6. Воспроизвести в мыслях, вообразить" [9, с. 580]) – «архилексема» ЛСП представления [7, с. 67]), функционирующим в значении "Вообразил" – одном из частных общеязыковых значений представления [8], и девербативом *подозрение* ("2. Предположение о возможности чего-н." [9, с. 538]), выражающим гипотетическую модальность, которая соотносится с будущим, моделируемым человеком в воображении.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают два последних примера, в которых существительные *маски* и *иллюстрацию*, обозначая представление, формируют развёрнутые метафоры жизни-театра, людей-лицедеев в первом случае и жизни-книги с «нервными», страшными рисунками во втором.

Семантику слов второй группы мы определяем как "Внутреннее строение человека" и включаем в неё следующие лексические единицы: *голова* ("3. Ум, рассудок" [9, с. 139]), *мозг* ("4. *перен.* Ум, умственные способности" [9, с. 360]), *душа* ("1. Внутренний, психический мир человека, его сознание" [9, с. 186]), *сердце* ("2. *перен.* Этот орган ("1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости)") как символ души, переживаний, чувств, настроений" [9, с. 711]) и *внутренний* ("1. Находящийся внутри, помещаемый внутрь. 2. *перен.* Составляющий содержание, раскрывающий глубину, сущность, душу кого-чего-н." [9, с. 92]).

Способность этих слов передавать семантику представления обусловливается тем, что они, называя важнейшие «составляющие» человека «внутреннего», выступают в качестве лексических средств портретирования мыслящей и чувствующей личности. Представления же создают тот фон, на котором разворачивается вся внутренняя жизнь человека. Например: *Оба раза* ***в голове*** *моей вспыхивало одно-единственное слово – «магнитофон»* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом); *И с тех пор, хоть я и откликался на имя «Омон», сам себя я называл «Ра»; именно так звали главного героя моих* ***внутренних*** *приключений, которые я переживал перед сном, закрывая глаза и отвернувшись к стене* <…> (В. Пелевин. Омон Ра).

Заметим, что существительные *голова, мозг, душа, сердце*, функционирующие в художественной прозе преимущественно в форме предложного или винительного падежа с предлогом *в*, развивают сему "Место возникновения, вместилище представлений". Причём представления эти обычно конкретизируются как чувственно-наглядные образы воспоминания или воображения. Ср.: *Тут промелькнули* ***в мозгу*** *его горячечные образы романов Бальзака и Стендаля* <…> (О. Мандельштам. Египетская марка); *Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне* ***в душу*** *и что мне от него не скоро отделаться* (И. Тургенев. Ася); *Этот звук, растаявший под расписными сводами шибановской церкви, навсегда поселился* ***в*** *Петькином* ***сердце*** <…> (В. Белов. Кануны) и ***В голове*** *у него вертелся завтрашний день* <…> (И. Гончаров. Обыкновенная история); <…> *Серёжа* <…> *стал рыть ход дальше, затаив* ***в сердце*** *нерасшифрованную мечту* (В. Пелевин. Жизнь насекомых).

Очевидно, что в первых трёх примерах для описания воспоминаний персонажей используются словосочетание *образы романов* (чтобы *образы романов промелькнули в мозгу*, эти романы необходимо прочитать и запомнить соответствующие художественные образы) и метафорические предикативные сочетания *образ втеснился, звук поселился*, то есть "Сохранился в памяти".

Два же последних описания воображаемых картин каркасируются темпоральным адъективом *завтрашний* (от *завтра* – "3. День, следующий за сегодняшним" [9, с. 203]) и экспонентом ЛСП представления – ЛСК воображения [6] – *мечту* (*мечта* – "1. Нечто, созданное воображением,

мысленно представляемое. 2. Предмет желаний, стремлений" [9, с. 353]).

Особую – третью – группу слов, способных передавать в художественной речи семантику представления, составляют бытийные глаголы и соответствующие девербативы: *быть* ("1. Существовать, иметься. 2. Присутствовать, находиться" [9, с. 70]), *стоять* ("1. Находиться в вертикальном положении, не передвигаясь" [9, с. 769]), *встать* ("5. Возникнуть, появиться" [9, с. 110]), *явиться* ("1. Возникнуть, начаться, начать существовать" [9, с. 912]), *явление* ("1. см. *явиться*. 3. Вообще всякое обнаруживаемое проявление чего-н." [9, с. 912]), *возникнуть* ("1. Начаться, образоваться, зародиться. 2. Появиться неожиданно" [9, с. 97]) и *показаться* ("2. Появиться, стать доступным взору" [9, с. 547]).

Мы рассматриваем данные глаголы и их производные как потенциальные средства выражения семантики представления в художественной прозе на основании онтологической связи категорий бытия и представления, поскольку мысленное бытие объектов действительности в виде чувственно-наглядных образов воспоминания / воображения так же реально для человека, как бытие предметов, явлений, событий, непосредственно воспринимаемых органами чувств [3, с. 110-111].

Причём для ядерного глагола *быть*, реализующего обобщённое значение существования, наличия кого-чего-либо, принципиально важна грамматическая форма времени – прошедшего или будущего: именно она характеризует описываемый в художественном произведении факт как вспоминаемый или воображаемый [3, с. 112 – 113]. Добавим также, что глагол *быть* в одной из указанных временны*х* форм не требует специального коммуникативного контекста. Например: ***Был*** *запах ладана, и горячее падение восковой капли на костяшки руки, и тёмный, медовый лоск образа, ожидавшего лобзания* (В. Набоков. Защита Лужина); *Теперь он знал, что через минуту* ***будет*** *такое счастье, перед которым ничто самый страстный сон* (В. Набоков. Король, дама, валет).

Бытийные же глаголы и девербативы с общеязыковым значением положения в пространстве (*стоять*) и возникновения, появления кого-чего-либо (*встать*, *явиться*, *явление*, *возникнуть*, *показаться*) для дифференциации семантики воспоминания / воображения нуждаются в контексте, непосредственно содержащем слова с соответствующей семантикой или отсылающем к содержанию художественного произведения в целом. Ср.: *Слова, которые он тогда сказал, всё* ***стоят*** *между нами, и я не знаю, смогу ли это когда-нибудь забыть* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Длинное, нежное лицо Лиды, в котором было что-то ланье, теперь* ***являлось*** *Мартыну с некоторой назойливостью* (В. Набоков. Подвиг) и ***Явления****, одно другого страшнее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла* <...> (Н. Гоголь. Шинель); *А Курымушке скоро опять подушка привиделась, и он стал с этим бороться, но только напрасно: чем больше он её отвергал, тем ярче она вновь* ***показывалась*** <...> (М. Пришвин. Курымушка).

Несомненно, в примерах первой группы передать семантику воспоминания помогают слова *смогу ли забыть = не забуду* (антоним к *забыть* – "1. Перестать помнить, утратить воспоминание о ком-чём-н. 2. Упустить из сознания, перестать держать в мыслях, запамятовать" [9, с. 201]) и *с назойливостью* (от *назойливый* – "Надоедливый, пристающий с просьбами. *Назойливые мысли*" [9, с. 380]: *надоедливый* – "Такой, который надоедает" [9, с. 377]; *надоесть* – "1. Стать скучным, неинтересным из-за однообразия, постоянного повторения. 2. Назойливым поведением, повторяющимися просьбами вызвать раздражение" [9, с. 377]).

В высказываниях второй группы на воображаемые картины указывают слова *чудились* (*чудиться* – "(разг.) Казаться, мерещиться " [9, с. 886]: *казаться* – "2. То же, что *представляться* (в 3 знач.)" [9, с. 261]; *мерещиться* – "(разг.) Казаться, представляться в воображении, грезиться" [9, с. 349]; *представиться* – "3. Явиться в мысли, в воображении" [9, с. 580]) и *привиделась* (*привидеться* – "*см.* видеться" [9, с. 586] – "3. Представляться воображению" [9, с. 86]).

Общеязыковой семантикой зрительного восприятия обладают слова *маячить* ("(разг.) О чём-н. высоком или неясно видимом: виднеться в отдалении" [9, с. 345]), *тьма*[1] ("1. Отсутствие света, мрак. Из тьмы веков (перен.: из далёких, давних времён)" [9, с. 816]) и *мрак* ("Отсутствие света, тьма" [9, с. 366]), которые подчёркивают неотчётливость, неразличимость, невидимость объектов воспринимаемой действительности из-за их отдалённости в пространстве и / или отсутствия света.

Значение представления возникает у слов данной – четвёртой – группы благодаря их метафорическому употреблению, обусловленному актуализацией онтологической взаимосвязи пространства и времени. Логику такой метафоризации можно раскрыть следующим образом. Пространство в художественном контексте получает темпораль-

ную характеристику: оно отдаляется от говорящего / пишущего во времени, то есть видится в прошлом или будущем. Мало того, время начинает доминировать над пространством, размывает его границы, «затемняет» объекты, трансформирует их из непосредственно воспринимаемых в воспринимаемые опосредованно – мысленно. Теперь образы этих объектов воспроизводятся в памяти или комбинируются, конструируются в воображении. Например: *Конечно, конечно, она говорила это не от себя, и, видимо, перед нею в ту минуту* ***маячило*** *измождённое лицо директора и его стальные всепроникающие глаза, и она как заведённая твердила Ивану Иванычу высочайшее мнение <…>* (Б. Окуджава. Подозрительный инструмент); *Дум, дум, дум – било у Зои в голове, и голубь с обручальным кольцом вставал* ***из мрака****, укоризненно нахмурив очи* (Т. Толстая. Охота на мамонта).

Способность слов *маячить*, *тьма* и *мрак* выражать в художественной речи семантику представления каузируется, с одной стороны, диалектикой восприятия и представления как последовательно усложняющихся форм познания действительности человеком: представления «вырастают» из восприятий, сохраняя при этом чувственную природу (неслучайно представления, как и восприятия, классифицируются на зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и т.п.); с другой стороны, наглядность, бо́льшая абстрагированность представлений по сравнению с восприятиями объясняется когнитивной связью категорий представления и времени: чувственно-наглядные образы воспоминания / воображения всегда отстранены от непосредственного восприятия определённым отрезком времени, поскольку то, что человек видел, слышал, обонял и др. «здесь и сейчас», через мгновение становится фактом прошлого или фактом будущего в результате длительной и тщательной обработки и модификации «следов» памяти [3, с. 168 – 170]. Это обычно подчёркивается коммуникативным контекстом, содержащим слова с темпоральным значением. Ср.: *В нашем доме Женечка появилась с незапамятных времён, и* ***сквозь тьму*** *младенчества я различаю голубой её взгляд, склонившийся надо мной <…>* (Т. Толстая. Самая любимая) и *По словам Хельгы, она была замужем за военным моряком, и его серый многопушечный корабль всё время* ***маячил*** *на горизонте наших деловых сношений* (И. Фролов. Конец света на Юпитере).

В первом фрагменте семантика воспоминания задаётся посредством прилагательного *незапамятных* (*незапамятный* – “В сочетании со словами «времена», «годы»: очень давний, отдалённый” [9, с. 403]) и существительного *младенчества* (*младенчество* – “Ранний детский возраст” [9, с. 357]), которые указывают на смутность и даже отсутствие воспоминаний раннего детства. Вместе с тем использование глагола *различаю* (*различить* – “1. Распознать зрением” [9, с. 646]) позволяет сделать акцент на одном из сохранившихся в младенческой памяти образов прошлого, «высветлить» его как особенно значимый и потому вполне отчётливый. Это в свою очередь мотивируется семой “Зрение” в лексическом значении глагола, отражающего диалектическую взаимосвязь представления и восприятия, которая обнаруживает себя в возможности мысленного зрительного восприятия образа-воспоминания.

Во втором примере не детализированная рассказчиком воображаемая картина рисуется с помощью субстантива *горизонт*, употреблённого в переносном значении (“4. *перен.* Круг будущих действий и возможностей” [9, с. 143]). Это значение содержит семы “Будущий” и “Возможность”, которые вкупе потенцируют художественное описание того, что “Следует за настоящим” [9, с. 66], предстоит, гипотетически осуществляется в мыслях, то есть в воображении.

В пятую группу мы включаем глаголы с общеязыковой семантикой ограниченности процесса во времени, мгновенности, быстрой сменяемости кого-чего-либо: *мелькнуть* (“1. Явиться, показаться на короткое время, на мгновение; появиться и исчезнуть, сменившись другим” [9, с. 348]) и *пронестись* (“1. Быстро проехать, пробежать, пролететь куда-н. или мимо кого-чего-н. Пронеслось в сознании что-н. (перен.: мгновенно возникло, промелькнуло)” [9, с. 614]).

Поскольку категории времени и представления диалектически взаимосвязаны, слова с темпоральной семантикой достаточно свободно и активно употребляются в художественной речи в контекстуально обусловленном значении воспоминания/воображения, указывая на кратковременность бытия чувственно-наглядных образов в сознании человека, их мимолётность, неуловимость. Например: *Молодость без наслаждения* ***мелькнула*** *перед нею, и её прекрасные свежие щёки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами* (Н. Гоголь. Тарас Бульба); *В памяти у него* ***пронеслось*** *что-то, как сорвавшаяся звезда* (В. Набоков. Возвращение Чорба) и *В голове его* ***мелькал*** *какой-то рай, в котором живут добродетельные люди, делают добродетельные дела и достигают добродетельных результатов* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Очевидно, что дифференцировать описания «следов» памяти и воображаемых картин в художественном произведении помогают слова с вре-

менной семантикой, экспоненты ЛСП представления – ЛСК воспоминания/воображения – или такие лексические единицы, которые вызывают ассоциации с реальным вспоминаемым прошлым/нереальным воображаемым будущим.

Так, в первом фрагменте используется существительное *молодость* (“1. Возраст между отрочеством и зрелостью; период жизни в таком возрасте” [9, с. 361]), во втором – предложно-падежная словоформа *в памяти* (*память* – “1. Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта. 2. То же, что воспоминание о ком-чём-н.” [9, с. 488]), в третьем – субстантив *рай* (“1. В религиозных представлениях: место, где души умерших праведников пребывают в вечном блаженстве. *Как в раю* (очень хорошо). 2. *перен.* Лёгкие и радующие условия; обстановка. *Земной рай* (красивое, приятное место)” [9, с. 654]).

Слово *рай* в последнем случае формирует описание воображаемой картины потому, что называет место, которое обычным грешным людям – не праведникам – в земной реальности увидеть нельзя, но возможно дерзать хотя бы представлять его, причём весьма условно из-за духовного неведения: неслучайно *рай* в приведённом высказывании характеризуется посредством неопределённого местоимения *какой-то*, подчёркивающего аморфность чувственно-наглядного образа.

К шестой группе мы относим однокоренные глаголы с обобщённым значением “Быстрое перемещение в пространстве”: *перенестись* (“Быстро переместиться. Мысленно перенестись в детские годы (перен.)” [9, с. 505]) и *унестись* (“1. Быстро удалиться куда-н., откуда-н.” [9, с. 831]).

Данные слова отражают онтологическую взаимосвязь пространства и времени и обнаруживают способность передавать семантику представления, развивая переносное значение “Перемещение во времени”. Очевидно, что вспоминать – перемещаться в прошлое, а воображать – перемещаться в будущее. Поскольку перемещение во времени возможно только в мыслях, то глаголы *перенестись* и *унестись* выступают в художественной речи как средства формирования ярких метафор, смысловое наполнение которых можно вербализовать приблизительно так: “Мысленное перемещение в прошлое или будущее, связанное с определённым местом, – мысленное перемещение в пространстве времени/временном пространстве”. Ср.: *Теперь они оба как бы вдруг* ***перенеслись*** *в прежнее моё московское время, два года назад* (Ф. Достоевский. PRO и CONTRA); *Это случилось, когда мысли её* ***унеслись*** *в прошлое. Вот она стоит на укатанной горе в дублёном отцовском полушубке, в валенках. Внизу занесённые снегом дома родной деревни, где прошло её детство, отшумела юность* (А. Кузнецова. Твой дом) и *Тут мелькнула у него соблазнительная мысль о будущих фруктах до того живо, что он вдруг* ***перенёсся*** *за несколько лет в деревню, когда уж имение устроено по его плану и когда он живёт там безвыездно* (И. Гончаров. Обломов); *Тогда Александр опрокидывался на спинку стула и* ***уносился*** *в место злачно, в место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, ни странных лиц, <…>, где царствует спокойствие, нега и прохлада, где в изящно убранной зале благоухают цветы, раздаются звуки фортепиано <…>. И царицей всего этого – она…* (И. Гончаров. Обыкновенная история).

На описание воспоминаний литературных героев в двух первых примерах указывают адъектив *прежнее* (*прежний* – “1. Бывший прежде, минувший” [9, с. 580]), словосочетание *два года назад* (*назад* – “1. В обратном направлении. Оглянуться назад (также перен.: вспомнить то, что было)” [9, с. 379]) и субстантивированное прилагательное *прошлое* (“2. Прошедшее время, минувшие события” [9, с. 626]).

В третьем высказывании описание воображаемой картины формируется посредством адъектива *будущих* (*будущий* – “1. Такой, который следует за настоящим, предстоящий” [9, с. 66]) и предложно-падежной словоформы *по плану* (*план* – “3. Предположение, предусматривающее ход, осуществление чего-н.” [9, с. 519]).

В последнем же отрывке семантика воображения возникает в рамках более широкого контекста, в основе которого лежит антитеза «здесь / сейчас – там / в будущем»: суета, бумаги, чернила, странные лица – покой, отдых, музыка, *она*. Герой мысленно – в воображении – перемещается в *место злачно* и *покойно*, в желаемое будущее.

Очень интересными, на наш взгляд, являются случаи такого употребления в художественной прозе слов рассмотренных нами групп, когда воспоминание и воображение описываются как одинаково актуализированные, «уравновешенные» в рамках единого ментального процесса представления. Например: *И старичок, бредущий в приволжских сумерках, приостанавливается, вглядывается* ***в мрак*** *прошлый и* ***мрак*** *грядущий, и вздымается стиснутая предчувствием близкого конца надсажённая грудь, и наворачиваются слёзы <…>* (Т. Толстая. Сюжет); *Она думала о нём и боялась думать о любви своей; ужас обнимал её сердце, когда она осмеливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее её тогда* ***являлись*** *встревоженному воображению Ольги <…>* (М. Лермонтов. Вадим).

В приведённых фрагментах демонстрируется одновременность воспроизведения прошлого и конструирования будущего в настоящем, «высвечивается» диалектическая взаимосвязанность и взаимопроникаемость воспоминания и воображения, подчёркивается онтологическая целостность когнитивной категории представления.

Итак, в художественной прозаической речи, наряду с экспонентами ЛСП представления, активно функционируют слова, относящиеся к другим ЛСП, но способные развивать контекстуальное значение и воспоминания, и воображения. Наиболее показательны в этом отношении лексические единицы с общеязыковой семантикой внешнего вида, абриса кого-чего-либо; внутреннего строения человека; бытия; зрительного восприятия; ограниченности процесса во времени, мгновенности, сменяемости кого-чего-либо; быстрого перемещения в пространстве.

Художественный контекст, экранируя связь категории представления с категориями восприятия, бытия, времени и пространства и указывая на принадлежность чувственно-наглядных образов ментальной сфере человека, его внутреннему миру, обусловливает трансформацию общеязыковых лексических значений рассмотренных нами слов, возникновение новых сем и переносных значений: “Образ, представление”, “Место возникновения, вместилище представлений”, “Бытие чувственно-наглядных образов в сознании человека”, “Мысленное зрительное восприятие”, “Кратковременность бытия чувственно-наглядных образов в сознании человека, их мимолётность, неуловимость”, “Мысленное перемещение во времени”.

Очевидно, что широкое использование в художественной прозе различных потенциальных средств выражения семантики представления позволяет не только точно и экспрессивно описать чувственно-наглядные образы, возникающие в сознании персонажей, но и раскрыть специфику соответствующей когнитивной категории, а также эстетически мотивировать значимость семантики воспоминания / воображения для носителей русского языка.

Литература

1. Бабайцева В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 2005-2010: сб. науч. и науч.-методич. ст. М. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 61 – 73.

2. Голайденко Л.Н. Актуализация семы представления – воспоминания – в значениях слов других ЛСП (на материале художественной прозы) // Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 11 апреля 2016 г.). Вып. 3. Самара: ИЦРОН, 2016. С. 49 – 55.

3. Голайденко Л.Н. Глаголы и девербативы с семантикой представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): моногр. Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. 286 с.

4. Голайденко Л.Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Томск: ТГПУ, 2013. №3 (131). С. 140 – 145.

5. Голайденко Л.Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): моногр. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. 142 с.

6. Голайденко Л.Н. ЛСП представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воображения и периферия (на материале художественной прозы) // Сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 10 ноября 2015 г.). Вып. 2. Красноярск: ИЦРОН, 2015. С. 34 – 44.

7. Голайденко Л.Н. ЛСП представления в современном русском языке: ядро, лексико-семантический класс воспоминания и периферия (на материале художественной прозы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №10 (52): в 2-х ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2015. С. 64 – 71.

8. Голайденко Л.Н. Семантические сдвиги в значениях слов ЛСП представления при их взаимодействии в художественной прозаической речи // Учёные записки Орловского гос. ун-та. Орёл: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2016. №4 (73) [в печати].

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.

References

1. Babajceva V.V. Strukturno-semanticheskoe napravlenie v sovremennoj rusistike // Babajceva V.V. Izbrannoe. 2005-2010: sb. nauch. i nauch.-metodich. st. M. Stavropol': Izd-vo SGU, 2010. S. 61 – 73.

2. Golajdenko L.N. Aktualizacija semy predstavlenija – vospominanija – v znachenijah slov drugih LSP (na materiale hudozhestvennoj prozy) // Aktual'nye problemy i dostizhenija v gumanitarnyh naukah: sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Samara, 11 aprelja 2016 g.). Vyp. 3. Samara: ICRON, 2016. S. 49 – 55.

3. Golajdenko L.N. Glagoly i deverbativy s semantikoj predstavlenija v sovremennom russkom jazyke (na materiale hudozhestvennoj prozy): monogr. Ufa: Izd-vo BGPU, 2015. 286 s.

4. Golajdenko L.N. Kategorija predstavlenija kak strukturno-semanticheskaja (na materiale hudozhestvennoj prozy) // Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta. Tomsk: TGPU, 2013. №3 (131). S. 140 – 145.

5. Golajdenko L.N. Leksika so znacheniem predstavlenija v sovremennom russkom jazyke (na materiale hudozhestvennoj prozy): monogr. Ufa: Izd-vo BGPU, 2013. 142 s.

6. Golajdenko L.N. LSP predstavlenija v sovremennom russkom jazyke: jadro, leksiko-semanticheskij klass voobrazhenija i periferija (na materiale hudozhestvennoj prozy) // Sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnojarsk, 10 nojabrja 2015 g.). Vyp. 2. Krasnojarsk: ICRON, 2015. S. 34 – 44.

7. Golajdenko L.N. LSP predstavlenija v sovremennom russkom jazyke: jadro, leksiko-semanticheskij klass vospominanija i periferija (na materiale hudozhestvennoj prozy) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. №10 (52): v 2-h ch. Ch. 2. Tambov: Gramota, 2015. S. 64 – 71.

8. Golajdenko L.N. Semanticheskie sdvigi v znachenijah slov LSP predstavlenija pri ih vzaimodejstvii v hudozhestvennoj prozaicheskoj rechi // Uchjonye zapiski Orlovskogo gos. un-ta. Orjol: OGU im. I.S. Turgeneva, 2016. №4 (73) □v pechati□.

9. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka: 70 000 slov / pod red. N.Ju. Shvedovoj. 23-e izd., ispr. M.: Rus. jaz., 1991. 917 s.

Golaydenko L.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah

THE USE OF WORDS OF OTHER LSF WITHIN THE MEANING OF IMAGINATION AND RECOLLECTION (BASED ON FICTION)

Abstract: in this article the words of other LSF are considered as a potential means of expression of the semantics of imagination and recollection in fiction; the ability of the words, attributed to the six groups, to transmit the semantics of imagination and recollection, is revealed on the basis of the semantics analysis of their lexical meanings and contextual analysis of the corresponding linguistic usage.

Keywords: the words of others LSF within the meaning of imagination and recollection

Киреева И.И., кандидат филологических наук,
Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ КОДИРОВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ СЕМАНТИЗАЦИИ ФЕНОМЕНОВ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: данная статья представляет комплексный анализ ценностно-смысловых отношений, которые в рамках определенного этноса укладываются в определенную систему благодаря кодированию культурно-исторического опыта.Немаловажное значение в этом процессе имеют механизмы взаимодействия языка и культуры, которые служат своего рода этноязыковой матрицей «означивания» (семантизации) окружающего мира.

Ключевые слова: знак, знаковая система, коммуникативная знаковая система, некоммуникативная знаковая система, лингвокультура, концепт, код, лингвокультурный код, культурная коннотация, культурная информация

Цель нашего исследования заключается в определении основных характеристик механизма семантизации. Развитие науки о знаковых системах (семиотики) предполагает возможность рассмотрения различных знаковых систем (естественный язык, искусственные языки) и текстов, состоящих из соответствующих знаков, с единой точки зрения.

Под знаковой системой понимается набор однотипных знаков или же знаков нескольких типов вместе с определенными правилами, регулирующими сочетаемость знаков при создании семиотического текста. Учитывая строение знаковых систем, обычно говорят о различных классификациях, в частности, в зависимости от используемых типов знаков. Мы остановимся лишь на одном критерии разделения знаковых систем – по функции их употребления. В соответствии с ним выделяют «коммуникативные (естественные языки, искусственные языки, разные виды искусства, игры) или некоммуникативные системы (восприятие, группа нормативных систем типа юридических знаков, этических норм и т.д.)»[1].

Очевидным свидетельством единообразного рассмотрения всех этих систем может служить формирующееся в рамках каждой из них понятие «язык» («язык живописи», «язык кино», «язык музыки» и т.д.). Это служит подтверждением того, что естественный язык является основной моделью для всех этих областей. Таким образом, в указанных словосочетаниях «язык» – не только метафора, но еще и подтверждение закономерности соотношения этих «языков» с основными характеристиками естественного языка. Например, как и естественный язык, каждая из существующих знаковых систем имеет набор основных единиц (словарь) и, соответственно, правила сочетания и преобразования этих единиц в тексте (грамматика).

Наряду со знаковыми системами, где единицы, входящие в набор, всегда наделены самостоятельным значением (как слова языка), существуют и системы, элементы которых лишены самостоятельного значения, но служат для различения единиц с самостоятельным значением или особой функцией (такова служебная роль букв письменного языка или фонем устного языка, выполняющих вспомогательную функцию различения слов, элементов, на которые при анализе можно разложить произведение абстрактной живописи, музыкальную мелодию, орнамент ит.п.).

Необходимо добавить, что в число основных характеристик всех этих знаковых систем входит наличие у них следующих аспектов: 1) семантического (определяется через взаимоотношения данной системы со всем «иноязычным», т.е. элементами и текстами другой системы, либо иными явлениями, которые выходят за рамки знаковых систем, но могут описываться и перерабатываться ими; 2) синтаксического (определяется внутренними структурными отношениями единиц в границах самой системы и соответствующих текстов; 3) прагматического (определяется соотношением между единицами системы и текстами, из них состоящими, с одной стороны, и потребителями этих текстов, с другой стороны).

Известный швейцарский ученый, основоположник структурной лингвистики Фердинанд де Соссюр, описывая сущность языковых механизмов, сказал: «В языке все сводится к различиям, но также все сводится к сочетаниям»[2]. Обнаружение и описание функционирования сходств и различий дало возможность современной лингвистике не только глубоко проникнуть в суть такого сложного общественного явления как язык, но и создать общую коммуникационную схему и общую теорию знаковых систем. Механизм различий и сочетаний определяет внутреннюю структуру языка. Язык является упорядоченной коммуникативной (служащей для передачи информации) знаковой системой. Язык для человека– это языковая деятельность минус речевая деятельность. Он представляет собой совокупность лингвисти-

ческих навыков, позволяющих отдельному человеку понимать других и быть ими понятым. Но такое определение все еще оставляет язык вне социальной реальности, оно представляет его чем-то нереальным, так как включает лишь один аспект реальности, аспект индивидуальный, чтобы был язык нужна говорящая масса. Язык никогда, как это может показаться, не существует вне социальных отношений, поскольку представляет собой семиологический феномен.

Язык находится одновременно и в социальной массе и во времени, никто ничего не может в нем изменить, а между тем произвольность его знаков теоретически обосновывает свободу устанавливать любое отношение между звуковым материалом и идеями. Из этого следует, что «оба элемента, объединенные в знаке, живут совершенно в небывалой степени обособленно и что язык изменяется или, вернее, эволюционирует под воздействием всех сил, могущих повлиять либо на звуки, либо на смысл. Эта эволюция происходит всегда и неуклонно»[3].

Характеристику социальной функции языка можно вывести из его определения как коммуникативной системы – язык обеспечивает сохранение и обмен информации в социуме, пользующимся этим языком. Реализация коммуникативной функции языка возможно благодаря определенной знаковой системе.

Знак представляет собой материально выраженную замену явлений или понятий, предметов в процессе информационного взаимообмена в коллективе. Из выше сказанного следует: основным признаком знака является реализация функции замещения. Вещь, предмет, понятие – все это может заменить слово. Процесс отчуждения человеческих отношений, замены их знаковыми связями в денежном обществе был впервые проанализирован Карлом Марксом. Между знаками и заменяемыми ими объектами предполагается наличие константных отношений, которые определяются как «семантика знака». Семантическое отношение определяет содержание знака. Но поскольку каждый знак имеет обязательное материальное выражение, двуединое отношение выражения к содержанию становится одним из основных показателей для того, чтобы говорить как об отдельных знаках, так и о знаковых системах в целом.

Однако язык не является механическим набором разнородных знаков: и содержание, и выражение каждого языка – организованная система структурных отношений. Форма того или иного слова в каждом языке обусловлена исторически. И все же при рассмотрении слова через призму различных языков, мы можем убедиться в возможности выражать одно и то же значение весьма разнообразными способами, и это лишь доказывает, что никакой обязательной связи между содержанием и выражением в слове нет. Слово – наиболее типичный и культурно значимый случай условного знака.

Вероятностное восстановление прообраза, правильная интерпретация смысла знака, догадка на основе значения знака о том, представлением о чем этот знак является, возможна в силу активности, включенности в контекст, ориентированности восприятия человека на вполне определенный круг актуальных образов-смыслов из постоянно меняющегося, хотя в чем-то и повторяющегося жизненного опыта.

Вместе с весьма распространенными мотивированными или иконическими знаками и знаками-индексами (по терминологии Ч.Пирса), несущими в себе образ-значение, в ходе семиотической эволюции, отображающей, в основном и этапы прогрессивной эволюции популятивных систем, становилась заметной и постоянно усиливалась такая группа знаков как условные, конвенциональные знаки или символы. Их суть заключается в том, что структура знака (объекта-посредника) может не иметь ничего общего с тем смыслом, с который знак предположительно соотносится. И он это делает за счет использования еще одного образа-посредника, который присутствует в памяти носителя языка, похожего на смысл (т.к. оно является схематичным образом отражения смысла), но не имеет ничего общего со структурными характеристиками знака как физического объекта. Связь знака с таким значением появляется у кого-то из собеседников спонтанно, и, если она полезна, говорящие перекрестно ей обучаются в ходе практического общения.

Мотивированные знаки – фундамент языковой системы, в т.ч. и естественного языка. Только в нем этот фундамент, в силу широты смысловых потребностей коллектива, имеет мощную надстройку из условных знаков. Генетически закреплены и передаются наиболее фундаментальные знаки естественного языка (например, интонационные). На этой основе формируется, часто переплетаясь с мотивированными, надстройка из условных знаков.

На протяжении всей жизни человек обучается этим знакам. Развитие языка обусловлено изменениями системных наборов этих знаков Суть языка заключается в ассоциациях между идеями и знаками. Язык – психическая точка пересечения идеи (означаемого) и знака (означающего). Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. «Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое

нами о нем посредством наших органов чувств: он – чувственный образ, и если нам случается называть его «материальным», то только в этом смысле и из противопоставления второму члену ассоциации – понятию, в общем, более абстрактному»[4].

Будучи знаковой системой, язык кодирует окружающую человека действительность, закрепляя за предметами и понятиями знаки, которые замещают их в мышлении. Так, код в лингвосемиотике культуры – это система означивания, т.е. сформированная стереотипами этнокультурного сознания конфигуративная совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: образования и структурирования довербальных смыслов и их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определенной коммуникативно-прагматической парадигмы. Этноязыковое кодирование культурно-исторического опыта в значении языкового знака связано с двумя ипостасями речемыслительной деятельности: когнитивной и дискурсивной[5].

С точки зрения когнитивной лингвистики каждый язык эквивалентен определенному схематичному набору концептов, посредством которого происходит восприятие, структурирование, классифицирование и интерпретирование информационного потока из окружающего мира.

Главная роль концептов в мышлении– это категоризация, позволяющая группировать объекты в соответствующие классы по принципу определенного сходства. Полноценное приятие определенного типа культуры, участие в культурном диалоге возможно только при условии понимания принимающей стороной кодов культуры, которые определяются «национальным образом мира», географией, национальным психотипом, и мышлением. Человеческая культура не знает совершенно уникальных кодов, но своеобразные характеристики, лакуны (несовпадения некоторых культурных реалий), всегда присутствуют в процессе межкультурной коммуникации. Для решения этой проблемы можно использовать набор историко-культурных и этнографо-бытовых комментариев. Подобная информация служит базовым культурным фондом, необходимым для проникновения в культуру.

Экскурс в те смыслы слова «культура», которые существуют в нашем сознании, и в те определения, которые давались понятию «культура», свидетельствует о том, что культура представляет собой накопленный человеком опыт деятельности, необходимый для воспроизводства этой деятельности путем формирования(образования) человека.

Становление культуры поддерживают адаптивные механизмы, создающие условные структуры поведения и деятельности в целом. С какой бы точки зрения ни исследовалась проблема культурогенеза и связанный с ней вопрос о способах культурного освоения мира, можно заключить, как это делает С. Лангер, что во всех случаях «мы имеем одну центральную тему: человеческую реакцию как нечто конструктивное, а не пассивное», и при этом именно «символизация является ключом к такому конструктивному процессу»[6].

Таким образом, любая деятельность человека (например, познавательная) представляет собой некий способ адаптивной символизации, который, безусловно, затрагивает процессы восприятия и познания в целом, и влияет на поведение отдельной личности в данном обществе, а в конечном итоге – на саму человеческую деятельность.

Культура всегда находит конкретное воплощение, будь то культура определенного вида деятельности (культура общения, культура управления, культура мышления) или культура исторического периода развития деятельности(культура Древнего Египта, средневековая культура и т.п.), или культура субъекта деятельности (молодежная субкультура). Наконец, это может быть и культура целого народа, вбирающая в себя весь опыт и богатство жизни данного народа. Любая культура, следовательно, воплощает в себе образ этой деятельности, образ этого субъекта деятельности, образ данного народа, она их дифференцирует и показывает их индивидуально.

Культура – двухмерное понятие. Во-первых, она воплощается в значимых вещах, как артефакты, как объекты, которые определенным способом связаны в пространстве и во времени. Во-вторых, культура существует как «ожившие» в активном сознании и деятельности человека смыслы и значения объектов, и тогда культура – ни что иное, как актуальный опыт и содержание внутреннего мира личности. В этом измерении культура может существовать только при условии активного понимания, порождения человеком значений и утверждением их в действительности.

Все новые значения и смыслы становятся осмысленными и значимыми после того, как их “связали” со смыслами и известными значениями, т.к. мы постигаем все новое лишь через его соотнесение с уже знакомым. Таким образом, уместно говорить о существовании культурных значений, которые изначально всем знакомы и не требуют соотнесения сизвестным. Они уже известны сами по себе и являются интуитивно ясными и определенными для данной культуры. Они считаются “культурными доминантами”, их своим смыслом и

значением окрашивая всю культуру, придавая ей определенность и целостность.

Через доминанты культуры реализуется принцип связи культурных значений. Они же формируют систему, задающую направление и определяющую содержание жизни общества. Разумеется, существование в социуме конкретного человека приобретает индивидуальные характеристики в разных общностях. Однако даже при таком разнообразии человеческих жизней и индивидуальностей культура задает параметры конкретного типа жизни и личности. Происходит взаимодействие человека и культуры – человек «живет» в культуре и определяет себя под знаком определенных культурных доминант, тем самым утверждая их самим своим существованием.

Тот факт, что образ жизни людей отличается от культуры к культуре, является бесспорным. В основе различий лежит определенный механизм, который представляет собой как бы некое ядро культуры, определяет не только ее «внешнюю» специфику, но и поведение людей, их ценности, жизненные цели и отношение к окружающему миру, в конечном итоге – специфическое осознание фактов действительности. Каковой бы ни была природа этого механизма (мнения по этому поводу расходятся), так или иначе, он может быть представлен как совокупность основных характеристик данной культуры.

Языковое объединение населения данной территории во многом способствует формированию той или иной этнической общности (народности, племени). Среди существенных признаков этноса выделяют, наряду с общностью языка, общность культуры, территории, экономического строя и этническое самосознание. С другой стороны, «языком (не жаргоном или диалектом) признают лишь то языковое образование, которое обслуживает отдельный народ и при этом всех его представителей»[7].

При рассмотрении элементов культуры в системе очевидным становится тот факт, что каждый народ обладает специфическим способом восприятия, мышления, поведения, эмоциональной реакции. Механизм этого заключается в том, что сигналы внешнего мира группируются определенным способом на основе культурно обусловленных признаков-сигнификаторов или «когнитивных категорий». При этом такие категории не являются имманентно присущими человеческому мышлению, но воспринимаются в процессе инкультурации, особенно усвоения языка. В связи с этим когнитивная антропология нацелена по преимуществу на изучение процедуры придания смысла – прежде всего осмысления связей между элементами собственной культуры и организации жизни на основе этого понимания. В любом случае приоритетное внимание уделяется языковым структурам.

В целом, способ, которым мы представляем реальность для себя и других, «работает» в одном направлении, «отталкивается» от другого и обычно искривляет мысль неподдающимся контролю со стороны человека образом. Отсюда следуют два взаимосвязанных важных вывода: с одной стороны, язык определяет нашу концепцию действительности в гораздо большей степени, чем мы предполагаем, исходя из обычного опыта, с другой – каждый язык создает свою собственную, иначе структурированную действительность. Язык – составная часть культуры и ее орудие; он выражает специфические черты национальной ментальности. К. Леви-Стросс справедливо заметил, что язык есть одновременно и продукт культуры и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

По определению, код – это система условных знаков (символов) для передачи, обработки и хранения (запоминания) различной информации. Поскольку человек является как носителем языка, так и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры. Для каждого языка, для каждой культуры характерно возникновение специфических созначений – коннотаций. Не бывает «чисто» денотативных языков, как не бывает языков «только» коннотативных; любой язык представляет собой комбинацию высказанного и подразумеваемого, денотативного и коннотативного уровней, причем подразумеваемое может при определенных условиях эксплицироваться, а эксплицитное уйти в коннотативный «контекст».

Как именно связаны язык и культура? Как нам представляется, посредством некого промежуточного образования, «входящего в язык в виде значения языковых знаков и существующее в культуре в форме предметов культуры, т.е. в опредмеченной форме, в деятельностной форме, т.е. в форме деятельности, в образе результата деятельности»[8].

Итак, если в языковой единице есть культурная информация, то должна быть и категория, соотносящая две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяющая описать их взаимодействие. По мнению В.Н. Телия, это «культурная коннотация»[9].

Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Этот термин был введен В.Н. Телия в 1993 году. Культура проникает в языковые знаки через ассоциативно-

образные основания их семантики и интерпретируется через установление связующих элементов образов с эталонами, символами, стереотипами и другими знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке.

Таким образом, соотнесение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность не только значениям фразеологических единиц, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Культурный код, по Р. Барту, «это перспектива множества цитации, мираж, сотканный из множества структур...; единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное как отголоски чего-то, что уже было читано, видено, сделано, пережито; код является следом этого «уже»[10].

Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения, часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации.

Ассоциации при этом формируют основу для возникновения коннотативных значений. Как правило, коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, однако иногда они мотивированы свойствами реалий. Зачастую коннотации воспринимаются как оценочный ореол, при этом также ярко проявляется национальная специфика языка, создающая картину мира. Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения.

Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета, и, наоборот, одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные. В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантической природой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину. Сам факт существования культурного компонента, связанного с языковым знаком, служит в определенной степени элементом сближения.

Отношения между языком и культурой можно рассматривать как отношения части и целого. Язык можно рассматривать как компонент культуры и как орудие культуры. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т.е. отдельно от культуры, что делается в традиционной лингвистике.

Согласно же лингвокультурологической концепции, поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки по праву могут функционировать как символы той или иной культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Культура соотнесена с языком через концепт пространства. Культура живет и развивается в языковой оболочке. Язык способен создавать вербальные иллюзии, как бы словесный мираж, который подменяет собой реальность. Случается так, что иногда некоторые элементы картин мира различных культур совпадают. Например, такой фразеологизм как «кровь невода» имеет близкое по значению выражение в английском языке – «blood is thicker than water». «У каждого народа есть внутренний ритм своей жизни. Все заимствования и все научения от других национальных культур идут во благо ему, если находятся в гармонии с этим ритмом или претворяются им»[11].

Своеобразным микрокосмом внутри любого языка, содержащим в себе и нравственный закон, и здравый смысл, являются фразеологизмы. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта. Иными словами, описание явления уходит на второй план, уступая место интерпретации, оценке и выражению субъектом своего отношения к тому или иному явлению. Именно этим и отличается фразеологизм от других номинативных единиц. В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание»[12]. Именно фразеологизмы в какой-то степени диктуют носителям языка, как нужно воспринимать картину мира в целом или конкретную ситуацию. Внутренняя форма фразеологизмов хранит именно те оттенки, что придают им культурно-национальный колорит.

В английском языке достаточно фразеологизмов, пословиц, поговорок, связанных с морем: after a storm comes a calm; any port in a storm. Семантику таких фразеологизмов можно интерпретировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности нации, то есть в терминах национальной культуры.

Чтобы в целом понять, что в фразеологизмах является носителем культурной информации, необходимо понять, как такие фразеологизмы вообще возникают. Началом всему служит прототипная ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма.

За этим значением закрепляется содержание, которое вскоре переосмысливается, и складывается образ. Так возникает внутренняя форма, в которой и хранится основная информация, связанная с культурой. Например, поговорка it's an ill wind that blows nobody good была известна уже в XVI веке. В буквальном смысле это выражение означает следующее: кораблю, плывущему на восток, приходится преодолевать силу восточного ветра, в то время кораблю, плывущему в противоположную сторону, восточный ветер весьма кстати. Иными словами, всегда найдется победитель среди проигравших. «Следы» культуры – обычаи, традиции, мифы, архетипы – и составляют культурную информацию, заключенную во многих фразеологизмах.

Почему фразеологизмы, метафоры, пословицы и поговорки сохраняются в языке на протяжении веков, хотя и не представляют собой нормы языка? Почему они вновь и вновь образуются в каждую эпоху? Ответить на эти вопросы можно следующим образом: фразеологизмы, метафоры, пословицы и пр. представляют собой сгусток культурной информации, дают возможность сказать многое посредством минимального количества языковых знаков, при этом максимально раскрывая характер той или иной культуры.

[1] Культурология XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 1. С. 82.
[2] Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 43.
[3] Там же. С. 47.
[4] Потебня А.А.Слово и миф. М., 1989. С. 67.
[5] Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. 2002. №2. С. 49.
[6] Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000. С. 78.
[7] Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 141.
[8] Леонтьев А.А. Язык речь речевая деятельность. УРСС, 2003. С. 109.
[9] Тарасов Е.Р. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. М.,1988. С. 17.
[10] Барт Р. Избранные труды. М.,1989. С. 27.
[11] Тарасов Е.Р. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. М.,1988. С. 357
[12] Тарасов Е.Р. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. М.,1988. С. 9.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. 2002 . №2. С. 60 – 74.
2. Барт Р. Избранные труды. М.,1989. 616 с.
3. Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. 880 с.
4. Культурология XX век: Энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. 447 с.
5. Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000. 288 с.
6. Леонтьев А.А. Язык речь речевая деятельность. УРСС, 2003. 216 с.
7. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. 448 с.
8. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
9. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.
10. Тарасов Е.Р. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык – Культура – Этнос. М.,1988. С. 105 – 112.
11. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 236 с.
12. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. 571 с.
13. Hollinghurst A. The Line of Beauty. London: Picador, 2004. 480 p.

References

1. Alefirenko N.F. Jetnojazykovoe kodirovanie smysla v zerkale kul'tury // Mir russkogo slova. 2002 . №2. S. 60 – 74.
2. Bart R. Izbrannye trudy. M.,1989. 616 s.
3. Bruk S.I. Naselenie mira: Jetnodemograficheskij spravochnik. M., 1986. 880 s.
4. Kul'turologija XX vek: Jenciklopedija. SPb.: Universitetskaja kniga, 1998. T. 1. 447 s.
5. Langer S. Filosofija v novom kljuche. M., 2000. 288 s.
6. Leont'ev A.A. Jazyk rech' rechevaja dejatel'nost'. URSS, 2003. 216 s.

7. Lur'e S.V. Istoricheskaja jetnologija. M., 1997. 448 s.
8. Potebnja A.A. Slovo i mif. M.: Progress, 1989. 624 s.
9. Sossjur F. de. Kurs obshhej lingvistiki. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo universiteta, 1999. 432 s.
10. Tarasov E.R. Jazyk i kul'tura: Metodologicheskie problemy // Jazyk – Kul'tura – Jetnos. M.,1988. S. 105 – 112.
11. Telija V.N. Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 236 s.
12. Jern V.F. Sochinenija. M.: Pravda, 1991. 571 s.
13. Hollinghurst A. The Line of Beauty. London: Picador, 2004. 480 p.

Kireeva I.I., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Samara Branch of Moscow City Teachers' Training University

LINGUACULTURAL ENCODING: SEMANTIZATION METHODOLOGY OF SOCIAL REALM PHENOMENA

Abstract: this article deals with the complex analysis of the value-notion relations represented systematically within a certain ethnos. All this is due to encoding of cultural and historical experience. It involves language and culture activity which is considered to be an ethno-language matrix of the reality semantization.

Keywords: sign, semiotic system, communicative semiotic system, non-communicative semiotic system, linguaculture, concept, code, linguacultural code, cultural connotation, cultural information

Выхрыстюк М.С., доктор филологических наук, профессор,
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ,
старший научный сотрудник,
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН,
Окмянская А.В., аспирант,
Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева, филиал ТюмГУ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ ТЕКСТОВ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ТОБОЛЬСКОГО АБАЛАКСКОГО МОНАСТЫРЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Аннотация: научная статья посвящена анализу суффиксальных словообразовательных моделей книжно-славянской лексики скорописных деловых текстов Тобольского Абалакского монастыря второй половины XVIII в.

Ключевые слова: скорописные деловые тексты, словообразовательные модели, книжно-славянская лексика

Уже два века длится научная дискуссия о путях становления русского национального языка и участии в этом процессе книжно-славянской стихии и народно-разговорной речи. Ученые по-разному решают вопрос о соотношении двух ведущих стилистических начал – книжности и разговорности на разных уровнях языка. XVIII век – это время, когда, по мнению ученых, в общенациональном языке «шло сложное взаимодействие книжно-славянского типа языка с народно-литературным при постепенном вытеснении первого» [1, с. 5]. Активно подвергался этому явлению язык художественной литературы. Сказался ли этот процесс на языке деловых бумаг, на государственном языке XVIII века? Или он продолжал еще испытывать влияние церковнославянского языка? Это один из главных вопросов русского языка XVIII века.

XVIII век является особенным в развитии русского литературного языка. Этот период был переломным, с чем соглашаются все исследователи. Церковнославянский язык, игравший большую роль в культурной жизни древней и Московской Руси, сдает свои позиции. Его употребление ограничивается церковной богослужебной литературой. Попытки приспособить этот язык для передачи светских текстов перспектив не имели.

Актуальность исследования соотношения книжно-славянских и народно-разговорных элементов в языке памятников деловой письменности второй половины XVIII века мотивируется неизученностью как самого исследуемого материала, так и темы, важной для решения ряда вопросов относительно становления русского делового письма.

Предмет исследования составляет анализ словообразовательных моделей книжно-славянского типа языка в деловой письменности Тобольского Абалакского монастыря второй половины XVIII в. Обращение к историческим текстам из местного архива не случайно. Тобольск в XVIII веке был столицей огромной губернии, центром сибирской науки, культуры, торговли.

Материалом изучения стали 145 скорописных документов фонда № 156 ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске» [3]. По своему жанровому составу анализируемые документы разнообразны. Анализу подвергались как документы чисто информативного плана: репорты, доношения, реестры, сообщения, выписки, реляции, инструкции, известия, описи и др., так и документы императивной направленности: указы, приказы, прошения, требования, наставления, обращения, памятки, запросы и т.д.

Базой для анализа послужила картотека, отражающая словообразовательные модели книжности объемом 205 единиц.

Рассмотрим функционирование книжно-славянских элементов в словообразовательных моделях исследованных источников.

Важным критерием разграничения слов книжных и разговорных является способ их образования. Традиционно славянскими (книжными) считаются слова, образованные при помощи суффиксов ***-енij-, -анij-, -ейш- , -айш- , -еств- , -ств-.*** Несмотря на конкретность указов, их четкость и строгость, эти суффиксы придают словам определенную абстрактность изложения: *«...чтоб не вопричинствовать и таки такое жъ подозрение и опасеніе...»* (И 156-9-20), *«...на томъ доношеніи рукоприложеніе таково...*» (И 156-4-50), и другие примеры, взятые из документов разных жанров: *высокопреподобнейшему отцу Михаилу, высочайшего спокойствия, императорскаго величества, требования монашествующихъ*.

В «Словаре Академии российской» (1789-1794 гг.) [2]. значительная часть слов, имеющих

суффикс ***-ений-, -аний-, -ний-, -ий-,*** имеют стилистическую помету “кн.” Приведем примеры подобных оппозиций из исследуемых текстов, проверенные по словарю: 1) слова, имеющие в «Словаре Академии российской» (САР) помету “сл” (славянское): *бережение, возмущеніе, воскрешеніе, дарование, доношение, доставление, жалование, желание, задержание, заклеймение, запаление, запрещеніе, заседание, захождение, избежаніе, изверчение, избрание, изгнание, клеймение, кушаніе, милосердие, небрежение, обращение, отвращение, отчаяніе, предуведомленіе, прізреніе, послушаніе, почитаніе, правление, прощаніе, прощеніе, раденіе, разломаніе, смирение, смущеніе, собраніе, согласіе, строение, суеверие, сумнение, смятеніе, содроганіе, тащение, толкование, уведомление, увещевание, уволеніе, удержание, умерщвленіе, умышление, усердіе, услуженіе, усмотрение, учинение, услужение, услушание, чувствованіе, щастие* и др.; 2) слова, не имеющие в САР помету “сл”: *вступление, дополнение, дыхание, завершение, заключение, лежание, лишеніе, мгновеніе, молчаніе, наказаніе, недоверіе, описаніе, отделеніе, понятіе, стегание, строеніе, сожаленіе, сужденіе, тканіе, толкованіе, уведомленіе, уединеніе, унынiе, утешеніе, целованіе* и др.

Как видим, суффиксы ***-ений-, -аний-, -ний-, -ий-*** придают словам некоторую абстрактность изложения. В анализируемых нами документах слов с данными суффиксами, маркированных в САР пометой “кн.” значительно больше, чем слов с тем же морфемным показателем, но не маркированных этой пометой. Значит, можно сделать вывод о том, что стилистическая показательность слов с данным суффиксом стирается. Данные суффиксы не всегда являются показателем принадлежности слова к книжному стилю.

Абстрактность придают словам суффиксы ***-ость-*** и ***-ств-:*** 1) ***-ость-***: *ведомость, должность, духовность, надобность, осторожность, потребность, хитрость, старость, сухость*; 2) ***-ств-***: *бегство, безспокойство, бесстыдство, благочинство, братство, вдовство, глупство, доброхотство, дурачество, жителство, зверство, ласкательство, малолетство, монашество, нахалство, одиначество, озорничество, плутовство, соседство, священство, супружество, сходство, тезоименитство, шутовство, убожество, уродство, усильство, хлопотство, ябедничество.*

Среди приведенных примеров лишь тринадцать не имеют в САР пометы “кн.”: *бегство, братство, вдовство, глупство, дурачество, жителство, зверство, соседство, супружество, сходство, шутовство, уродство, ябедничество.* Как видим, считать суффикс ***-ств-*** показателем книжности в языке XVIII в. нельзя. Отметим словообразовательные модели отвлеченных имен существительных, выявленных в деловой письменности Тобольского Абалакского монастыря XVIII в. и традиционно считающихся книжными. Все отвлеченные существительные, отмеченные в текстах источников, являются древними и исторически устойчивыми, известными общеславянскому языку. Таковы слова с суффиксами: ***-ений-, -ний-, -ий-, -ти-, -ств-.***

Суффикс ***-тель-*** со значением лица в русском литературном языке XVIII в. имел широкое распространение. В САР включено 115 слов с суффиксом ***-тель -***, но с пометой “сл.” всего 78 слов. Очевидно, на славянское происхождение должно указывать что-то еще, помимо суффикса ***-тель-***. По этой причине, ориентируясь на САР, считать суффикс ***-тель-*** абсолютным показателем книжности в текстах делового письма XVIII в. также нельзя. Приведем примеры слов, встретившихся в исследуемых рукописях, которые имеют данный суффикс, присоединяемый к основе, признаваемой славянской: *деятель, доноситель, обязатель, настоятель, послушатель, сквернитель, служитель, смотритель, увещеватель, угрозитель, уничтожитель, укоритель, целитель* и др., а также сюда отнесем примеры сложных слов: *благодатель, благодаритель, благорассмотритель, благословитель, благотворитель, богодатель, благодаритель, богослужитель, богочтитель, священнонастоятель, священнослужитель* и др. Слова данной группы относят к славянизмам, поскольку они имеют сложную основу, признаваемую славянской. Все названные слова в САР имеют помету “сл.”. Но в исследуемом материале нами найдено девять слов, не отмеченных в САР пометой “кн.”: *заливатель, вручитель, изменитель, качатель, махатель, нарушитель, оберегатель, оборонитель, сжигатель.* Многие слова этой группы исчезли из употребления, а суффикс ***-тель-*** утратил в современном языке значение книжности.

Таким образом, анализируя словообразовательный уровень деловых текстов Тобольского Абалакского монастыря второй половины XVIII века, можно увидеть переплетение книжного и разговорного начала с незначительным преимуществом первого. Аффиксы, традиционно признаваемые в науке книжно-славянскими, в текстах деловой

письменности Тобольского Абалакского монастыря исследуемого периода нейтрализуется, утрачивая свое прежнее значение.

Исследованный материал показывает, что генетическая корреляция слов со старославянскими словообразовательным*и* признаками, выступавшая на предшествующих этапах истории языка как стилистический маркер, в монастырской деловой письменности XVIII века уже нейтрализуется. Можно говорить лишь о большей или меньшей степени частотности одного из компонентов морфемной структуры слова, что зависит от устойчивых стандартных формул текста и от его жанровой принадлежности. В целом материалы делового письма духовной региональной канцелярии приводят к заключению о слиянии книжного и разговорного, церковнославянского и собственно русского начала как о формирующейся общерусской тенденции устранения их противостояния в конце XVIII века, которая предшествовала их новой стилистической дифференциации в национальном литературном языке следующего столетия.

Литература

1. Котков СИ. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука 1980. 293 с.
2. Словарь Академии Российской: В 6 Т. СПб.: Литература при императ. акад. наук, 1789-1794.
3. И 156-4-50, И 156-9-20. Фонд 156 духовного делопроизводства ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске».

References

1. Kotkov SI. Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istorija russkogo jazyka. M.: Nauka 1980. 293 s.
2. Slovar' Akademii Rossijskoj: V 6 T. SPb.: Literatura pri imperat. akad. nauk, 1789-1794.
3. I 156-4-50, I 156-9-20. Fond 156 duhovnogo deloproizvodstva GUTO «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»

Vykhrystyuk M.S., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev TSU branch,
Senior Research Officer,
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Okmyanskaya A.V., Postgraduate,
Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev TSU branch

WORD-FORMATION MODELS OF BOOK-SLAVIC LEXIS BUSINESS SHORTHAND TEXTS OF TOBOLSK ABALAK MONASTERY SECOND HALF OF XVIII CENTURY

Abstract: the paper is devoted to the analysis of word-formation models suffixed books and Slavic vocabulary shorthand business texts Abalak Tobolsk Monastery of the second half of the XVIII century.

Keywords: business shorthand texts, word-formation models, books and Slavic vocabulary

Бахметьева И.А., кандидат филологических наук, доцент,
Безрукова В.В., кандидат филологических наук, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет

ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. СЮ, В. КРЕСТОВСКОГО, Ч. ДИККЕНСА)

Аннотация: в работе рассматриваются виртуальные и реальные путешествия в произведениях Э. Сю, В. Крестовского и Ч. Диккенса. Основное внимание авторы статьи обращают на изображение жизни человека как путешествия.

Ключевые слова: путешествие, реальность, виртуальность, Париж, Лондон, Петербург

В данной статье речь пойдет о позднеромантических и «ультраромантических» (термин введен А.Н. Зиминой) [14] произведениях, в которых, однако сохраняются и даже усиливаются (утрируются) элементы романтической поэтики. Виртуальный от лат. virtualis - возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях [6]. Что касается *виртуального* путешествия, то это путешествие воображаемое, связанное с работой творческого сознания автора. В первую очередь, создание подобных «путешествий» – это результат несогласия героев со своим местом в мире, человек бунтует против всего мироздания, и поэтому романтический герой отправляется в вояж, основными мотивами которого являются поиск, путешествие – испытание, путешествие-служение, путешествие-развлечение и путешествие-возвращение [3]. Примером тому служат французский роман Э. Сю «Парижские тайны» (1842-1843), русский роман В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864-1866) и английский цикл очерков Ч. Диккенса «Путешественник не по торговым делам» (1860-1869).

Экономическая и политическая ситуация Европы того времени с бурным развитием городов, с одной стороны, и катастрофическим обнищанием крестьянства из-за его ухода в города в поисках пропитания и заработка, с другой стороны, определила атмосферу, духовный космос и рождение новых романтических идей художественного характера [1]. Данная ситуация также спровоцировала появление в литературе новых тем, сюжетов, стандартов, конфликтов. Так, романтические герои Сю и Крестовского, испытав разочарование в реальной действительности, где нет возможности раскрыть внутренние стремления, почувствовать свободу и необъятность Вселенной, отправляются в путешествие. Именно бунтарская натура, противоречивое видение окружающей действительности, романтический субъективизм, несогласие героев со своим местом в мире делают образы героев яркими, выразительными и броскими, несмотря на отклонение писателями-романтиками в анализируемых беллетристических произведениях от психологической глубины изображения героев, уже достигнутой в литературе сентиментализма. Такие поэтологические и антропологические подходы превращают персонажей в носителей иного, *мятежного* миросозерцания [1].

В окружающей реальности романтический герой Э. Сю, Ч. Диккенса и В. Крестовского, осознавая невозможность достижения идеала, стремится к «некоему идеальному существованию» [1], к духовному преобразованию, достижению божественности, поэтому произведениям данных авторов «не чужды так называемые “идеальные образы”» [5]. Не соглашаясь со своим местом в жизни, как уже было отмечено выше, герой отправляется в путешествие.

Жизнь человека, в определенном смысле, тоже можно считать своеобразным путешествием. Неожиданная смена обстановки, отстранённость от привычных жизненных условий, постоянный выбор в нелёгких ситуациях жизненного пути, доказывает, что путешествие героя – это не бессмысленное хождение, а целенаправленный поиск [1]. Так, согласно, Э. Сю, Ч. Диккенсу и В. Крестовскому, путешествие по Парижу, Лондону и Петербургу – это путешествие в мир, где постоянно идет борьба света и тьмы, жизни и смерти, предпринимается поиск вечного [13].

В анализируемых произведениях Сю, Диккенса и Крестовского французская, английская и русская столицы предстают губительным местом, где нет жизни натурам творческим, честным, открытым и ранимым. Там удобно устраиваются лишь беспринципные карьеристы (вроде Жака Феррана, Казимира Бодлевского и приходского надзирателя), праздные прожигатели жизни (как Сара МакГрегор, Дмитрий и Владимир Шадурские, бесстыжая прачка) и коварные предатели (как аббат Полидори, Сычиха, баронесса фон Деринг). Париж, Лондон и Петербург ломают судьбы, ставят людей на колени, губят положительных героев или приносят им несчастье; персонажи как будто бегут из них, от них. Герои мечтают о неком блаженном, спасительном *топосе:* «…наш хозяин приобрел

ферму и прикупил земли, и ты сейчас узнаешь для чего…Букеваль – оазис жизни. Эта ферма будет, как дом божий, открытый для добрых и закрытый для негодяев [11].

Данный пример говорит о симпатиях автора в пользу провинции (где расположена ферма Букеваль), где ощутима гармония, связь с природой: на ферме земля ближе, вода чище, небо выше, воздух прозрачнее.

Сходный пример находим и у Крестовского: Юлия Бероева стремится покинуть родину, где ей пришлось пройти через неимоверные испытания, лишения и тюремное заключение. От сильного нервного потрясения героиня впадает в летаргический сон, её принимают за мёртвую и хоронят. Выбравшись с «того света», Юлия находит оплакивающего её мужа, супруги забирают детей и уезжают в Соединённые Штаты. Разлука с родиной, «которая дала этой женщине столько великого горя» [10], была мучительной, и «на душе у обоих пронеслось какое-то облачко – жуткое сожаление о покинутой родине, светлая надежда на будущее», [там же] – читаем в романе русского беллетриста. «Гиперболизированным выражением подобной ситуации является сказочная формула «пойди туда, не знаю куда» [1], т. е. герои отправляются в неизведанную Америку, будучи уверенными, что приобретут там мир и душевный покой, а само их путешествие – это уже начало новой жизни.

Ситуацию иного плана наблюдаем в произведении Диккенса, герою которого не сидится в апартаментах Ковент-Гардена, он путешествует от фирмы «Братство Человеческих Интересов» и распространяет «духовную пищу». Отправившись однажды из фешенебельного Ковент-Гардена [4]. в «Гнилые палаты» Ист-Энда, путешествующий с ужасом наблюдает истощенных стонущих больных людей, грязь, темноту и безнадежность: «За какие-нибудь десять минут я утратил веру в россказни о счастливых временах человеческой жизни — о юности, зрелости, о неомраченной старости» [4]. Увидев ужасную нищету и боль, герой скрывается от них в удобных респектабельных апартаментах Ковент-Гардена.

Герои Сю, Диккенса и Крестовского также отправляются в путешествие-*служение* с целью усовершенствовать или спасти мир. У Сю данная социально-нравственная стратегия осуществляется принцем Герольштейнским Родольфом; его цель – паломничество, обретение людьми Бога и путей к нему, бескорыстное служение людям и Богу.

Под чарами принца оказываются и Лилия-Мария, и Маркиза д'Арвиль, и сэр Вальтер Мэрф, и чернокожий врач Давид, и даже преступник Поножовщик. Все они восхищаются умом, мудростью и силой Родольфа, слепо следуя за ним, верно служа ему, каждый выполняя свою спасательную миссию: «… Вам не хватает цели в жизни, которая могла бы отвлечь вас от ваших печалей [11].

У Крестовского находим целый ряд героев, также спешащих спасти мир, хотя они сами в плачевной ситуации и нуждаются в помощи в большей степени, чем кто-либо. Это, например, брошенная Дмитрием Шадурским княжна Анна Чечевинская, потерявшая все свое состояние, вынужденная скитаться в петербургских трущобах, опасаясь светских осуждений. Но, оказавшись на дне, она не стала преступницей, наоборот, героиня преисполнена чувством долга, стремится помогать тем, кто в более ужасном положении, а именно Маше Поветиной, которая, в свою очередь, «…после стольких ударов…перестала быть беззаботно-милым ребенком и переродилась в женщину, в *человека*, который просто, прямо взглянул в лицо печальной действительности» [1].

В произведении Диккенса находим образ кроткого священника, который похоронил десятки жертв кораблекрушения и приютил семьи и друзей погибших. Именно этого человека, с благородной скромностью, чудесной простотой и душевной чуткостью, как считает рассказчик, он должен повидать в рождественские праздники и заглянуть в его доброе лицо [4]. В данном случае речь идет о поиске Диккенсом идеала – простого человека, способного на самопожертвование ради других и служение людям. Неслучайно герой произведения отправляется в путешествие в Рождество в надежде на чудо и преобразование духовного мира людей.

Что касается рассказчика в «Путешественнике не по торговым делам», ему также не чужд мотив *виртуального* служения и спасения мира. В частности, перед походом в Лайм-хауз он заключает с самим собой контракт и совершает прогулку по Лондону, своеобразный обход дозором, представляя себя в высшем чине полисмена. Мысленно он хватает за шиворот хулиганов и «очищает от них улицы», сожалея, что не может расправиться с ними физически [там же].

На фоне драматических ситуаций путешествий герои Сю, Крестовского и Диккенса находят время для путевых развлечений или, вернее, отвлечения от мрачных мыслей с помощью сатирического изображения людей и общества в целом. Так, петербургские «верхи» предстают в романе Крестовского как особое общество, хоть и живущее в самой столице, но согласно своим собственным за-

конам. Жизнь им дается легко, их занятия – праздность, путешествия – бегство от скуки, поиск живописного, красочного зрелища. Сколько иронии и сарказма вкладывает автор «Петербургских трущоб» в строки произведения, где русский гражданин отправляется в Европу, чтобы пропитаться «русским духом», мыслить нравственными понятиями как добропорядочный буржуа [1]!

У Диккенса также наличествует немало остроумных описаний беспечных развлечений рассказчика в купальнях, времяпрепровождения в «недурном обществе» взрослых, мальчишек и хитрых собак Ковент-Гарденского рынка в базарный день поутру, а также пения ирландских песенок, которые отнимают у рассказчика много времени [4].

Своеобразные развлечения находим в романе Сю. Как было отмечено ранее, с целью служения добру, герцог Родольф Герольштейнский, главный персонаж упомянутого романа, прибывает в Париж, где путешествует по дворцам и трущобам столицы, развлекаясь, верша судьбы людей, искореняя зло и пороки: «…на козлах, покрытых чехлом с шелковой бахромой, восседал огромного роста кучер … я нахожу весьма пикантными эти различные роли: сперва я художник по раскраске вееров, сидящий в притоне на Бобовой улице, сегодня утром я коммивояжер, угощающий госпожу Пипле стаканчиком черносмородиновой наливки, а вечером один из тех, кто божией милостью царствует в этом дольнем мире и, получая сорок экю процентов с капитала, говорит «мои доходы», словно какой-нибудь миллионер, – заключил в виде отступления Родольф, намекая на весьма скромные размеры своего государства» [11].

Завершением паломничества выступает путешествие-возвращение, которое совершалось во имя духовного очищения, искупления грехов, сравнения «чужого-своего» и, наконец, прозрения, что «истинные сокровища хранятся на родной земле и, что жизнь благоволит тем, кто не перечит своей судьбе и способен осознать, что несчастье, свалившееся на плечи героя внезапно, носит более лёгкие последствия и оставляет незначительные шрамы, в сравнении с более терпимым, но постепенно и незаметно разъедающим душу и приводящим к невыносимым мукам [7].

Так, герой Сю – Поножовщик получает денежное вознаграждение и свободу за преданность своему хозяину, господину Родольфу, за мужество и благородство. Поножовщик заслуживает возможность покинуть на корабле Францию (которая ассоциируется у него с болью, горечью, позором, тюрьмой) и пересечь море ради далёкой Африки, чтобы начать новое дело и новую жизнь. Поножовщик, доехав до Марселя, осознаёт, что не может выехать в Алжир, и пойдёт в Париж пешком, поскольку бесконечно предан господину Родольфу, так как последний возвысил его в собственных глазах, заставил поверить в себя. Находясь вдали от Родольфа, Поножовщик был мертв душою. «Нужно быть полезным для всех, идите туда, где вы можете совершить добро», – поучал он меня [11]. Таков вывод, духовно возвышающий героя.

Несколько иным предстает читателю возвращение героев Крестовского на Родину. После двадцатилетнего отсутствия тайно приезжают домой горничная Наташа и Бодлевский, которые представляются как баронесса фон Деринг и Ян Карозич. Данные персонажи не могут жить под своими именами из-за мошеннических махинаций и авантюр, в которых они преуспели за время нахождения за границей и из-за бегства от расплаты за свои деяния перед правосудием. «Путешествие» за границу было своего рода спасением репутации от сплетен, разрешением многолетнего семейного конфликта. Цель возвращения семьи Шадурских – выгодный брак сына Владимира с дочерью богатого промышленника Шиншеева.

Окончанием своей миссии герой Диккенса, не лишенный романтических настроений, видит завершение правдивой реалистичной картины Лондона, без пустой игры воображения, рассказывая «лишь о фактах, с которыми столкнулся сам. Необходимые документальные доказательства «лежат у меня под рукой» [4].

Итак, приведенные примеры подтверждают идею о том, что классификация путешествий и их маршрутов весьма условна. Для путешествий расстояние и время имеют принципиальное значение – они приобретают некие концептуальные характеристики: протяжённость (сжатие или растяжение), (не)ограниченность, многомерность, (не)обратимость, (не)прерывность, цикличность и линейность [2]. Как утверждал М.М. Бахтин, «Время <…> сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [там же].

Таким образом, для романтического героя отправиться в путь – значит бросить вызов «страшному миру», идти за свободой, искать идеал, новую действительность, пусть даже воображаемую. Воображаемое путешествие «рассматривается как коммуникативная система, в пределах которой осуществляется взаимодействие автора, героев произведения и читателя» [2]. Время и пространство здесь «заколдованы».

Появляется сказочный гиперболизм хронотопа. Часы иногда бесконечно растягиваются, а дни сжимаются до мгновения.

Кроме того, рассмотренные произведения подтверждают мысль о существовании в литературе путешествий двух планов: *внешнего*, для которого характерно пространственное перемещение героя в качестве стороннего наблюдателя и повествователем увиденного, и *внутреннего*, где само путешествие уходит на второй план, и внимание читателя сосредотачивается на впечатлениях и переживаниях странствующего персонажа. Смена «физической точки зрения» (термин Б.О. Кормана) [8] раскрывает перед автором огромные возможности в изображении мира Личности.

В рассмотренных произведениях Сю, Диккенс и Крестовский виртуозно осваивают пространство, наполняя реальное странствие *виртуально* выраженными новыми красками и смыслами, лиричностью, воздушностью. Путешествие превращается в своего рода бегство из неволи, поиск высоких мотивов к жизни и способ раскрытия личности персонажа. Тот факт, что столь разные писатели используют похожие сюжетные модели, сходные образы хронотопа, «свидетельствует об актуальности заинтересовавшего их конфликта» [14].

Литература

1. Английская литература XIX века. Английский романтизм. URL: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/rggu-anglijskaya-literatura/anglijskij-romantizm.htm (дата обращения: 30.10/2016)
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. М.: Худож. лит., 1975. С. 234 – 407.
3. Блинова З. Путешествие как литературный жанр. URL: http://lit.1september.ru/article.php?ID=199804201 (дата обращения: 30.10.2016)
4. Диккенс Ч. Путешественник не по торговым делам. Собр. соч.: в 30-и т. М.: ГИХЛ, 1962. Т 26. 664 с.
5. Ивашева В. Творчество Диккенса. М.: Издательство МГУ, 1954. 475 с.
6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. Более 4500 слов и выражений. М.: Эксмо-Пресс, 2006. 672 с.
7. Коэльо П. Алхимик, М.: Астрель, 2010. 224 с.
8. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
9. Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Роман. М.: Эксмо-пресс, 1998. Т. 1. 750 с.
10. Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Роман. М.: Эксмо-пресс, 1998. Т. 2. 750 с.
11. Сю Э. Парижские тайны: Роман. Санкт-Петербург: Художественная литература, 1992. Т. 1. 607 с.
12. Сю Э. Парижские тайны: Роман. Санкт-Петербург: Художественная литература, 1992. Т. 2. 654 с.
13. Топоров В.Н. Пространство и текст // Семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.
14. Шпилевая Г.А. Динамика прозы Н.А. Некрасова. Воронеж: ВГУ, 2006. 278 с.

References

1. Anglijskaja literatura XIX veka. Anglijskij romantizm. URL: http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/rggu-anglijskaya-literatura/anglijskij-romantizm.htm (data obrashhenija: 30.10/2016)
2. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane. M.: Hudozh. lit., 1975. S. 234 – 407.
3. Blinova Z. Puteshestvie kak literaturnyj zhanr. URL: http://lit.1september.ru/article.php?ID=199804201 (data obrashhenija: 30.10.2016)
4. Dikkens Ch. Puteshestvennik ne po torgovym delam. Sobr. soch.: v 30-i t. M.: GIHL, 1962. T 26. 664 s.
5. Ivasheva V. Tvorchestvo Dikkensa. M.: Izdatel'stvo MGU, 1954. 475 s.
6. Komlev N.G. Slovar' inostrannyh slov. Bolee 4500 slov i vyrazhenij. M.: Jeksmo-Press, 2006. 672 s.
7. Kojel'o P. Alhimik, M.: Astrel', 2010. 224 s.
8. Korman B.O. Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta, 1992. 236 s.
9. Krestovskij V.V. Peterburgskie trushhoby. Roman. M.: Jeksmo-press, 1998. T. 1. 750 s.
10. Krestovskij V.V. Peterburgskie trushhoby. Roman. M.: Jeksmo-press, 1998. T. 2. 750 s.
11. Cju Je. Parizhskie tajny: Roman. Sankt-Peterburg: Hudozhestvennaja literatura, 1992. T. 1. 607 s.
12. Sju Je. Parizhskie tajny: Roman. Sankt-Peterburg: Hudozhestvennaja literatura, 1992. T. 2. 654 s.
13. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // Semantika i struktura. M., 1983. S. 227-284.
14. Shpilevaja G.A. Dinamika prozy N.A. Nekrasova. Voronezh: VGU, 2006. 278 s.

Bakhmetieva I.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bezrukova V.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Voronezh State Pedagogical University

REAL AND VIRTUAL JOURNEYS IN THE XIX CENTURY LITERATURE (BASED ON E. SUE'S, V. KRESTOVSKII'S AND CH. DICKENS' FICTION)

Abstract: the paper considers virtual and real journeys in E. Sue's, V. Krestovskii's and Ch. Dickens' writing. Special attention is paid to the depiction of a person's life as a journey.

Keywords: journey, reality, virtual reality, Paris, London, St. Petersburg

Панкратова М.В., кандидат филологических наук,
Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: в статье рассматривается актуальность изучения вопросов, связанных с проявлением интерференции в рамках академического письменного дискурса.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, академический дискурс

Будучи заимствованным в область лингвистики из таких точных дисциплин, как физика, химия и биология, термин «интерференция», точнее говоря, «лингвистическая интерференция» получает широкую научную популярность после публикации в 1953 году работы У. Вайнрайха «Языковые контакты». По прошествии уже более шестидесяти лет, данная проблема не перестает быть актуальной, а, наоборот, учитывая современные тенденции развития мировой цивилизации по пути всемирной политической, экономической и культурной интеграции, приобретает еще большую значимость.

Английский язык не сдает свои позиции, несмотря на уверенные прогнозы исследователей, связанные с экспансией китайского языка, которая в конечном итоге приведет к смене языка международного общения, лишив английский данного статуса. В рамках все более и более приобретающей свою популярность программы академической мобильности, которая дает возможность студентам и преподавателям высших учебных заведений на определенный период времени направится в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны с целью обучения или преподавания, необходимый уровень владения английским языком, подтвержденный сертификатом о сдаче международного экзамена, например, IELTS, считающегося по многим оценкам самым популярным в мире экзаменом на знание английского, многим открывает двери в англоговорящий мир.

Использование неродного языка при любых языковых контактах несомненно приводит к возникновению интерференции как результату взаимодействия разных языковых систем. По словам известного ученого в области экспериментальной фонетики, билингвизма, лингвистической интерференции и акцента Г.М. Вишневской, в современной лингвистике понятие «интерференция» имеет множество трактовок, но «чаще всего интерференция понимается как процесс и результат взаимодействия языковых систем в речи билингва, из которых одна система является доминирующей, порождающей эффект взаимодействия во вторичной, приобретенной языковой системе» [2, с. 41-42].

В соответствии с уровнями языка выделяют такие типы интерференции как, фонетическая, графическая и орфографическая, лексическая, грамматическая, стилистическая и культурная, регистрирующие отклонение от нормы неродного языка под влиянием системы родного. Грамматическая интерференция, являющаяся предметом исследования данной статьи, может проявляться в «межъязыковом отождествлении грамматических элементов, в структурном калькировании, в появлении новых грамматических категорий под иноязычным влиянием, в заимствовании иноязычных грамматических элементов, во влиянии на грамматическую интерференцию типологической близости / отдаленности контактирующих языков. … в неверном выборе синтаксических структур, неправильном порядке слов, ошибках в пунктуации» [2, с. 43].

Объектом исследования данной статьи выступает академический письменный дискурс. Академическое эссе, как одна из форм академического письменного дискурса, является важной составляющей письменной части международного экзамена IELTS, что свидетельствует о несомненной важности изучения обсуждаемой темы.

С точки зрения Мартыновой А.Г., дискурс представляет собой «контекстуально и ситуативно обусловленный процесс порождения и восприятия связного и целостного речевого произведения и само это произведение, то есть текст» [3, с. 14]. Среди основных свойств дискурса выделяют такие как, связность (когезия), целостность (когерентность), построенность и адресованность. В оценочном листе письменной части экзамена IELTS эксперты анализируют выполнение поставленной задачи по таким критериям как, успешность выполнение коммуникативной задачи (task achievement), когерентность и когезия (coherence and cohesion), лексические средства (lexical resource), а также использование грамматических средств языка и их точность (grammatical range and accuracy). Если принимать во внимание тот факт, что связность текста включает в себя как лексические, так и грамматические средства связи, то можно

утверждать, что академический письменный дискурс может содержать элементы интерференции на разных уровнях (кроме фонетического), хотя некоторые ученые полагают, что на уровне лексики и грамматики интерференция может проявляться не у всех билингвов.

Принимая во внимание тот факт, что эссе является продуктивным жанром академического письменного дискурса, где автор, синтезируя все свои знания и навыки, за ограниченный период времени максимально логично и правильно пытается реализовать поставленную коммуникативную задачу на неродном языке, ориентируясь на культурные ожидания читателя (reader-oriented writing), тщательно выбирая набор средств выражения, учитывая, что адресат – носитель других культурных традиций, то можно констатировать, что процесс реализации письменного дискурса находится под строгим авторским самоконтролем.

Кроме того, будучи заранее ознакомленным с особенностями академического эссе, автор стремится применить максимально объективный рациональный подход к изложению материала, соблюдая типологию академического эссе в рамках IELTS (advantages and disadvantages essay, problem and solution essay, discussion essay). Огромное внимание уделяется также лексико-грамматическим особенностям, а именно употреблению пассивных глагольных конструкций, безличных предложений, сложных синтаксических структур, специализированной академической лексики. Все это говорит о том, что влияние системы родного языка при реализации академического письменного дискурса будет проявляться в меньшей степени, чем, например, в спонтанном разговорном дискурсе, где взаимодействие систем двух языков гораздо более интенсивное.

Данные факты говорят о сложности изучения явлений интерференции на материалах письменного академического дискурса, что объясняется довольно высоким уровнем продуцируемого текста, тем самых позволяя выявить наиболее интересные ситуации речевого поведения билингвов. Выявление закономерностей неправильного использования языковых структур, носящих интерференционный характер, в английском академическом письменном дискурсе носителей русского языка, а также их систематизация, может представлять определенную ценность не только для расширения понятия об интерференции, но и при разработке различных методик обучения английскому языку. В частности, в рамках обучения академическому письму на английском языке необходимо нивелировать отрицательную интерференцию, которая всегда является источником ошибок и неестественности речи на неродном языке. Тем более, что при оценивании экспертами IELTS академического эссе на английском языке использование клишированных заученных конструкций является значительным недостатком работы и снижает общий балл за письменную часть экзамена.

Таким образом, изложенные в данной статье факты говорят в пользу актуальности изучения вопросов интерференции, в том числе грамматической, на материале академического письменного дискурса.

Литература

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск, 2000.

2. Вишневская Г.М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация. Иваново, 2011.

3. Мартынова А.Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе: дис. … канд. пед. наук. Омск, 2006.

References

1. Vajnrajh U. Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija. Blagoveshhensk, 2000.

2. Vishnevskaja G.M. Literaturno-hudozhestvennyj bilingvizm: lingvisticheskaja interpretacija. Ivanovo, 2011.

3. Martynova A.G. Obuchenie akademicheskomu pis'mennomu diskursu v zhanre jekspozitornogo jesse: dis. … kand. ped. nauk. Omsk, 2006.

Pankratova M.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin

ON THE NECESSITY OF STUDYING GRAMMAR INTERFERNCE IN ACADEMIC WRITTEN DISCOURSE

Abstract: the article reveals the necessity of studying questions connected with the process of interference within academic written discourse.

Keywords: bilingualism, interference, academic discourse

Сагитова А.Ф., кандидат филологических наук,
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

ЗНАЧЕНИЕ – СМЫСЛ – КОННОТАЦИЯ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы взаимосвязи значения, смысла и коннотации в когнитивной лингвистике, проведен анализ научных концепций соотношения понятий значения и смысла.

Ключевые слова: значение, смысл, коннотация, когнитивная лингвистика

Вопрос определения и соотношения понятий «значение», «смысл» и «коннотация» является основополагающим в когнитивной лингвистике, который позволяет раскрыть особенности функционирования национального сознания.

Целью данной работы является обзор существующих концепций, который позволяет выделить основные для когнитивной семантики векторы взаимоотношения значения, смысла и коннотации. Анализ фундаментальных положений даст возможность для выработки своей научно-исследовательской платформы.

Вопросом разграничения рассматриваемых понятий занимаются ученые-исследователи различных научных направлений. В философии данному вопросу посвящены работы Г.П. Щедровицкого (1974), Г. Фреге (1977), М.М. Бахтина (1979), Р.И. Павилениса (1983), Л. Витгенштейна (1994), М. Хайдеггера (1997), Э. Гуссерля (1999); в психологии – в трудах Л.С. Выготского (1934), А.Р. Лурия (1979), А.Н. Леонтьева (1983); в социологии вопросу о смысле уделено внимание в работах М. Вебера (1990), Н. Лумана (Luhmann 1971), А. Шютца (Schütz 1932); в лингвистике – М.М. Бахтина (1975), А.В. Бондарко (1978), Г.И. Богина (1993), А.А. Потебни (1993) и др.

Немецкий философ Г.Фреге впервые поставил вопрос о соотношении смысла и значения еще в 1892 г. Согласно его концепции, слово рассматривается как предназначенное для обозначения вещи, как знак, обозначающий вещь. Вещь, обозначаемая словом (знаком), получает название денотата этого слова и является его значением. Смысл слова, по Г. Фреге, – то, что отражает способ представления содержания, обозначаемого словом. В качестве примера Г.Фреге приводит различные способы представления денотата, обозначаемого словом «Аристотель». Аристотель – это и ученик Платона, и учитель Александра Великого. Таким образом, слово «Аристотель», имея одно значение (у него один и тот же денотат), может иметь разные смыслы, в зависимости от того, в каком выражении (или в каком контексте) оно используется.

Рассматривая сущность значения (денотата) и смысла слова, Г. Фреге вводит понятие о представлении как внутреннем образе вещи, возникающем на основе впечатлений от этой вещи. Полагая, что «представление (внутренний образ) всегда субъективно», Г. Фреге считал, что оно «меняется от человека к человеку» [6, с. 185]. Этим он объяснял «многообразие различных представлений, сопряженных с одним и тем же смыслом» [Там же]. Он указывал на связь смысла слова с представлениями, но не отождествлял их. По критерию «субъективности – объективности» он располагал смысл между денотатом и представлением. Следует отметить, что рассматриваемое Ф. Фреге понятие о представлении как субъективном образе вещи равносильно используемому в современной когнитивной лингвистике понятию ментальной репрезентации.

Большой вклад в понимание значения слова внес Л.С. Выготский. Он различает предметную отнесенность слова и его значение. Предметная отнесенность слова ассоциировалась им с внешней стороной слова, обращенной к субъекту общения, значение слова рассматривалось как его внутренняя сторона. «В слове, – писал Л.С. Выготский, – мы всегда знали лишь одну его внешнюю, обращенную к нам сторону. Другая, его внутренняя сторона – его значение, как другая сторона Луны, оставалась всегда и остается до сих пор неизученной и неизвестной» [3, с. 14]. Значение слова он рассматривал как обобщение, которое, будучи актом мышления, непосредственно соотносится с мыслью. По его мнению, «обобщение и значение слова суть синонимы» [3, с. 277].

Л.С. Выготский выделяет две функции слова: индикативную, указывающую на предмет, соотносимый со словом в его предметной отнесенности, и сигникативную, придающую слову определенное значение, связанное с субъективным пониманием того, что обозначается словом. По мере развития и приобретения человеком жизненного опыта, значение усваиваемого им слова, т.е. понимание обозначаемого словом содержания действительности, постоянно изменяется, расширяется, дополняется новыми нюансами. В зависимости от ситуации слово приобретает для

человека разные значения. В результате обобщения отдельных значений слова это слово приобретает статус понятия.

Множество значений слова, ставшего фактически понятием, Л.С. Выготский называет смыслом слова.

Крайне важным в плане дальнейшего анализа сущности значения и смысла слова представляется рассмотрение соответствующих представлений А.Р. Лурия. Слово он рассматривал как особую форму отражения действительности. Однако удвоение мира у человека происходит еще до усвоения слов и начинается с появлением первых ментальных образов, являющихся результатами психических процессов и, соответственно, представлениями о действительности.

А.Р. Лурия обращает внимание на то, что многие слова являются полисемичными, т.е. имеют не одно, а несколько значений, и могут указывать на разные предметы. «Слово, – отмечает А.Р. Лурия, – почти никогда не имеет лишь одной, твердой и однозначной предметной отнесенности … всякое слово всегда многозначно и является полисемичным» [4, с. 40].

Выбор конкретного или, как его называет А.Р. Лурия, «ближайшего значения» слова из множества возможных определяется контекстом и включенностью слова, а точнее его денотативного значения, «в конкретную действенную ситуацию» [Там же].

Р.И. Павиленис в своей работе помещает смысл в экстралингвистическую сферу, сферу так называемых концептуальных систем и определяет его как «внутреннее содержание, значение чего-л., то, что может быть понято. Исследователь полагает, что смысл в данном случае выступает как некий непрерывный невербальный конструкт в сфере «концептуальных систем», т.е. систем информации, включающих знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире [5, с. 129].

В современной лингвистике концепции соотношения понятий значения и смысла наряду с чертами общности характеризуются некоторыми различиями.

А.В. Бондарко в своём труде «Грамматическое значение и смысл» проводит обзор различных концепций, в которых лингвисты пишут о соотношении двух понятий – значения и смысла. В частности, автор рассматривает работы Н.А. Слюсаревой, Г.П. Мельникова, В.А. Звегинцева, А.М. Пешковского, В.З. Панфилова, Н.З. Котеловой и др. как наиболее существенные моменты в проблеме соотношения значения и смысла в проанализированных концепциях [2].

Он выделяет следующие идеи:

1. Значение представляет собой содержательную сторону определенной единицы данного языка, тогда как смысл (один и тот же смысл) может быть передан разными единицами в данном языке и единицами разных языков, кроме того, он может быть выражен не только языковыми, но и неязыковыми средствами.
2. Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность.
3. Из связи значения с языковыми единицами и с системой данного конкретного языка вытекают проявления неуниверсальности языковых значений. Значения единиц разных языков могут не совпадать по своей содержательной характеристике, пообъему, по месту в системе. Что же касается смысла, то он не зависит от различий между языками, по своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражательной деятельности человека.
4. Следствием связи значений с языковыми единицами и с языковой системой в целом является относительная ограниченность состава значений языковых единиц при неограниченности выражаемых в речи конкретных смыслов.
5. Возможность выражения в актах речи бесконечного количества новых смыслов связана с такими факторами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой сумме их значений, ситуативная обусловленность смыслов, участие не только языкового, но и неязыкового знания в формировании смысла.
6. Во взаимосвязи значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством (точнее одним из средств) для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании.
7. Значения языковых единиц в акте речи и передаваемый смысл находятся в отношении перекодирования. Направление перекодирования зависит от позиции говорящего и слушающего: говорящий перекодирует передаваемый смысл в значения, а слушающий перекодирует значения воспринимаемых им знаков в смысл.

Сущность слова не исчерпывается одной лишь предметной отнесенностью и совокупностью его денотативных значений. «Существует еще, – отмечает А.Р. Лурия, – и обширная сфера того, что принято называть «ассоциативным» значением» [4, с 40] Совокупность ассоциативных или, по-другому, «коннотативных» значений слова образует так называемое «семантическое поле». В состав семантического поля, по определению А.Р. Лурия, входят слова, которые «всплывают в сознании человека на основании близости

некоторых элементов этих слов к исходному слову «по наглядной ситуации, по прежнему опыту и т.д.» [Там же].

Языковые знания служат содержанием и способом существования языкового сознания; специфической формой выражения языковых знаний являются языковые значения. Первоначально облигаторные языковые знания формируют интенсионал – смысловое ядро соответствующего языкового значения, а факультативные языковые знания формируют его периферию в виде импликационала, устойчивой сети ассоциативно-образных и экспрессивно-оценочных отношений человека, связанных не только с познаваемым объектом, но и со всем социально-психическим контекстом его существования. Интенсионал традиционно воспринимался как собственно лексическое (предметно-логическое) значение, а импликационал – как культурная коннотация слова, т.е. его сознание. Это своего рода фрейм: совокупность хранимых в памяти следов чувственного познания и субъективно воспринимаемых свойств и признаков номинируемого предмета – ассоциаций, образов и обстоятельств, которые в виде некоторого «ореола», «атмосферы», «дымки» как бы обволакивают предметно-логическое значение слова.

Коннотации проявляются в разных языковых процессах, которые, в свою очередь, своим возникновением обязаны «работе» в языке семасиологических механизмов экспрессивно-образной интерпретации и интериоризации результатов чувственного познания. К таким языковым процессам Ю.Д. Апресян относит метафоризацию, словопроизводство, фразеологизацию, провербализацию, грамматикализацию, семантическое взаимодействие слов [1, с.169]. Своеобразие интериоризации форм чувственного отражения в смысловые элементы языкового значения состоит в трансформировании и модально-оценочном преобразовании факультативных и даже фоновых (пресуппозиционных) признаков исходного значения слова, которые в конечном итоге становятся интенсиональными семами в семантической структуре единиц вторичной и косвенно-производной номинации (метафоры, фраземы, провербиумы, некоторые производные слова).

В коннотации, заключает Ю.Д. Апресян, проявляется творческий характер языка, реализуется его эвристический потенциал – лингвокреативный источник постоянного совершенствования и обновления речемыслительных возможностей человека.

Рассмотрев историю становления представлений о значении и смысле, можно отметить следующее. Несмотря на разнообразие функций и значений, которые приписываются слову в качестве его сущностных характеристик, основной функцией слова признается все же функция обозначения, а в качестве значения слова – то, что этим словом обозначается. То, что обозначается словом и считается его значением (денотатом), может быть не только предметом (вещью), но и действием, отношением и свойством, имеющими место в реальной ситуации объективной действительности. Соответственно слова могут существовать в форме существительных, глаголов, предлогов, союзов, наречий, прилагательных, а также, например, в форме местоимений, когда речь идет о носителях языка. С помощью слов обозначаются не особенности действительности как таковые, а субъективные образы (представления) об этих особенностях.

Смыслом слова в любых вариантах называют особую разновидность значения слова: либо значение, приобретаемое словом в контексте речи, либо значение, которое слово приобретает, становясь понятием.

Совокупность смыслов речевых высказываний, как и совокупность осознаваемых значений слов, входит в структуру индивидуальной концептуальной системы человека. В концепции Р.И. Павелёниса концептуальная система носителя языка – это система «его мнений и знаний о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом этапах и уровнях» [5, с. 11].

Осознание человеком семантических значений слов обеспечивает ему возможность, с одной стороны, усваивать коллективный опыт познания мира и, с другой стороны, выражать в языковой форме результаты своего индивидуального опыта познания мира. Формирующаяся при этом индивидуальная концептуальная система начинает выступать в качестве своеобразной когнитивной матрицы, определяющей характер и направленность когнитивных процессов, а также субъективную интерпретацию конвенциальных значений слов. «Начиная закрепление опыта познания в значении (семантике) отдельного слова, – пишет Р.Х. Хайруллина, – и заканчивая сложными формами символизации концептов в лексике, афористике, , художественной литературе и духовной культуре в целом, в языке (языковой картине мира) кодируется преобразованная человеческим сознанием информация о мире и самом человеке» [7, с. 5].

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: Интегральное описание и системная лексикография. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки рус. культуры, 1995. 472 с.
2. Бондарко А.В. Название: Грамматическое значение и смысл. М.: Наука, 1978. 176 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. 320 с.
5. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
6. Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. С. 181 – 210.
7. Хайруллина Р.Х. Лингвофилософия: особенности национального языкового сознания. Уфа: изд. БГПУ, 2012. 137 с.

Referenses

1. Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy: Integral'noe opisanie i sistemnaja leksikografija. T. 1. Leksicheskaja semantika (sinonimicheskie sredstva jazyka). M.: Jazyki rus. kul'tury, 1995. 472 s.
2. Bondarko A.V. Nazvanie: Grammaticheskoe znachenie i smysl. M.: Nauka, 1978. 176 s.
3. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. Izd. 5, ispr. M.: Labirint, 1999. 352 s.
4. Lurija A.R. Jazyk i soznanie. M.: MGU, 1979. 320 s.
5. Paviljonis R.I. Problema smysla. Sovremennyj logiko-filosofskij analiz jazyka. M.: Mysl', 1983. 286 s.
6. Frege G. Izbrannye raboty. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1997. S. 181 – 210.
7. Hajrullina R.H. Lingvofilosofija: osobennosti nacional'nogo jazykovogo soznanija. Ufa: izd. BGPU, 2012. 137 s.

Sagitova A.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah

MEANING – SENSE – CONNOTATION IN THE LIGHT OF COGNITIVE LINGUISTICS

Abstract: in the article the questions of the relationships between “sense”, “meaning” and “connotation” in cognitive linguistics, the analysis of scientific concepts of the relationships between the concepts of “meaning” and “sense” are considered.

Keywords: meaning, sense, connotation, cognitive linguistics

Самосюк Н.Л., кандидат филологических наук, доцент,
Военный инженерно-технический институт Военной академии
материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНЦЕПТА В РОМАНАХ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЭВИДА ЛИССА «ЗАГОВОР БУМАГ» «ТОРГОВЕЦ КОФЕ»)

Аннотация: в работе представлен анализ построения моделей социально-исторических явлений (создание фондовой биржи и популяризация кофе) в сюжете произведений художественной литературы. Выявлен принцип текстовых связей между вымышленными персонажами и элементами системы социальных отношений реально существовавших в культуре Западной Европы.

Ключевые слова: ценность, концепт, детектив, кофе, информация, социально-исторический феномен

Романы Дэвида Лисса «Заговор бумаг» (2000), «Торговец кофе»(2003) по жанру определены как финансовый детектив. О развлекательном характере повествования свидетельствует яркая интрига и динамичная смена событий. Герои также представляют собой условность, выработанную на основе типизации, характерной для детективного жанра моделей: детектив, невинные жертвы, молодая красивая женщина, строгий глава семьи.

Романы вписаны в исторические реалии Европейской культуры XVII-XVIII веков. В «Торговце кофе» дата начала повествования конкретизирована до дня «по христианскому календарю было 13 мая 1659 года», события «Заговора бумаг» охвачены несколькими месяцами 1689 года. Действие романа «Заговор бумаг» происходит в Лондоне, сюжет «Торговца кофе» разворачивается в Амстердаме. Это свидетельствует о принадлежности произведений к жанру исторического детектива.

Сюжет «Заговора бумаг» строится вокруг расследования смертей двух маклеров. По мнению главного героя, смерть его отца и мистера Бальфура старшего странным образом связаны между собой. Сюжет «Торговца кофе» рассказывает историю финансового падения и взлета Мигеля Лиенсо а также историю его отношений с женой брата, в доме которого он вынужден найти убежище от нищеты, и Гертрудой Дамхейс, одной из руководителей шайки мошенников, героев вымышленных, но колоритных.

Детективная история не исчерпывает повествование, которое включает в себя помимо собственно детективного сюжета еще и описание процессов социальной жизни, того времени в котором происходят события. Так, например, в романе «Заговор бумаг» сюжет приобретает динамику, когда к главному герою прибегают за помощью в раскрытии убийства. А заканчивается раскрытием махинаций с ценными бумагами «Компании южных морей» и обвалом на бирже. В романе «Торговец кофе» завязка сюжета основана на афере Гертруды Дамхейс заняться торговлей мало кому известного продукта – кофе, чтобы улучшить финансовое положение Мигеля Лиенсо, а заканчивается описанием перспектив, к которым может привести распространение кофе в Европейской культуре. Это говорит о том, что произведения выходят за рамки детективного сюжета, открывая перспективы создания напряженного ожидания, связанного не только с раскрытием преступления, сколько с формированием интереса к системным отношениям внутри явлений социального порядка. Например, в романе «Заговор бумаг» понятие ценности как некоей совокупности релевантных признаков становится тем сюжетообразующим моментом, без которого сюжет романа сводился к детективу, вписанному в «историческое платье» 17 века. Описание принципов ведения и характера торговых сделок, как и история продвижения кофе на рынке товаров усиливает социальные аспекты в повествовании.

Все это приводит к тому, что сюжеты оказываются немыслимы без воссоздания логики социальных характеристик, связанных с торговыми отношениями, пронизавшими все сферы жизни людей того времени. Мигель Лиенсо, в образе которого присутствуют черты типичного героя-любовника, несмотря на все аферистские попытки разбогатеть, с одной стороны, и природный ум, проницательность и способность к совершению бескорыстных поступков, – с другой, не может быть назван ни положительным, ни отрицательным персонажем. Все его действия в романе подчинены борьбе с хаосом обстоятельств, который возникает из многообразия стремлений, социальных и экономических интересов людей, принадлежащих к разным слоям общества и имеющих разные жизненные убеждения.

Например, успешную торговую сделку с «животным жиром» он приписывает особому состоянию сознания, которое наступило после трех чашек выпитого кофе. Однако доля случайности в этом вопросе остается очень высокой, поэтому единственной возможностью управлять процесса-

ми, влияющими на его экономическое благополучие, является способность правильно делать выводы из всего информативного мусора, который предоставляет действительность, а это уже вопрос, который касается относительной ценности информации, как элемента торговых отношений.

Психологические характеристики героев даны через диалоги, внутренние монологи, но больше всего через поступки персонажей, что характерно для романов детективного жанра, но их обусловленность действием социальной системы снижает назидательные интонации. Герои вынуждены примерять свои этические нормы в соответствии с требованием тех изменений, которые происходят в обществе. Так, например, отношения Мигеля Лиенсо с Гертрудой носят дружески-партнерский характер. Однако в ходе хитросплетенных интриг, в которых предательство Мигеля (растрата им ее денег) послужило причиной к тому, что Гертруда была вынуждена скрываться от кредитора, грозящего ей расправой. Мигель, нашедший счастье в семье и получивший финансовую самостоятельность, очень быстро забывает о существовании партнера, хотя Гертруда была одной из немногих искренне помогавших ему.

В романе «Заговор бумаг» манипуляции с информацией, предпринятые руководителями двух крупнейших компаний Персивалем Блотвейтом – директором Банка Англии и Адельманом – директором «Компании южных морей», напрямую касаются расследования, предпринятого Бенджамином Уивером, а также судеб всех героев романа, включая несчастную Кейт Коул, уличную девку и мелкую мошенницу, повешенную в тюрьме как неугодного свидетеля.

Детективный сюжет, на наш взгляд, является подчиненным элементом в художественной структуре романа. Принципиальным моментом для произведений Дэвида Лисса является не создание бытоописательных подробностей данного исторического периода, на фоне которых разворачивается детективная интрига, а построение сюжета, в основе которого заложен принцип системных отношений в социуме в определенный период развития, пронизывающий все сферы жизни людей: от сексуальных до политических и мировоззренческих отношений.

Так формирование новой системы ценностей в социальной реальности середины-конца XVII века вызвано необходимостью создания фондовой биржи («Заговор бумаг») и проникновения нового товара – кофе в середине XVII века («Торговец кофе») в европейскую культуру.

В романах Дэвида Лисса доминанты социальной жизни даны в многообразии системных отношений, что позволяет говорить о создании понятия, которое включает в себя многие компоненты. Например, кофе как элемент культуры представлен через описание зрительных и вкусовых ощущений. Кроме этого даны характеристики кофе с точки зрения выгоды торговли им как товаром. В романе рассказана реально бытующая легенда о свойствах кофе, отрытых эфиопским козопасом, так же есть упоминания о появлении турецких кофеен, о разных способах приготовления этого напитка: кофе с молоком, черный кофе по-турецки, кофе с вином. Это позволяет говорить о создании культурологического контекста в произведении художественной литературы.

В романе «Заговор бумаг» фондовая биржа как социальное явление представлена через сложную структуру легальных или полулегальных элементов, в среде которых формируется новая система ценностей, связанная с эмоциональными и когнитивными трансформациями при порождении смыслов, возникающих при формировании новых экономических реалий.

О своем понимании данного явления Дэвид Лисс рассказывает в интервью Саймону Свинку (Simon Swink) в августе 2005 года, когда два первых романа «Заговор бумаг» и «Торговец кофе» были изданы [4].

На наш взгляд, наиболее точным термином, характеризующим созданную систему отношений между явлениями, принадлежащими социальной действительности и вымышленными героями в романах детективного жанра является – концепт. Понятию концепта в последнее время уделяется достаточно много внимания. Намечены несколько подходов к пониманию концепта [3.2].

На наш взгляд, наиболее точное определение концепта предложено в работах Степанова Ю.С, который характеризует взаимодействие субъекта и объекта культуры в процессе их взаимодействий. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек, – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5.1].

Такое определение как нельзя лучше характеризует принцип отношений персонажей романов Дэвида Лисса к тем социальным явлениям, которые смоделированы в его произведениях.

Точное датирование начала событий в романах более чем необходимо, так как наряду с детективной интригой, объединяющей персонажей повествования в контексте взаимоотношений частного порядка, оно связывает их социальными условиями временных рамок.

При точном датировании в центре внимания оказывается не вся эпоха как комплекс сложнейших процессов, а достаточно ограниченный, с целью поддержания саспенса, как необходимого требования жанра, период времени, для которого новые социальные явления: возникновение фондовой биржи или возникновение интереса к кофе, – отражает суть ментальных и общественных трансформаций.

Это обостряет детективную интригу, привносит элемент обусловленности событий внешним, объективным ходом развития общественных отношений, а социальное явление, в свою очередь, субъективно обусловленным. Субъективно-частное в романе позволяет говорить о случайности, как проявлении хаотических процессов жизни, оно также необходимо для демонстрации наглядности изменений в социальной сфере. Через описание личностных отношений, связанных с эмоциональными реакциями создается правдоподобная картина реальных человеческих драм и трагедий. Обида, удивление, влечение, страх, тщеславие, жалость и многое другое составляют естественные проявления природы человека. В отношениях между персонажами присутствуют мелодраматические моменты, что делает героев эмоционально непосредственными, небезупречными, а потому близкими по восприятию любому читателю.

Определение концепта Степановым Ю.С. позволяет сделать вывод о привязанности концепта к реалиям жизни, таким образом можно говорить о том, что концепты имеют признаки определенной этнокультуры в данном случае, этнокультуры Западной Европы середины XVII –начала XVIII века.

Роман «Заговор бумаг» открывает социально-историческая зарисовка времен 1719 года. «Это был беспокойный год для нашего острова: народ жил в постоянном страхе, что французы окажут поддержку наследнику свергнутого короля Якова… Наш немецкий король занимал трон всего четыре года, и борьба за власть между его министрами создавала ощущение хаоса во всей столице. Все газеты с возмущением писали о бремени национального долга. Это было время изобилия, а также хаоса, рока и богатых возможностей. Это было прекрасное время для человека, чьи средства к жизни зависели от преступности и неразберихи» [1] Помимо исторической справки данная характеристика содержит эмоциональную оценку настроений, главенствующих в это четко обозначенное время. В «Торговце кофе» автор идет от частного к общему, демонстрируя с первых строк романа, как мог бы восприниматься кофе человеком до этого его не пробовавшим. «Густая жидкость колыхалась в чашке, темная, горячая и неаппетитная. Мигель Лиенсо взял чашку в руки и поднес ее так близко к лицу, что чуть не обмакнул нос в эту похожую на деготь жидкость….. Резкий запах земли и прелых листьев ударил в нос; вероятно нечто подобное должен хранить аптекарь в треснутой фарфоровой банке» [2.2]. В описании также присутствует эмоциональная характеристика неизведанного объекта, который называют кофе: «неаппетитная» жидкость, «резкий запах земли и прелых листьев» и т.п.

Само по себе описание эмоциональной реакции, в которой скрыта оценка времени или описание ощущений от употребления непривычного напитка говорит о сложной системе объективного и субъективного переносов, которые характерны для понятия концепта. Речь идет не только о взаимодействии вымышленных и исторически реальных персонажей, но и роли частного восприятия концепта в контексте социальных преобразований.

Именно такая структура определяет понятие концепта, представленного современной теорией. «Чувственный образ в структуре концепта неоднороден. Он образован а) перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств б) образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления (так называемой когнитивной или концептуальной метафорой). Этот образ можно назвать метафорическим или когнитивным» [6].

И если чувственный образ, например, в романе «Торговец кофе» связан с восприятием напитка, данного в ощущениях, то когнитивные элементы связаны с понимание ценности данного напитка для данного типа культуры. Кроме того, по замечанию Арутюновой Н.Д., не каждое явление, действительности дает начало образованию концепта. На первое место в образовании концепта выносится, с точки зрения Арутюновой Н.Д личностное приобщение к явлению. «Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству» [7, с. 81].

Другими словами, появление кофе обусловлено развитием торговых отношений с Новым светом, формированием сложной системы социально-экономических отношений в данный период развития европейской цивилизации, в которую входит формирование моды на напиток и связанная с ним форма социальной активности, например открытие кофеен. В романе «Торговец кофе» этому положению соответствует бытовая зарисовка, данная глазами главного героя. «Мигель видел, как торговцы, возбужденные этим чудодейственным напитком, неистово выкрикивают свои пред-

ложения на бирже. В тавернах по всему городу дельцы начинают требовать, чтобы им подавали кофе вместо пива или вина» [2, с. 476].

Можно утверждать, что художественная литература, используя свои ресурсы в изображении явлений, в качестве предмета изображения берет социально-экономическое явление как элемент социальной системы и включает его в повествование на правах сюжетообразующего элемента.

Так, например, в «Заговоре бумаг», характеризуя настроения своего времени, рассказчик говорит о периоде ажиотажа вокруг торговых сделок. «Королевская биржа осталась монументом финансовой прочности Великобритании, но монумент был пуст.

Напротив, настоящая деловая жизнь Биржевой улицы протекала на нескольких маленьких боковых улочках. Здесь можно было встретить мясника, распространявшего лотерейные билеты, который регистрировал покупателя куры и кролика в качестве претендента на получение приза. Продавец чая убеждал, что в каждой сотой коробке его продукта спрятано сокровище в виде акций «Ост-Индской» компании. Аптекарь стоял на пороге своей лавки, громко извещая прохожих, что дает недорогие советы относительно фондов» [1, с. 233]. И это личное участие «безымянного» героя, формирует элемент восприятия, входящий в концепт, через ситуацию ажиотажа. Безличный герой, чье поведение – результат авторской фантазии, отражает реально существовавший интерес в реально существовавшей системе социальных отношений. Это приводит к интересному взаимодействию вымышленного и представленного в качестве реального элемента социальной системы.

Катализатором интриги оказывается проблема влияния на покупательскую активность любого платежеспособного участника сделки, одновременно являющегося героем художественного романа произведения.

Влияние на покупательскую способность заключается в создании информационного поля, ориентируясь на которое герои принимают те или иные решения. Заинтересованность героев в собственных предприятиях определяется понятием успеха. То есть, другими словами, интрига формируется исходя из ближайших видимых целей, которые направлены на достижение статуса, позволяющего иметь привилегии в социальной иерархии.

Герои, мотивированные приобретением социального статуса или финансовой независимости, оказываются в самом эпицентре системных отношений. Они приобретают опыт существования в условиях формирования новых сигнификаций. Этот процесс познания новых условий и становится элементом интриги, позволяющим говорить об определенном новаторстве Дэвида Лисса в жанре детектива.

Присутствие в романах героев-идеологов, в чьих монологах раскрываются положения новой фазы социально-психологических изменений, свидетельствует о необходимости «метафорического осмысления» выделенного социального явления. Именно героям-идеологам принадлежит главная роль в объяснении логических закономерностей в изменении понятия ценности при биржевых манипуляциях. Эти герои удовлетворяют потребность в логических обоснованиях того хаоса событий, в котором действует главный герой. Такую роль в романе «Заговор бумаг» играет друг Бенджамина Уивера, Элиас Гордон.

Рассказывая о формировании экономической ценности денег как элемента финансовой системы, Элиас Гордон озвучивает механизмы формирования самого понятия ценности: « – Этот урезанный шиллинг является метафорой, если хочешь того, что стало с ценностью в нашем королевстве» [1. с. 247]. И далее Бенджамин Уивер, продолжая мысль своего друга, высказывает идею, вытекающую из утверждения Элиаса: « - Поэтому появились банкноты, – заметил я. – По крайней мере, отчасти, насколько я могу судить. Если серебро изымается из обращения и хранится в безопасном месте, его символический эквивалент является надежным эталоном ценности. Символ представляет реальность..» [1, с. 247]. Диалог завершается утверждением, которое является принципиальным: « – Серебро не продукты питания, имеющие ценность сами по себе. Если мы все договоримся, что банкноты обладают ценностью, почему они представляют меньшую ценность, чем серебро?

- серебро можно вывезти в Испанию, или Индию, или Китай и там обменять на что-то другое. С банкнотой этого сделать нельзя, потому что обещание может быть гарантировано только там, где оно было дано. Разве ты не видишь Уивер, что финансовые учреждения преследуют цель лишить наши деньги ценности и заменить их обещанием ценности. Потому что, контролируя это обещание, они будут контролировать наше богатство» [1, с. 248].

Этот процесс достаточно быстрых перемен в социальной жизни свойственен и современности, что делает произведения Дэвида Лисса актуальными с точки зрения концепта как явления, принадлежащего культуре в целом.

Кроме того в романе созданы образы героев-манипуляторов, их появление закономерно и связано с детективной интригой, с одной стороны, а с другой, – информацией и дезинформацией как необходимым элементом в системе торговых отно-

шений. Герои-манипуляторы, такие как Персиваль Блотвейт, Алонсо Альферонда, находятся в тени событий, и не всегда они оказываются идеологами. Их роль заключается в умении видеть событие в перспективе, понимать потенциальные возможности того или иного явления в жизни окружающих их людей, а также сопрягать эти события частной жизни с теми принципиальными преобразованиями, которые происходят в социуме в целом.

Так, например, кофе как товар постепенно трансформируется в кофе как явление социальной культуры. На наш взгляд именно это проявление системных отношений становится внутренним механизмом движения сюжета. В то время как детективная интрига демонстрирует примеры проявления общих явлений в частных ситуациях. Например, действие кофе на психологическое состояние людей повлияло на изменения в семейных отношениях Хильды и Дэвида Лиенсо. Удивление, которое испытывают герои от осознания закономерности между употреблением кофе и настроением молодой женщины обнажает механизмы субъективных переживаний, которые на правах личного опыта могут наполнять понятие концепта. Роль образа Гертруды Дамхейс –мошенницы и воровки заключается в демонстрации другой стороны межличностных отношений, зарождающихся под действием изменений социальной системы. Она, проявившая завидную стойкость и добросердечие в отношении Мигеля, оказывается жертвой интриг Алонсо Альферонды, гениального манипулятора в истории продвижения кофе. Ее история также как и история другой жертвы Мигеля Лиенсо - Иохима Вагинара, который помог главному герою выиграть в борьбе за финансовое благополучие и который по указанию того же Мигеля Лиенсо был избит и обезображен, связана с этическими представлениями и подтверждает идею о непредсказуемости взаимодействий среди элементов социальной системы.

Наиболее ярко это положение проявляется в романе «Заговор бумаг» и связано с понятиями махинации и дезинформации, как способами влияния в системе новых финансовых отношений. Так Адельман объясняет Уиверу как работает дезинформация в процессе обогащения одной из сторон и потери состояния другой. «Когда слух о приближении Претендента дошел до Биржевой улицы, цены на акции резко упали. Все, у кого были ценные бумаги, старались продать их по любой цене…. Но мистер Блотвейт скупал ценные бумаги в большом количестве и сделал себе огромное состояние, когда выяснилось, что вторжение было мистификацией, и цены на акции нормализовались» [1, с. 379]. На это рассуждение Уивер заносчиво ответил: « – Ваше отношение к тому, что считать преступлением очень изменчиво, – заметил я. – Вы сказали, что тоже покупали, когда цены упали. По-вашему он подлец, потому что купил больше, чем вы?» [1, с. 380].

Дядя Бенджамина Уивера говорит о новой системе ценностей, связанной с социальными изменениями в Европейской культуре: «- Боюсь, перед нами новый тип человека и новый тип богатства. Когда богатство было связано с владением землей, оно имело предел. Слишком большими земельными угодьями трудно было управлять. Но теперь, когда появились бумажные деньги, больше денег – значит просто больше и все» [1, с. 281].

В одном из разговоров Элиас так прямо и говорит своему другу-детективу: « – Твоя проблема, Уивер, – сказал Элиас, в том, что слишком дорожишь ценностями прошлого» [1, с. 458].

Понятие системности, как одного из релевантных синергетике понятий получает свое живое воплощение в художественной прозе, демонстрируя сочетание частных моментов, представленных в сплетении историй вымышленных персонажей с представлениями о реальных законах развития социального мира. Это говорит о том, что современный детектив способен осваивать идеи, которые характерны для системных построений научных концепций и строить на их основании сюжетные коллизии.

Литература

1. Заговор бумаг Лисс Д. М. Иностранка. Азбука-Аттикус, 2014.
2. Торговец кофе Лисс Д. М.: Иностранка. Азбука-Аттикус, 2013.
3. К вопросу о трактовке понятия «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике. Волосухина Н.В www.pglu.ru
4. January interview with David Liss by Simon Swink www.januarymagazine.com
5. Концепт. Степанов Ю.С www.philologos.narod.ru
6. Когнитология и когнитивная лингвистика Рудакова А.В. www.zavantag.com/docs/ 427/index
7. Язык и мир человека Арутюнова Н.Д. М.: «Языки русской культуры», 1999.

References

1. Zagovor bumag Liss D. M. Inostranka. Azbuka-Attikus, 2014.
2. Torgovec kofe Liss D. M.: Inostranka. Azbuka-Attikus, 2013.

3. K voprosu o traktovke ponjatija «koncept» i «frejm» v sovremennoj lingvistike. Volosuhina N.V www.pglu.ru
4. January interview with David Liss by Simon Swink www.januarymagazine.com
5. Koncept. Stepanov Ju.S www.philologos.narod.ru
6. Kognitologija i kognitivnaja lingvistika Rudakova A.V. www.zavantag.com/docs/ 427/index
7. Jazyk i mir cheloveka Arutjunova N.D. M.: «Jazyki russkoj kul'tury», 1999.

Samosyuk N.L., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Millitary Technical Institute in Millitary Delivery and Transport Academy named after A.V. Khrulyov

THE SOCIAL CONCEPT AS A PLOT-FORMING ELEMENT IN DETECTIVE NOVELS WRITTEN BY DAVID LISS «A CONSPIRACY OF PAPER», «THE COFFEE TRADER»

Abstract: the goal of the research is a demonstration of a concept forming in a plot of the detective stories. The finding concept belongs to the Europian culture and shows the most important changing of west europian mentality in its connection with fiction characters.

Keywords: value, concept, detective, coffee, information, social and historical phenomenon

Сафина Л.М., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация: в статье рассматривается методика формирования лексико-грамматических навыков у студентов при обучении русскому языку как иностранному. Автор статьи утверждает, что немаловажным аспектом в этой работе является коммуникативный подход в обучении русскому языку как иностранному, который предполагает подачу языковых фактов на синтаксической основе.

Ключевые слова: лексические единицы, коммуникативный подход, ситуативно-тематическая организация материала, семантические связи

Обучение русскому языку как иностранному не может осуществляться без наличия у студентов определенного запаса слов и умения пользоваться ими в устной и письменной речи. Поэтому работе над лексикой на всех этапах обучения русскому языку отводится исключительно большое место.

Независимо от этапа обучения вся методическая составляющая должна основываться на следующих аспектах: коммуникативный подход, функциональный и ситуативно-тематический подходы при отборе языкового материала, учет уровня владения русским языком, лингвострановедческий аспект, а также учет целей и задач на различных этапах обучения.

При изучении русского языка как иностранногонаиболее важным является овладение языком как средством общения, а не наращивание словарного запаса, овладение лексическими и грамматическими навыками и отдельными правилами. «Язык, как и любой другой сложный механизм, можно изучать с двух позиций: как он устроен и действует и как им практически пользоваться. Основной целью изучения русского языка иностранцами является не знакомство с ним как с известным лингвистическим феноменом, а утилитарное его усвоение как орудия общения и выражения мысли» [3].

Основополагающим аспектом в этой работе является коммуникативный подход в обучении русскому языку как иностранному, предполагающий подачу языковых фактов на синтаксической основе – в виде типовых предложений, диалогов, в которых усваивается и закрепляется лексика не только в типичных ситуациях, но и в типичных грамматических и синтаксических формах: 1) *Это книга. Это тетрадь. Это стол. Это апельсин.* 2) *Книга новая, интересная. Тетрадь зелёная, тонкая. Стол большой, тёмный. Апельсин сладкий.* 3) *Книга лежит в шкафу. Тетрадь лежит на столе. Стол стоит у стены. Апельсин лежит в вазе.*

Затем преподаватель предлагает новые лексические единицы и закрепляет их в аналогичных речевых ситуациях: *Чашка стоит на столе / на подоконнике. Фотография стоит на столе / полке. Шарф / блузка висит в шкафу* и т.д. С помощью этого приемаможно ввести и закрепить в типичных ситуациях и грамматических формах значительное количество лексики, которая является наиболее актуальной на начальном этапе изучения языка. На скорость запоминания и усвоения слов влияют степень известности структуры слова, конкретность и абстрактность понятий и многие другие факторы. Слова, интернациональные по своему происхождению либо имеющие в своей структуре интернациональные элементы, такие, как *био-, авиа-, гео-, зоо-, гипер-*, усваиваются значительно быстрее.

При выборе лексики необходимо учитывать нормированность русской речи, то есть критерии отбора, исключающие из этого списка просторечную, устаревшую, жаргонную, диалектную, а также терминологическую и профессиональную лексику. В лексический минимум входит базовая лексика, к которой предъявляют требования семантической ценности, литературной нормированности, частотности, ситуативно-тематической организации, сочетаемости, словообразовательного потенциала, учебно-методической целесообразности и т.д.

На начальномэтапе обучения преподаватель должен стремиться научить студентов общению на русском языке в социально-бытовой и учебно-профессиональной сфере, поэтому ситуативно-тематическая организация языкового материала должна быть наиболее продуманной. Преподаватель тщательно подбирает перечень речевых ситуаций, ограничивает их количество, это могут быть следующие речевые ситуации: «Город», «Семья», «Дом», «В автобусе», «В кафе», «В гостях», «В кино», «У врача», «В театре / музее», «Экскурсия» и др.

Тематические лексические единицы должны быть проанализированы педагогом, отобраны и рассмотреныне только с точки зрения их уместности и понимания информации, но и с точки

зрениякоммуникативной значимости. Таким образом, речь, конечно, идёт об обучении лексике в тесной связи с грамматикой, об обучении речевым единицам, где новое слово дается в составе элементарных предложений на начальном этапе и в более развернутых предложениях – на продвинутом: *Я – студент, моя мать – продавец, мой отец –военный, я учусь в университете, мать работает в магазине, отец служит в армии.*

На этапе введения слово получает всестороннюю характеристику, затемраскрывается значение слова, оно определяется как часть речи и получает свою грамматическую характеристику. Необходимо помнить, что каждое слово должно запоминаться не изолированно, а в сочетании с другимисловами, как единица, обладающая и лексическими, и грамматическими сочетательными возможностями. Грамматические темы должны совмещаться с лексико-разговорными и наоборот. Так, с лексико-разговорной темой «Мой друг» легко увязываются местоимения, в том числе и притяжательные: *я, мой, у меня, она, он, они, у них, у нее, у него, ему, ей, им* и др. С темой «Мой день» совместима грамматическая тема «Глаголы движения» во всем ее объеме, включая и префиксальные глаголы движения.

Возможность совмещать лексико-грамматический материал и разговорные темы используется в процессе обучения при организации и представлении учебного языкового материала, это выполняет коммуникативные задачи.

Предложения или речевые единицы, помогающие на начальном этапе усваивать новую лексику на коммуникативной основе, не должны быть грамматически сложными, а лексические единицы по возможности не должны быть многозначными. Более сложные языковые формы предлагаются на продвинутом этапе по мере коммуникативной необходимости. Так, если на начальном этапе преимущественно вводится конкретная лексика, обозначающая конкретные предметы, то на продвинутом – абстрактная. Кроме того, пополнение словарного запаса – а это всегда конкретная лексика – вводится путем демонстрации самих предметов, действий и т.д. (*стол,книга, тетрадь, белый, коричневый, высокий –низкий, тонкий – толстый, открывать – закрывать, вставать – садиться* и др.), а также изображений предметов, действий и т.д.

Чтобы избежать определённой разрозненности лексического материала при использованииситуативно-тематического принципа в процессе обучения русскому языку как иностранномуи систематизировать языковые факты, необходимоорганизовать в учебном процессе специальные этапы систематизирующего обобщения. Цель каждого этапа – построение целого из изученных ранее относительно изолированных друг от друга языковых фактов [1].

Систематизирующее обобщение способствуетлучшему запоминанию лексики и пониманию, формирует умение студентов переносить полученные лексико-грамматические знания на новые речевые ситуации.

В методической литературе при обучении русскому языку как иностранному выделяют два этапа отработки вводимой лексики: презентация и интерпретация [1].

Презентация понимается как предъявление лексических единиц к усвоению. Следует отметить, что предлагать новое слово следует в контексте – в составе предложения или словосочетания, то есть при наличии минимального контекста, когда возможна многозначность слова. На начальном этапе обучения такой формы предъявления слова достаточно, так как в основном изучается конкретная лексика и в меньшей степени – абстрактная, а значит, и имеющая не одно значение. На продвинутом этапе часто требуется презентация слова таким, каким оно известно носителям языка. Здесь или используют совокупность различных контекстов, раскрывающих его речевые свойства (*Жители городов обеспокоены состоянием окружающей среды*. *Люди всего мира с тревогой следят за событиями на Украине*), или предъявляют слово изолированно со всеми толкованиями отдельных его значений – *подниматься:* 1) перемещаться вверх; 2) перемещаться по карьерной лестнице (он быстро поднялся от рабочего до начальника цеха).

Интерпретация вводимых на занятии слов – это сообщение студентам всех необходимых сведений, позволяющих в дальнейшем пользоваться этими словами по возможности без затруднений.

При отборе минимума для начального этапа можно предложить не только лексико-семантические варианты, но и лексико-грамматические, а также показать пути формирования потенциального словаря: *победить*(что) *–победа* (чего); *убедить* (что) – *убеждение* (в чём); *творог– творожная запеканка; чай–чайник; продукты – продуктовый* (магазин).

Презентация слова в определённом контексте дает представлениео некоторых морфологических свойствах лексических единиц, кроме того,немаловажное значение имеетграфический и звуковой облик слова, которыйстуденты должны уловить, а также усвоитьсведения о его значении.

Грамматические навыки необходимо отрабатывать на тщательно подобранном лексическом материале. Например, умение называть направление

движения формируется у студентов достаточно длительно, поскольку необходимо усвоить форму – винительный падеж с предлогами *в* и *на*, а также освоить лексические единицы, называющие движение – глаголы *идти, ходить, ехать, ездить, летать, плыть* и др., и существительные, называющие место как цель движения – *магазин, банк, театр, цирк, кафетерий, зал, бассейн, улица, школа, выставка, деревня* и др.

Параллельно с формированием лексико-грамматических навыков и на их основе формируются первичные речевые умения такие,как читать, понимать устную речь и реагировать на нее, то есть умения, которые ограничиваются изученным языковым и тематическим материалом.

Для овладения студентами лексики в обучении русскому языку как иностранному предлагаются речевые задания: описать предмет, рассказать о событии, кратко пересказать прочитанный текст, принять участие в диалоге и др. Выполнение этих заданий требует как узнавания, так и употребления вновь изученных лексических единиц.

Работа над лексикой на продвинутом этапе состоит не только в расширении словаря, но и в его упорядочении – систематизации и обобщении. Систематизация – это группировка лексических единиц на разных основаниях – на основе словообразовательного родства, на основе сходства, близости или контрастности значения, на основе лексической играмматической валентности.

Каждое слово должно запоминаться не как изолированная единица, а в сочетании с другими словами как единица, обладающая и лексическими, и грамматическими сочетательными возможностями.

На стадии закрепления выполняются различные упражнения, способствующие запоминанию слова, егосочетаемости, семантических связей и отношений с другими словами, например: «выделите корень в словах*бежать,бег*»; «вспомните слова с общим корнем»; «образуйте существительные по аналогии: дружный – друг, добрый – ...»; «продолжите список слов:*помогатьлюдям*, ...»; «назовитесловосочетания противоположного значения: *шумнаяулица – ..., младшая сестра – ...*»; «устраните лишнееслово*: магазин, рынок, цирк*».

Процесс овладения словом русского языкапредполагаетпонимание и усвоение егопроизношения, написания и значения, однако наиболее важным является понимание того, с какими другими словами оно сочетается и как употребляется в речи, поэтому вводить изакреплять лексику, а также контролировать ее усвоение предпочтительно в речевых единицах –предложениях, хотя это не исключает возможности введения, закрепления, повторения лексических единиц списками, группами, парами. Так, можно дать названия месяцев, дней недели, сезонов, времени суток, сторон света; группами вводятся тематически объединенные, например, слова, *ранец, рюкзак, саквояж*и др.

На стадии активизации лексики в речи предлагаются речевые задания – описать предмет, рассказать о событии, кратко пересказать прочитанный текст, принять участие в диалоге и др. Выполнениеэтих заданий требует как узнавания, так и употребления вновь изученных лексических единиц.

Правильное словоупотребление основано на знании лексического значения слова, различий между семантически близкими словами, условий и границ их употребления, поэтому под обучением лексике следует понимать не обучение словам, а обучение функционированию слова в речи.

Лексика – открытая система. Овладение лексическим составом русской речи подразумевает не просто пополнение и обогащение словаря студентов, а осознание ими грамматических и лексико-семантических связей слов в языке, и, как следствие – свободное владение языком и уверенное использование всего спектра языкового потенциала русского языка.

Литература

1. Вишнякова Т. Л.Основы методики преподавания русского языка студентам нефилологам. М., 1982. С. 15.

2 Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов / под ред. А.Н. Щукина. М., 1990. С. 74.

3 Костомаров В.Г., Митрофанова ОД. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М., 1988. С. 8.

References

1. Vishnjakova T. L.Osnovy metodiki prepodavanija russkogo jazyka studentam nefilologam. M., 1982. S. 15.

2 Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo dlja zarubezhnyh filologov-rusistov / pod red. A.N. Shhukina. M., 1990. S. 74.

3 Kostomarov V.G., Mitrofanova OD. Metodicheskoe rukovodstvo dlja prepodavatelej russkogo jazyka inostrancam. M., 1988. S. 8.

Safina L.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Moscow State Automobile and Road Technical University

SOME ASPECTS OF LEXICAL AND GRAMMATICAL SKILLS OF STUDENTS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: this article is about lexico-grammatical skill developing technique of the students when getting education in Russian as a foreign language. The author of the article confirms, that one of the main aspects in this work is the communicative language teaching, which supposes language material giving on syntax base.

Keywords: lexical item, communicative language teaching, context-subject set-up, semantic link

Страдова А.И., аспирант,
Московский городской педагогический университет

ФОРМИРОВАНИЕ ВОССОЗДАЮЩЕГО ВООБРАЖЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема формирования одной из ключевых читательских компетенций – воссоздающего воображения. Автор статьи раскрывает основные понятия: «воссоздающее воображение», «читательская компетенция», анализирует возможности современного УМК по литературному чтению для формирования данной читательской компетенции.

Ключевые слова: воссоздающее воображение, читательская компетенция, обучение детей чтению, учебно-методический комплект

Воображение – это психический познавательный процесс, функция которого заключается в преобразовании старых знаний в новые и создании новых, неизвестных до этого образов.

Физиологической основой воображения является образование новых сочетаний из тех временных связей, которые образовались в прошлом опыте. Именно поэтому ученые выделяют такой вид воображения, как воссоздающее.

Воссоздающее воображение – вид воображения, в котором образы создаются из пережитых ранее событий, из собственных впечатлений, из прошлого опыта человека. Представление новых для человека объектов формируется в соответствии с их описанием, чертежом, схемой. Этот вид представлений используется в самых различных видах деятельности. В учении воссоздающее воображение играет важную роль, потому что, усваивая материал, выраженный в словесной форме (рассказ учителя, текст книги), учащийся должен представить себе то, о чем идет речь [8, с. 320].

В процессе формирования ребенка-читателя младшего школьного возраста воссоздающее воображение является важнейшим читательским умением. Без этого умения любой читатель – опытный, а тем более начинающий – в принципе не сможет воспринимать литературные образы, рисовать адекватные писательскому описанию картины интерьера, пейзажа, портрета персонажа.

Формирование таких читательских умений, как «умение давать характеристику героя произведения», «умение находить в тексте слова и выражения для составления портрета и характера героя» – это важные читательские компетенции, на формирование которых ориентируют учителя документы ФГОС НОО. Именно эти умения являются своего рода проводниками к формированию читательской компетентности - совокупности знаний, умений и навыков, позволяющих человеку отбирать, понимать, организовывать информацию, представленную в знаково-буквенной форме, и успешно ее использовать в личных и общественных целях [6, с. 48].

Формировать указанные выше компетенции невозможно без воссоздающего воображения. В процессе чтения художественного произведения ученик совершает цикл простейших аналитических операций: находит слова, выражающие отношение автора к герою через описание внешности или интерьера, в котором живет тот или иной персонаж. Описание необходимо не просто найти в тексте, но и запомнить, осмыслить, создать собственный образ, адекватный авторскому, что уже является синтезом. Именно поэтому воссоздающее воображение является следствием простейших аналитико-синтетических текстовых умений.

К аналитико-синтетическим относят следующие текстовые читательские умения: умение анализировать текст; умение выделять отдельные элементы описания, рассредоточенные в тексте; умение синтезировать выделенные элементы в целостный образ; умения воссоздавать в своем воображении картины, созданные автором; наконец, постигать художественные образы. Все сказанное выше позволяет утверждать, что воссоздающее воображение – важная читательская компетенция, имеющая метапредметный характер.

Психолог А.В. Петровский определяет воссоздающее воображение как воображение, имеющее в своей основе создание образов, соответствующих описанию [8, с. 351]. По наблюдениям ученого, многие школьники имеют манеру пропускать или бегло просматривать в книгах описание природы, характеристику интерьера или городского пейзажа, словесный портрет персонажа. В результате образ, который создается в голове школьника, незавершен, неидеален, оборван, как неосторожно вырванный из тетради листок. Ученик не представляет обстановки, в которой существовал герой произведения, не переживает вместе с ним, не может до конца прочувствовать всей трагичности его судьбы, не может видеть, как меняется его внешний и внутренний облик в соответствии с различными жизненными обстоятельствами.

Методисты начальной школы неоднократно отмечали недостаточный уровень сформированно-

сти этой важной читательской компетенции у читателей младшего школьного возраста. Интересный случай работы в начальной школе с рассказом К.Г. Паустовского «Кот-ворюга» описывает Л.С. Сильченкова [7]. После чтения рассказа учащимся было предложено описать кота. Автор уже в первом абзаце рассказа дает описание внешнего вида кота: «рыжий кот», «у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста». По ходу рассказа добавляются еще две детали, уточняющие внешний облик кота: «тощий», «огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе».

В рассказе повествуется об одичавшем коте, который в силу обретенных в дикой жизни привычек совершал преступления и «против людей»: воровал у них продукты, однажды помешал рыбалке, потому что опрокинул банку с червями. Эти неблаговидные в общем-то поступки кота-воришки согреты скрытым восхищением автора: в условиях дикой жизни кот, некогда, видимо, живший с людьми, приобрел поистине изобретательные способы выживания, что не могло не вызвать восхищения автора, хотя его описание вроде бы говорит о нем как об отрицательном персонаже. Учащиеся начальной школы это улавливают, но часто не могут правильно – адекватно с авторским описанием и авторским замыслом – соотнести эти линии повествования. Так, мнения второклассников после чтения рассказа «Кот-ворюга» о главном персонаже рассказа – разбойнике коте – разделились. Одним он понравился, другие отзывались о нем отрицательно.

Дети по-разному описали кота. Среди описаний были более или менее адекватно отражающие авторское: «Кот – рыжий, шерсть у него такая грязная, потому что он везде бродит» (Антон Б.). Однако немало было и таких ответов, которые противоречили авторскому описанию внешности кота. «Он такой беленький, пушистый. Глаза веселые. Он много играет, бегает» (Оля В.). Интересно заметить, что подобные описания были даны учащимися, у которых кот-беспризорник вызвал симпатии, то есть скрытое восхищение автора оказало действенное влияние на восприятие детьми данного персонажа. Их восприятие отражает авторское отношение к персонажу. Симпатии автора, хотя и в неявной форме, и направляли восприятие учащихся младших классов.

Этот пример из практики наглядно демонстрирует необходимость коррекции (уточнения, исправления) первичного восприятия литературного произведения младшими школьниками, работу над формированием у них аналитических читательских умений [7, с. 29].

О.В. Кубасова считает, что именно в младшем возрасте воображение читателя лучше всего поддаётся воздействию. Здесь важно не упустить время: ведь, как отмечают психологи, не сформировать это умение, то читатель приобретет привычку пропускать детали описания. Заставить его потом останавливаться на деталях описания является, по сути дела, ломкой стереотипа, переучиванием, что с педагогической точки зрения часто квалифицируется как нежелательное действие. Работа должна протекать системно, с опорой на различные художественные произведения и образы, раскрываемые в них [5. с. 28].

Младший школьник регулярно использует в своей читательской деятельности учебные хрестоматии по литературному чтению. Какими возможностями для формирования воссоздающего воображения детей 6-10 лет обладают действующие учебники по литературному чтению? Был рассмотрен самый распространенный в современной начальной школе учебно-методический комплект (далее – УМК): «Школа России».

Мы пытались выявить тексты художественных произведений, которые содержат описания внешности персонажа, его характера и интерьера, окружающего героя, а также аналитические и синтетические вопросы и задания к ним в методическом аппарате учебников. Именно такой тип речи – описание – содержит возможности для формирования воссоздающего воображения. Как известно, младшие школьники легче воспринимают и понимают другой тип текста – повествование, в котором описывается действие, смена событий, употребляется для этого много глаголов, которые для детей дошкольного и школьного возраста более привычны в силу предикативности их речи. Тип текста «описание» несколько труднее для восприятия и понимания читателями этого возраста: описание статично, состоит, в основном, из существительных и прилагательных, нет динами в изображении. Одним словом, составление картины-описания в воображении младших школьников сталкивается с рядом трудностей.

Как оказалось, в учебнике первого класса описаний мало, но минимальные возможности для формирования воссоздающего воображения у читателей этого возраста все же имеются. Из 71 произведения, представленного в хрестоматии, всего два художественных текста, позволяющих формировать воссоздающее воображение учащихся, что составляет 1,4% от общего количества. Назовем эти произведения: «Петух и собака» (русская народная сказка), «Находка» Д.Тихомирова [1]. В произведении «Петух и собака» описание вводится в стихотворной форме, известной детской песенкой про петушка: «Ай да петушок, / Красный гребешок, / Хвост узорами, / Сапоги со шпорами…». В рассказе Д. Тихомирова «Находка» автор

так говорит о найденном им щенке: «…вижу крошечного щенка», «…он был еще слепенький. Кожа на нем сморщилась». Тексты содержат минимальное количество деталей описания внешности животных: они не превышают объем оперативной памяти первоклассника. Однако методическое пособие для учителя к урокам чтения в 1 классе не содержит вопросов и заданий к этим двум текстам, которые бы направляли внимание первоклассников на детали описания.

В учебнике второго класса описания персонажей представлены в 5 текстах художественных произведений из 115 произведений двух частей учебника, что составляет 4,3%: «Филипок» Л. Толстого, «Котенок» Л. Толстого, «Сова» В. Бианки, «Новогодняя быль» С. Михалкова, «Тайное становится явным» В. Драгунского [2].

Описания персонажей так же, как и в учебнике для первоклассников, не слишком подробны, содержат минимум деталей: «…котенок был серый с белыми лапками» (Л. Толстой «Котенок»). В тексте В. Бианки облик персонажа преподносится через прямое и косвенное описание: «Сова – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. От солнца хоронишься, людей сторонишься». С. Михалков дает описание предмета из таких деталей: «стройная и красивая Елочка», «маленькая (Елочка)», «пушистые зеленые ветви», «…на ветвях висели легкие стеклянные шары, и вся она была окутана тонкими серебряными нитями, а самую макушку украшала большая золотая звезда». В рассказе В. Драгунского «Тайное становится явным» содержится самое пространное описание внешности персонажей: пострадавшего «гражданина» и рассерженной на проступок сына мамы: «На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. <…> Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник, а уж это верная примета, что мама ужасно рассердилась».

Мы видим, что описания внешнего вида животного, предмета (елочки) из этих произведений крайне лапидарны. Конечно, они дают некоторую возможность для формирования у детей воссоздающего воображения, если учитель специально обратить внимание учащихся на детали описания, потому что в методическом аппарате учебника 2 класса вопросов и заданий аналитико-синтетического характера для формирования данной читательской компетенции нет.

Из 89 произведений (1 и 2 части), представленных в учебнике третьего класса, мы выделили 11 произведений, содержащих элементы описания персонажей или предметов быта и позволяющих формировать столь важную читательскую компетенцию – воссоздающее воображение, что составляет уже 10% от общего количества: «Сивка-Бурка (русская народная сказка)», «Слон» А.Куприна, «Про храброго Зайца – Длинные уши, Косые глаза, Короткий хвост» Д. Мамина-Сибиряка, «Мороз Иванович» В. Одоевского, «Растрепанный воробей» К.Паустовского, «Мышонок Пик» В. Бианки, «Про обезьянку» Б. Житкова, «Капалуха» В. Астафьева, «Он живой и светится» В. Драгунского, «Храбрый Персей (мифы Древней Греции)», «Гадкий утенок» Г.Х. Андерсена [3]. Так, например, в произведении А.И. Куприна «Слон» автор рассказывает сначала о том, что девочке подарили игрушечного слоника: «Через полчаса папа возвращается с дорогой, красивой игрушкой. Это большой серый слон, который сам качает головою и машет хвостом; на слоне красное седло, а на седле золотая палатка, и в ней сидят трое маленьких человечков». За этим описанием следует описание внешности настоящего слона: «Слон оказывается гораздо больше, чем думала Надя, когда разглядывала его на картинке. Ростом он только чуть-чуть пониже двери, а в длину занимает половину столовой. Кожа на нем грубая, в тяжелых складках. Ноги толстые, как столбы. Длинный хвост с чем-то вроде помела на конце. Голова в больших шишках. Уши большие, как лопухи, и висят вниз. Глаза совсем крошечные, но умные и добрые. Клыки обрезаны. Хобот – точно длинная змея и оканчивается двумя ноздрями, а между ними подвижной, гибкий палец. Если бы слон вытянул хобот во всю длину, то наверно достал бы он им до окна. Девочка вовсе не испугана. Она только немножко поражена громадной величиной животного» [3, с. 35].

В учебнике третьего класса впервые появляется задание, сформулированное как «Опиши волшебного коня» (Сивку-Бурку): «…прискакал в пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая – серебряная, бежит – земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет» [3, с. 40]. Данное задание встречается единожды, более не повторяется, и в методических рекомендациях мы не нашли советов для учителя по работе над описанием персонажей произведений.

Укажем еще один пример художественного текста с описанием персонажа из учебника для 3 класса – рассказ Б.Житкова «Про обезьянку»: «Действительно, обезьянка оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршина. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки чёрные. Как будто человечьи руки в перчатках

чёрных. На ней был надет синий жилет» [3, с. 83]

К тексту рассказа Б.Житкова дано задание: «Расскажи о том, как она (обезьянка) выглядела». В описании обезьянки приведена устаревшая единица измерения длины – аршин (71 см), т.е. обезьянка была ростом 30-35 см. Без реальных размеров Яшки трудно себе представить его внешний вид, а также суть его проделок: разорение прически дамы, победа над большим дворовым котом и другие. К сожалению, в толковом словарике в учебнике пояснения к данному слову не содержится. Получается, что составление описания персонажа у ребенка-читателя сталкивается с некоторыми трудностями, если не с изъянами, ведь обезьяны бывают самых разных видов и размеров.

В учебнике для учащихся четвертого класса содержится 62 произведения, из которых лишь 13 позволяют проводить работу по формированию воссоздающего воображения учащихся, что составляет 8%: «Мальчики» А. Чехова, «Городок в табакерке» В. Одоевского, «Сказка о жабе и розе» В. Гаршина, «Серебряное копытце» П. Бажова, «Аленький цветочек» С. Аксакова, «Как я ловил человечков» Б. Житкова, «Елка» М. Зощенко, «Барбос и Жулька» А. Куприна, «Кабан» Е. Чарушина, «Путешествие Алисы» К. Булычева, «Путешествие Гулливера» Дж. Свифта, «Русалочка» Г.Х. Андерсена, «В Назарете» С. Лагерлеф [4].

В качестве примера можно привести произведение В. Одоевского «Городок в табакерке»: в нем описываются герои не только с помощью элементов зрительного ряда, но и с помощью звуков. К примеру, «дядьки-молоточки» описаны автором так: «…какие-то господа на тоненьких ножках, с предлинными носами и шептали между собою: «Тук-тук-тук! Тук-тук-тук, поднимай! Задевай! Тук-тук-тук!» [4, с. 164]. После прочтения детям предлагается ответить на следующий вопрос к этому тексту в учебнике: «Как описание внешнего вида и речь помогают узнать жителей Городка в табакерке?», т.е. не составляя самого описания, надо ответить на вопрос, зачем оно дано. Считаем, что такое задание не в полной мере отвечает задаче формирования воссоздающего воображения третьеклассников. Ответить на вопрос учебника можно формально, не вникая в суть дела. В методическом пособии для учителя задание, правда, несколько уточняет работу над воссоздающим воображением: «Найдите описание героев. Прочитайте. Почему автор описал героев именно так?».

Безусловно, следует констатировать, что такого количества заданий в методическом аппарате учебников явно недостаточно для формирования воссоздающего воображения учащихся четвертого класса – выпускников начальной школы.

Воссоздающее воображение является одной из ключевых читательских компетенций. Получая информацию из текстов художественных произведений, ребенок формирует образные представления об окружающем мире, ему не нужно придумывать лишнего. Однако анализ текстов учебных хрестоматий, а также вопросов и заданий к ним в методическом аппарате, методических рекомендаций к урокам чтения показал: учебного материала, дидактических условий и дельных методических советов для организации такой работы в начальной школе недостает. В учебниках УМК «Школа России» представлена ничтожно малая доля произведений с описанием портрета, интерьера, пейзажа, а также практически отсутствуют специальные задания по формированию воссоздающего воображения. Безусловно, это не отвечает современным требования к учебниками для уроков литературного чтения в начальной школе: это снижает их познавательный, коммуникативный и в целом метапредметный потенциал.

Литература

1. Литературное чтение. 1 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 и 2 / Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова и др. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013ю

2. Литературное чтение. 2 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 и 2 / Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова и др. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013.

3. Литературное чтение. 3 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 и 2 / Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова и др. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013.

4. Литературное чтение. 4 класс: Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 и 2 / [Л.Ф. Климанова, В.Г. Горецкий, М.В. Голованова и др. 2-е изд. М.: Просвещение, 2013.

5. Кубасова О.В. Развитие воссоздающего воображения на уроках чтения // Начальная школа. 1991. №9. С. 26 – 31.

6. Савинов Е.С. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. М.: Просвещение, 2010 338 с.

7. Сильченкова Л.С. Методика работы с крупнообъемными литературно-художественными произведениями в начальной школе: учебно-методические пособие. М.: МГПУ, 2015. 100 с.

8. Сосновский Б.А. Психология: учебник для педагогических ВУЗов. М.: Юрайт, 2005. 800 с.

References

1. Literaturnoe chtenie. 1 klass: Ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. V 2 ch. Ch. 1 i 2 / L.F. Klimanova, V.G. Goreckij, M.V. Golovanova i dr. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 2013ju
2. Literaturnoe chtenie. 2 klass: Ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. V 2 ch. Ch. 1 i 2 / L.F. Klimanova, V.G. Goreckij, M.V. Golovanova i dr. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 2013.
3. Literaturnoe chtenie. 3 klass: Ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. V 2 ch. Ch. 1 i 2 / L.F. Klimanova, V.G. Goreckij, M.V. Golovanova i dr. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 2013.
4. Literaturnoe chtenie. 4 klass: Ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. V 2 ch. Ch. 1 i 2 / [L.F. Klimanova, V.G. Goreckij, M.V. Golovanova i dr. 2-e izd. M.: Prosveshhenie, 2013.
5. Kubasova O.V. Razvitie vossozdajushhego voobrazhenija na urokah chtenija // Nachal'naja shkola. 1991. №9. S. 26 – 31.
6. Savinov E.S. Primernaja osnovnaja obrazovatel'naja programma obrazovatel'nogo uchrezhdenija. M.: Prosveshhenie, 2010 338 s.
7. Sil'chenkova L.S. Metodika raboty s krupnoob#emnymi literaturno-hudozhestvennymi proizvedenijami v nachal'noj shkole: uchebno-metodicheskie posobie. M.: MGPU, 2015. 100 s.
8. Sosnovskij B.A. Psihologija: uchebnik dlja pedagogicheskih VUZov. M.: Jurajt, 2005. 800 s.

Stradova A.S., Postgraduate,
Moscow City Teachers' Training University

THE FORMATION OF THE RECONSTRUCTED IMAGINATION OF PRIMARY SCHOOL'S STUDENTS AT READING LESSONS

Abstract: this article considers the problem of the formation the basic reader's competence of primary school's students – the reconstructed imagination. The author reveals the basic terms of «reader's competence», «imagination», «reconstructed imagination». The author also makes an analysis of the student books for Reading lessons.

Keywords: imagination, reconstructed imagination, reader's competence

Тавасиева Б.А., кандидат педагогических наук,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПЕРВОГО КОМПОНЕНТА УСИЛИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Аннотация: в данной статье речь идет о роли первого компонента усилительных сложных прилагательных в немецком языке. Автор отмечает, что в немецком языке выделяется большая группа прилагательных, первый компонент которых служит для усиления значения второго компонента. Анализ усилительных прилагательных позволяет установить, что целый ряд первых компонентов сложных прилагательных идет по пути превращения в стандартный усилительный словообразовательный формант.

Ключевые слова: усилительный компонент, сложное прилагательное, формант, немецкий язык

Постепенное пополнение и обогащение категории имен прилагательных в немецком языке идет по пути, который определяется законами словообразования немецкого языка.

Аффиксация, словосложение и адъективация – вот те основные каналы, по которым словарный состав немецкого языка получает новые имена прилагательные.

Словосложение, занимающее в современном немецком языке, несомненно, доминирующее положение по отношению к остальным способам словообразования, играет большую роль и при образовании имен прилагательных.

При создании сложных слов используются уже имеющиеся в языке лексические элементы в виде основ тех или иных частей речи.

Среди сложных имен прилагательных выделяются своей продуктивностью определительные сложные прилагательные, сложные» слова, в которых первый компонент служит для определения, уточнения качества, признака или свойства, выраженного вторым компонентом.

Подавляющее большинство сложных прилагательных современного немецкого языка может быть отнесено именно к этой группе (ср. lebens – treffsicher, denkfaul, dunkelrot, himmelblau, kirschrot, halbtot, himmelhoch, eiskalt, kinderleicht и мн.др.).

Из приведенных примеров видно, что первый компонент может дополнять значение второго компонента (ср. lebensgefahrlich, denkfaul), определять оттенок того или иного цвета (ср. dunkelrot, himmelblau, kirschrot), указывать на степень проявления качества или признака, выраженного вторым компонентом (ср. halbtot), служить для усиления того или; иного качества, признака (ср. himmelhoch, eiskalt, kinderleicht и др.).

Определительные сложные прилагательные, а которых первый компонент служит для усиления признака, выраженного вторым компонентом, такие как eiskalt, himmelhoch, kinderleichtsterbenslangweilig, и. др., могут быть выделены в особую группу, в группу так называемых усилительных сложных прилагательных (verstarkende или steigerndezusammengesetzteAdjektive).

Усилительные сложные прилагательные представляют несомненный интерес с точки зрения изучения немецкого словообразования, во-первых, потому, что в них нашла свое отражение свойственная немецкому языку тенденция к выражению самых разнообразных семантико-синтаксических отношений при помощи словосложения; во-вторых, потому, что на примере усилительных сложных прилагательных можно проследить процесс постепенного превращения первого компонента сложного слова в своеобразное усилительное словообразовательное средство, процесс постепенного становления словообразовательных формантов в немецком языке.

Выделение усилительных сложных прилагательных в особую группу внутри определительных сложных слов оправдано как с семантической стороны – первый компонент усилительных сложных прилагательных обладает целым рядом особенностей, так и с формальной стороны – усилительные сложные прилагательные выделяются среди определительных сложных прилагательных особым ударением, так называемым равностепенным ударением.

Каковы же семантические особенности усилительных сложных прилагательных?

Усилительные, сложные прилагательные, как и сложные слова вообще, будучи цельнооформленными единицами, состоят из нескольких (чаще всего, двух) основ, обладающих самостоятельным вещественным значением.

Значение сложного слова возникает несомненно на базе значений его составных частей, но оно не является в то же время просто суммой этих значений; оно как бы «вырастает» из семантического слияния компонентов сложного слова, происходит своеобразное «химическое» (по образному выражению В.В. Виноградова, примененному им в отношении значения фразеологических единств) соединение основ в одно целое.

Особенно отчетливо этот процесс выступает в тех сложных словах, которые проф. А.И. Смирницкий называет идиоматичными сложными словами. Но и в неидиоматичных сложных словах, т. е. сложных словах, соотносительных иногда в большей, иногда в меньшей степени с соответствующими словосочетаниями, значение целого доминирует над значением отдельных его частей, не совпадает полностью со значением словосочетания. Сложное слово, будучи цельнооформленной языковой единицей, обладает во всех случаях большей смысловой цельностью по сравнению со словосочетанием.

В роли второго компонента в усилительных сложных прилагательных выступает, как правило, основа качественного прилагательного, т. е. прилагательного, обозначающего признак, свойство или качество, которые могут измениться качественно, проявляться у того или иного предмета в большей или меньшей степени.

Интересно отметить, что ряд качественных прилагательных, не имеющих степеней сравнения в силу своего лексического значения, таких как tot, blind, т.е. прилагательных, обозначающих признак, неспособный проявляться в большей или меньшей степени, может все же выступить в роли второго компонента усилительных сложных прилагательных (ср., например, stockblind, stockstumm, splitternackt, steintot, и др.).

Эти прилагательные обозначают не столько очень высокую ступень данных признаков, сколько их полное проявление в том или ином предмете, у того или иного лица.

Особенностью же первого компонента прилагательных подобного типа является то, что он обладает способностью возводить признак, обозначенный вторым компонентом, в очень высокую степень, усиливать его.

Чтобы определить, каким путем достигается в большинстве усилительных сложных прилагательных усиление признака, целесообразно сравнить их с усилительными словосочетаниями типа «hartwieEis», «kaltwieEis» – «твёрдый как лед», «холодный как лед». В качестве предмета сравнения в этих словосочетаниях выступает существительное Eis «лед». Это существительное обозначает вещество, обладающее целым комплексом самых разнообразных качеств, признаков и свойств, в том числе очень низкой температурой (холодностью) и твердостью. Когда мы употребляем существительное Eis в сочетании с kalt «холодный» (kaltwieEis), из всех признаков и свойств льда мы выделяем только признак «холодный», все же остальные признаки и качества льда отступггот на задний план, в сочетании с прилагательным kalt «холодный» не воспринимаются. В сочетании же с прилагательным hart «твердый» (hartwieEis) в первую очередь воспринимается твердость льда, остальные же его признаки (в том числе и признак «холодный») как бы затушевываются.

Имя существительное выступает в подобных словосочетаниях в роли своеобразного фундамента, на котором воздвигается значение качества или признака.

Итак, существительное в словосочетаниях типа kaltwieEis, обозначая тот или иной предмет, выступает прежде всего как выражение носителя признака, обозначенного прилагательным. Но этого еще недостаточно, чтобы можно было говорить об усилении этих признаков. Так, например, в словосочетании blauwieder Himmel «голубой как небо» существительное Himmel «небо» воспринимается так же в первую очередь, как носитель одного определенного признака, признака «голубой», именно этот признак предмета заметно выдвигается на первый план, «выпячивается», все же (остальные признаки и свойства в той пли иной степени «затушевываются», отодвигаются на задний план. И все это словосочетание не является усилительным, так как речь здесь идет не об очень высокой степени признака «голубой», а о его определенном оттенке, небесно-голубом цвете.

Только в том случае, когда признак, выдвигаемый на первый план при образном сравнении, содержится в предмете, привлекаемом для сравнения в очень высокой степени, так, что часто сравнение носит гиперболический характер, мы вправе говорить об усилительном значении подобных словосочетаний.

Стремление выразить самые разнообразные отношения при помощи словосложения является одной из характерных черт структуры немецкого языка. Эта тенденция нашла свое отражение и в образовании многочисленной группы усилительных сложных прилагательных, в которых первый компонент обладает способностью возводить признак, обозначенный вторым компонентом, в очень высокую степень.

В подавляющем большинстве усилительных сложных прилагательных (ср. eiskalt, eishart, himmelweit, blitzschnell, federleicht, grabesstill, grundhart, hollenfinster, kerzengerade, leichenstumm, pudeltreu. и мн. др.) усиление достигается, в основном, таким же путем, как в рассмотренных выше словосочетаниях, т. е благодаря «выпячиванию» в первом компоненте признака, обозначенного вторым компонентом.

Первый компонент усилительного сложного прилагательного, сливаясь со вторым компонентом, теряет постепенно свою лексическую самостоятельность; при условии же его частого упот-

ребления, он начинает восприниматься как чисто усилительный компонент.

Очень показателен в этом отношении процесс, который наблюдается у целого ряда первых компонентов усилительных сложных прилагательных и который можно охарактеризовать как постепенное превращение первого компонента в своеобразный усилительный формант.

Проследить этот процесс можно хотя бы на примере усилительных сложных прилагательных с первым компонентом himmel-.

Существительное der Himmel, обозначая небесный свод, может выступать носителем целого ряда самых разнообразных качеств, признаков и свойств. Это приводит к употреблению данного существительного как предмета сравнения в таких усилительных словосочетаниях, как hochwieder Himmel, weitwieder Himmel, grosswieder Himmel и т.д. Эти и подобные им словосочетания раскрывают внутренний образный стержень усилительных сложных прилагательных himmelhoch, himmelweit, himmelgross и др.

Так как этот компонент очень часто выступает с усилительным значением, то это его значение, возникшее на базе образного сравнения, вытесняет почти целиком предметное значение основы himmel-, и первый компонент начинает восприниматься как усилительный, как основа, которая в сочетании с основами прилагательного выступает с чисто усилительным значением. Это приводит к появлению в немецком языке особой словообразовательной модели: «himmel- (с усилительным значением) + основа прилагательного», которая является как бы подвидом модели: «основа существительного (как предмет сравнения) + основа прилагательного», по которой образованы, по-видимому, такие прилагательные, как himmelweit, himmelhoch, felsenfest и др.

Только наличием в словообразовательной системе немецкого языка модели «himmel- (с усилительным значением) + основа прилагательного» можно объяснить появление, например, таких прилагательных, как himmeltraurig или himmelangst. Если в прилагательных himmelhoch, himmelweit усилительное значение выступает на базе его предметного значения, то в прилагательном himmeltraurig, himmel лексическое значение основы не только не помогает вскрытию значения этого слова, но, наоборот, затрудняет его понимание.

Таким образом, известный сдвиг значения в первом компоненте усилительных сложных прилагательных в сторону усилительного значения может привести в ряде случаев к полной утрате первым компонентом своего предметного значения. Первый компонент приобретает чисто усилительное значение.

Словообразовательные типы в языке не являются чем-то раз и навсегда данным, они находятся в состоянии постоянного изменения, развития, постоянного совершенствования.

В немецком языке есть целая группа корневых слов, которые восходят по своему происхождению к производным. Исторически засвидетельствовано происхождение из первых и соответственно вторых компонентов сложных слов таких префиксов и суффиксов, как ur-, miss-, be-, ver- и др. -heit, -schaft, -turn, -lich, -bar и др., что говорит о возможности постепенного превращения сложных слов в производные.

Процесс постепенного превращения компонентов сложных слов в аффиксы продолжается и в современном немецком языке. На грани превращения в суффикс находятся, например, такие вторые компоненты сложных имен, как -mann, -zeug, -werk, -frei, -los, и такие первые компоненты, как haupt-, hoch- и др.

Эти и подобные им основы, выступая в рати компонентов сложных слов, обладают целым рядом специфических свойств; в первую очередь они характеризуются известным семантическим побледнением, т. е. большей или меньшей утратой предметного значения, характерного для слова в самостоятельном употреблении, а также большой частотностью употребления.

Наличие среди усилительных сложных прилагательных первых компонентов, которые в большей или меньшей степени утратили свое предметное значение, и тот факт, что они встречаются не в единичных образованиях, а переходят с усилительным значением от одной основы прилагательного к другой, заставляет предположить, что среди первых компонентов усилительных сложных прилагательных наблюдается постепенный переход в стандартное усилительное словообразовательное средство, усилительный формант.

Первый компонент усилительных сложных прилагательных может превращаться в целом ряде случаев в стандартное словообразовательное средство, приближаясь по своему значению и по функции к усилительному префиксу, но, не теряя в то же время полностью связи со словом в самостоятельном употреблении, что является характерным для компонентов сложных слов. Эта связь проявляется в том, что подобный усилительный компонент сохраняет звуковую форму основы соответствующего слова, и в том, что он не прерывает полностью семантической связи с последним, так как в ряде прилагательных, образованных с подобным усилительным компонентом, образный стержень слова может выступать очень отчетливо.

К числу первых компонентов, проявляющих тенденцию к превращению в стандартное словообразовательное усилительное средство, можно отнести следующие компоненты: blitz-, blut-, grand-, gold-,herz (ens)-, heiden-, himmel-, kern-, kreuz-, mord (s)-, mause-,:pudel-, riesen-, seelen-, stein-, stock-, sterbens-, tod-, wunder-, stink-, hoch-, bitter-, allzu-, fiber-, aller-.

Эти компоненты представляют собой далеко не однородную группу. В одних усилительных компонентах данного типа тенденция к превращению в словообразовательный префикс еще едва-едва только наметилась (ср., например, такие первые компоненты, как himmel-, mause- и др.), в других эта тенденция нашла уже свое явное выражение, так что мы уже сегодня можем говорить о том, что большинство прилагательных, образованных с этими компонентами, представляют собой в структурном отношении явление переходное от словосложения к словопроизводству.

Анализ показал, что ближе всего подошли к словообразовательному префиксу усилительные компоненты: blut-, grand-; kern-., kreuz-, stein-, stock-; wunder-.

Эти компоненты представляется возможным выделить на основании следующих критериев:

1. В подавляющем большинстве усилительных прилагательных, образованных при помощи этих компонентов, внутренний образный стержень отсутствует, первый компонент выступает как носитель абстрактного значения предельной степени качества. Ср., например, усилительные прилагательные с компонентами blut- и kreuz-; blutarm(очень бедный); -jung, -nackt, -fremd, -rot, -schlecht, -schwer, -selten, -sauer, -teuer, -wenig и др.

Компоненты blut-, kreuz- и др. обладают большой продуктивностью, легкой сочетаемостью с основами качественных или качественно-относительных прилагательных. В этом можно было убедиться на примере рассмотренных только что усилительных прилагательных с компонентами blut- и kreuz-. О легкой сочетаемости усилительных компонентов grand- и stein- с основами качественных прилагательных свидетельствуют такие прилагательные, как grundstein,brav, -dumm, -ehrlich, -falsch, -faul, -fromm, -gerecht, -treu, -verschieden, -wahr и др.

Следует к тому же учесть, что приведенные перечни прилагательных с тем или иным усилительным компонентом ни в коем случае нельзя считать полными, так как благодаря продуктивности этих компонентов усилительные прилагательные легко образуются в процессе речи.

Одним из признаков, но отнюдь не критериев превращения первого компонента в стандартное усилительное словообразовательное средство, может служить возможность его использования в цепи многозвенного усилительного компонента типа steinstock-,-dumm.

Итак, анализ усилительных прилагательных позволяет установить, что целый ряд первых компонентов этих сложных прилагательных идет по пути превращения в стандартный усилительный словообразовательный формант.

Большинство усилительных компонентов, проявляющих тенденцию к превращению в словообразовательный формант, возникло на базе очень употребительных слов, (ср., например, blut-, stein-, stock-, grund- и др.).

Путь превращения целого ряда первых компонентов усилительных сложных прилагательных в усилительный словообразовательный формант – это путь все большего и большего семантического расхождения со словом в самостоятельном употреблении и функционального расхождения с первым компонентом сложного слова.

Путь этот очень сложный, длительный и противоречивый.

Среди усилительных сложных прилагательных существует целая группа прилагательных, которые, будучи по своей структуре сложными словами, приближаются вследствие тех семантических и функциональных изменений, которые претерпевает первый компонент, к производным словам.

Литература

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.-Л. «Наука», 1964. 104 с.

2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

3. Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке (на русско-славянском материале): дис. … канд. филол. наук. СПб, 1995. 215 с.

4. Казанцева Ю.М. Грамматическая категория: от структуры к концепту // Эвристический потенциал концепций профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс: Тезисы докладов Межд. научной конф. памяти профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс 19-22 октября 2006 г. М. 2006.

5. Михайлов Л.М. Коммуникативная грамматика немецкого языка, М., 1994.

6. Симина Г.Л. Особенности словообразования и семантики имен прилагательных (по материалам пинежского говора).

7. Ерхов В.Н. О статусе предлогов (к проблеме соотношения служебности и знаменательности в языке) // Исследования по общему и немецкому языкознанию. Тула. 1974. С. 3 – 12.

8. Афанасьева О.В. Имя прилагательное и его место в системе частей речи // Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990. С. 74 – 94.

9. Варивончик В.Ф. Лексико-семантические и структурно-функциональные особенности некоторых групп контрастивных английских прилагательных: автореф. дис. … канд. филол. Наук. М.,1987. 24 с.

10. Кадырбекова П.К. Лексическая полисемия имён прилагательных как фактор системности лексики (на примере непроизводных прилагательныхнемецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1991. 188 с.

References

1. Admoni V.G. Osnovy teorii grammatiki. M.-L. «Nauka», 1964. 104 s.

2. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika. M.: Progress, 1974. 447 s.

3. Ishhuk D.G. Leksiko-semanticheskoe pole kak vyrazhenie konceptual'noj modeli vremeni v jazyke (na russko-slavjanskom materiale): dis. … kand. filol. nauk. SPb, 1995. 215 s.

4. Kazanceva Ju.M. Grammaticheskaja kategorija: ot struktury k konceptu // Jevristicheskij potencial koncepcij professorov Je.G. Rizel' i E.I. Shendel's: Tezisy dokladov Mezhd. nauchnoj konf. pamjati professorov Je.G. Rizel' i E.I. Shendel's 19-22 oktjabrja 2006 g. M. 2006.

5. Mihajlov L.M. Kommunikativnaja grammatika nemeckogo jazyka, M., 1994.

6. Simina G.L. Osobennosti slovoobrazovanija i semantiki imen prilagatel'nyh (po materialam pinezhskogo govora).

7. Erhov V.N. O statuse predlogov (k probleme sootnoshenija sluzhebnosti i znamenatel'nosti v jazyke) // Issledovanija po obshhemu i nemeckomu jazykoznaniju. Tula. 1974. S. 3 – 12.

8. Afanas'eva O.V. Imja prilagatel'noe i ego mesto v sisteme chastej rechi // Teorija grammatiki: Leksiko-grammaticheskie klassy i razrjady slov. M., 1990. S. 74 – 94.

9. Varivonchik V.F. Leksiko-semanticheskie i strukturno-funkcional'nye osobennosti nekotoryh grupp kontrastivnyh anglijskih prilagatel'nyh: avtoref. dis. … kand. filol. Nauk. M.,1987. 24 s.

10. Kadyrbekova P.K. Leksicheskaja polisemija imjon prilagatel'nyh kak faktor sistemnosti leksiki (na primere neproizvodnyh prilagatel'nyhnemeckogo jazyka): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. M., 1991. 188 s.

Tavasieva B.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

THE LINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF SEMANTIC FUNCTIONS OF THE FIRST AMPLIFIER COMPONENT COMPOUND ADJECTIVES

Abstract: in this article we are talking about the role of the first component of amplifying complex adjectives in German. The author notes that in the German language a large group of adjectives, the first component of which is to enhance the value of the second component is allocated. Analysis of amplifying adjectives allows you to set a number of the first components of complex adjectives follows the path of becoming a standard amplifier derivation formant.

Keywords: amplifier component, complex adjective, formant, German

Телицына Е.Л., ведущий переводчик, преподаватель,
Югорский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности перевода эмоционально-оценочной лексика как средства создания образов персонажей и передачи авторского замысла.

Ключевые слова: переводческая деятельность, эмоционально-оценочная лексика, оценочная коннотация

Искусство перевода появилось еще в древние времена, когда соседствующие племена нуждались в общении друг с другом для ведения торговли, войн и поддержания социальных отношений. В эпоху технологий и развития коммуникаций, стремление к познанию иностранных культур, менталитета стремительно растет, а единственной преградой на пути к познанию «другого» мира является неродной язык.

Переводческая деятельность в различные времена воспринималась по-разному. Греки, например, не признавали другие языки и считали их более примитивными, а самих посредников в общении с другими государствами называли «варварами». В средние века считалось, что человек, знающий сразу несколько языков, имеет связь с дьяволом. В эпоху Возрождения появился иной взгляд на деятельность переводчиков, т.к. возникла необходимость в переводе светской литературы. В России особое внимание изучению иностранных языков стало уделяться со времен правления Петра I, который понимал важность переводческой деятельности для развития экономики России, ее становления как крепкой державы. В XVII-XIX вв. происходит расцвет переводческого искусства, создаются «Российское собрание», издательство «Всемирная литература». В настоящее время профессия переводчика становится все более популярной. Однако не стоит забывать о том, что перевод в частности, художественной литературы это не просто калька текста с одного языка на другой. Русский писатель А.И. Куприн верно это подметил: «...для перевода с иностранного языка мало знать, хотя бы и отлично, этот язык, а надо еще уметь проникать в глубокое, живое, разнообразное значение каждого слова и в таинственную власть соединения тех или других слов» [3, с. 26]. Иными словами, перевод художественного произведения не есть просто буквальный дословный перевод текста и зачастую художественный перевод текста может не совпадать с оригиналом, так как главная задача такого перевода – чтобы перевод означал для носителей языка перевода то же самое, что значило исходное высказывание для носителей своего языка [5, с. 98].

В качестве предмета изучения рассмотрим особенности перевода эмоционально-оценочной лексики, которая широко употребляется в художественных текстах с целью создания эмоциональной действительности и образа героев. Рассмотрим эмоционально-оценочную лексику на примере двух англоязычных переводов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – Ричарда Певира и Ларисы Волохонской [8] и Майкла Гленни [7].

1. Эмоционально-оценочные существительные. *«Англичанин, – подумал Бездомный, ишь, и не жарко ему в перчатках»* [2, с. 38]; «An Englishman....' thought *Bezdomny*. Phew, he must be hot in those gloves!» [7, с. 5]; *«'An Englishman...' thought Homeless. 'My, he must be hot in those gloves'»* [8, с. 31]. В романе псевдоним Бездомный, который носит один из главных персонажей, является именем собственным, это означает, что перевод должен быть осуществлен путем транслитерации данной фамилия, как и представлено в переводе Майкла Гленни [7]. Ричард Певир и Лариса Волохонская [8] перевели псевдоним дословно, что дает понимание иностранному читателю происхождения слова, но может стать проблемой при обсуждении произведения с русским читателем.

В следующем примере наиболее ярко выражена основа переводческой деятельности: «Да, мы – атеисты, – улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: "Вот прицепился, заграничный гусь!"» [2, с. 40]; «Yes, we're atheists,' replied Berlioz, smiling, and Bezdomny thought angrily: Trying to pick an argument, damn foreigner!» [7, с. 6]; «Yes, we're atheists,' Berlioz smilingly replied, and Homeless thought, getting angry: 'Latched on to us, the foreign goose!'» [8, с. 33]. Первый перевод представляется наиболее удачным, поскольку передает негативную коннотацию с юмористическим оттенком, присущую отношению советского человека ко всему заграничному. Смысл же второго перевода так и остается непонятым иностранным читателям.

2. Эмоционально-оценочные прилагательные *«…Рот какой то кривой...»* [2, с. 38]; *«…Crooked sort of mouth…»* [7, с. 5]; *«…Mouth somehow twisted...»* [8, с. 31]. Как видно, авторы переводов ис-

пользуют различные конструкции для обозначения словосочетания «рот какой-то кривой». Одним из значений слова *кривой* согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой является «Не прямой, изогнутый. Кривая линия. Кривое зеркало (дающее искажённое изображение; также перен.). *Кривая улыбка (также перен.: выражающая презрение, недоброжелательство).* Кривая душа (перен.: о неискреннем, лживом человеке; разг.)» [6, с. 98]. В данном контексте автор передает образ героя с отрицательной коннотацией. Майкл Гленни [7] использует дословный перевод, слово «crooked» согласно английскому толковому словарю означает непрямой, кривой, и никак не окрашено эмоционально [1]. Слово же «twisted», употребленное Ричардом Певир и Ларисой Волохонской [8], кажется наиболее удачным вариантом, т.к., согласно английскому толковому словарю [1], в нем заложен оттенок чего-то странного, немного неприятного и одновременно принявшего другую форму; 2. Эмоционально-оценочные наречия: *«Ты, Иван, – говорил Берлиоз, – очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия…»* [2, с. 39]; *«You see, Ivan,' said Berlioz,' you have written a marvellously satirical description of the birth of Jesus, the son of God…»* [7, с. 6]; *«For instance, Ivan, Berlioz was saying, 'you portrayed the birth of Jesus, the son of God, very well and satirically…»* [8, с. 31]; Малый академический словарь русского языка [4] дает определение сатирика как человека, резко и язвительно смеющегося, что дает понять читателю, что и словосочетание «сатирически изобразил» несет в себе негативный эмоциональный окрас. Обратимся к анализируемым переводам: «have written a marvellously satirical description» [7], что дословно означает «дал изумительно сатирическое описание», Ричарда Певира и Ларисы Волохонской [8] *«you portrayed… very well and satirically…»* – ты изобразил очень точно и сатирически. Можно подчеркнуть адекватность перевода без потери лексического значения и без функционально-стилистических сдвигов за счет точно подобранных грамматических конструкций и наречий.

3. Эмоционально–оценочные междометия, частицы. В выше приведенном примере рассмотрим перевод частицы ишь. «Англичанин, – подумал Бездомный, – ишь, и не жарко ему в перчатках» [2, с. 38]; «An Englishman....' thought Bezdomny. ' Phew, he must be hot in those gloves!» [7, с. 5]; «An Englishman...' thought Homeless. 'My, he must be hot in those gloves» [8, с. 31]. В русском языке частица *ишь* носит шутливый характер. В обоих переводах выбраны более нейтральные слова, передающие просто восклицание, менее экспрессивные в своей коннотации.

Таким образом, проведенное исследование показало, что перевод художественной литературы, и, в частности, эмоционально-оценочной лексики отражает жанр произведения, авторский замысел, образ конкретного персонажа. Наиболее удачный перевод эмоционально-оценочной лексики требует полного погружения переводчика в текстовое пространство, разрушающее языковой и межкультурный барьер между автором и читателем.

Литература

1. Английский толковый словарь: [Электронный ресурс]. URL: http://engood.ru/anglijskij-tolkovyj-slovar/ (дата обращения: 20.05.2016 г.)

2. Булгаков М.А. М.: Профиздат, 2008. 398 с.

3. Куприн А.И. Юнкера. М.: Эксмо-Пресс, 2007. С. 1 – 78.

4. Малый академический словарь русского языка: [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-71763.htm (дата обращения: 27.05.2016 г.)

5. Тернистый путь переводчика: [Электронный ресурс]. URL: http://moiperevod.ru/info/articles/article_detail.php?id=96 (дата обращения: 06.06.2016 г.)

6. «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова: [Электронный ресурс]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-11323.htm. (дата обращения: 06.06.2016 г.)

7. Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Michael Glenny. London: Collins and Harvill Press, 1967.

8. Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. PENGUIN BOOKS, 1997.

References

1. Anglijskij tolkovyj slovar': [Jelektronnyj resurs]. URL: http://engood.ru/anglijskij-tolkovyj-slovar/ (data obrashhenija: 20.05.2016 g.)
2. Bulgakov M.A. M.: Profizdat, 2008. 398 s.
3. Kuprin A.I. Junkera. M.: Jeksmo-Press, 2007. S. 1 – 78.
4. Malyj akademicheskij slovar' russkogo jazyka: [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-71763.htm (data obrashhenija: 27.05.2016 g.)
5. Ternistyj put' perevodchika: [Jelektronnyj resurs]. URL: http://moiperevod.ru/info/articles/article_detail.php?id=96 (data obrashhenija: 06.06.2016 g.)
6. «Tolkovyj slovar' russkogo jazyka» S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova: [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-11323.htm. (data obrashhenija: 06.06.2016 g.)
7. Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Michael Glenny. London: Collins and Harvill Press, 1967.
8. Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita. Translated from the Russian language by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. PENGUIN BOOKS, 1997.

Telitsyna E.L., Senior Interpreter, Lecturer,
Yugra State University

SPECIAL TRANSLATION TECHNIQUE OF EMOTIONALLY EVALUATIVE LEXIS (THE CASE OF THE NOVEL «MASTER AND MARGARITA» BY MIKHAIL BULGAKOV)

Abstract: this article deals with special translation technique of emotionally evaluative lexis as means of image creation and reproduction of author’s transfer.

Keywords: translation practice, emotionally evaluative lexis, evaluative connotation

Баринова И.А., кандидат филологических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Нестерова О.А., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ОБУЧЕНИЕ АНАЛИЗУ И ЛОГИЧЕСКОМУ СТРУКТУРИРОВАНИЮ ТЕКСТА

Аннотация: в статье рассматривается ряд стратегий обучения анализу и логическому структурированию текста при передаче его основного содержания. Представлены шесть логических моделей организации текстовой информации.

Ключевые слова: анализ, информация, модель, передача содержания, структурирование, текст

Совершенно очевидно, что далеко не все абитуриенты приходят в ВУЗ, обладая навыками логического, аналитического и критического типов мышления. Многие, покидая стены университета, так и не приобретают их. На это жалуются и специалисты по отбору персонала, т. к. во время собеседования они часто используют тест на умение работать с информацией, предлагая передать содержание какой-либо газетной или журнальной статьи. При этом претенденты на серьезные позиции не всегда могут сформулировать основную идею или логично выстроить информацию, не говоря о том, чтобы проанализировать ее.

В силу этого хотелось бы поделиться некоторым опытом работы с информацией текстов, направленным на формирование зрелой личности, умеющей анализировать информационные потоки, критически рассматривать и логично выстраивать их.

С этой целью нами было заменено одно из экзаменационных заданий «передайте содержание русской экономической статьи на английском», что звучало как «retell the article…», на «render the article», поскольку просто пересказ – это достаточно примитивно. Однако четко никто не знал, что же такое рендеринг. Рендеринг трактуется толковыми словарями английского языка как «пересказ с привлечением своего собственного видения» [1], однако, что это за «видение» – не уточняется. Поэтому мы решили внести в рендеринг свое собственное понимание и исходили из того факта, чему, кроме использования лексических и грамматических структур в речи, мы хотим научить студентов, давая задание «пересказать текст».

В таблице, представленной ниже, сформулированы задачи, поставленные при обучении работе с текстом.

Первая задача – научить работать с информацией, т.е. научить выделять в огромном информационном потоке основную информацию, затем сопутствующую и, наконец, «отшелушивать» ненужную.

Вторая задача – осознавая наличие большого арсенала существующих методик воздействия на умы читателя, научиться формировать независимого, критически настроенного читателя, умеющего определять намерения автора. По словам Ю. Лотмана, «интеллигент – это не пустой мешок, в который можно беспрепятственно загрузить любые идеи» [2, с. 32].

Поставленные задачи при обучении работе с текстом	План анализа информации текста
1. Научить работать с информацией	1. Логическая организация информации текста 1) основная тема и идея; 2) заголовок; 3) выбор использованной автором модели организации информации из представленных далее (при необходимости ее логическая реорганизация): а) основная идея и сопутствующие ей детали; б) описательная последовательность; в) хронологическая последовательность; г) контраст и аналогия д) классификационная е) аргументативная
Сформировать независимого критически настроенного читателя.	2. Интенции автора и его отношение к сообщаемому (убедить, проинформировать, развлечь, обучить…)
Научить опираться на предшествующий опыт при получении новой информации.	3. Фоновые знания читателя, собственное отношение к проблеме

Третья задача – научиться активизировать предшествующий опыт и, опираясь на фоновые знания, высказывать собственное мнение и отношение к проблеме. Фоновые знания помогают сра-

зу увидеть и понять суть проблемы, а также полнее ее осветить.

Следовательно план, согласно которому студент должен проанализировать и подать информацию текста, т.е. сделать рендеринг, целиком определяется поставленными задачами.

Подробнее рассмотрим некоторые пункты плана анализа информации текста.

I.1 На первом этапе анализируется логическая организация информации, т.е. мы начинаем с выделения основной темы и идеи статьи.

Чтобы выделить тему статьи необходимо ответить на вопрос «о чем эта статья?». С основной идеей несколько сложнее, она может быть определена только после прочтения всей статьи. Отношение темы и идеи можно определить, как предмет и объект исследования, т.е. как более общее (тема) и частное, более конкретное об этом общем (идея), а именно, под каким углом или с какой точки зрения автор рассматривает этот предмет.

I.2 Следующим пунктом плана рендеринг является анализ заголовка текста, так как он может отражать основную тему и даже идею статьи. При этом необходимо помнить, что в переводоведении считается, что самое трудное – переводить именно заголовки, и чаще всего он будет метафоричен, поэтому и его смысл станет понятен лишь после прочтения всей статьи. Даже из опыта чтения газет на родном языке мы знаем, насколько часто бывает трудно по заголовку предсказать содержание статьи. Например, «Его зовут Роберт» (об уходящей версии дополнительного оборудования к автомобилям компании Audi), «Пять лет браку на небесах» (о пятилетнем итоге существования компании Даймлер-Крайслер).

При выборе заголовка автор, скорее всего, будет использовать какой-либо стилистический прием, чаще всего – это метафора. Если прочитав статью, студенты поняли суть метафоры, конечно, это необходимо отразить в своем ответе, если же языковой базы не хватает, то достаточно констатировать, отражает ли он тему или идею статьи.

I.3 Выбор использованной автором логической модели организации информации.

В обобщенном виде можно выделить 6 моделей организации, или структурирования информации [3]. Задача заключается в том, чтобы увидеть выбранную автором модель и изложить статью с небольшими сокращениями согласно этой модели. Однако можно столкнуться с тем, что информация статьи беспорядочно нагромождена и практически невозможно рассмотреть логику изложения. Тем не менее задача остается прежней – максимально понятно для слушателей изложить содержание анализируемой статьи. В данной ситуации важно самостоятельно определить, какая логическая модель из шести предложенных ниже будет наиболее подходящей при изложении статьи, то есть наиболее эффективно и «эффектно» подаст представленную в ней информацию. Теперь рассмотрим суть каждой из шести логических моделей организации информации.

1. Модель «Основная идея и сопутствующие ей детали». ("Main idea and supporting details").

Обычно согласно этой модели строятся газетные статьи, где в первом абзаце формируется основная мысль, а остальной текст состоит из различного вида дополнительной информации по заявленной проблеме, развивающей ее (цифры, примеры, определенные описания). Структуру информации статьи можно представить следующей схемой:

I. Introduction.
II. Main idea:
1)
2)
3) } supporting details
4)
III. Conclusion.

Очень полезно дать студентам список полезных фраз при передаче информации, организованной согласно этой модели:

The author of the article states the main idea in the first paragraph… It deals with…
Firstly as the supporting detail he presents the figures/description/situation on…
Secondly he gives the following examples… At the next stage the author describes…
Finally he sums up/summarizes…

2. Модель «описательная последовательность» («Descriptive» pattern).

Как уже понятно из названия, тексты, построенные по указанной модели, описывают какое-либо явление, продукт и т.д. Однако важно определить, по какому типу организовано описание:

- от общего к частному/наоборот;
- сверху вниз/наоборот;
- от наиболее захватывающего к наименее/наоборот.

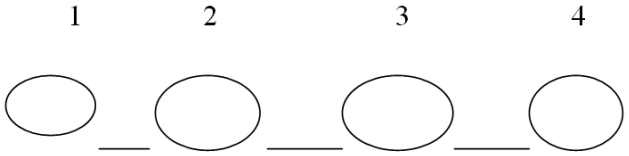
Ниже приведены некоторые полезные слова и фразы при передаче информации, построенной по данной модели:

The author subsequently describes/gives the description of … The description is organized/arranged/presented from up to down/inside to outside/from general information to detail … Firstly/in the first place …, to start with …, first of all …, secondly …, at the next stage …, thirdly …, at last, finally …, to sum up, in conclusion …

3. Модель «хронологическая последовательность» («Chronological sequence» pattern).

Как следует из названия, тексты, построенные по указанной модели, представляют информацию в хронологической последовательности. Очень полезным для понимания этой последовательности будут наречия времени. Соответственно, они должны быть также широко использованы при передаче содержания текста.

Тексты с данной логической моделью можно представить в виде следующей схемы, где первому боксу соответствует первое событие статьи, второму боксу – второе и т.д.

Начальным упражнением для тренировки логики этой модели может быть короткий рассказ, разбитый на отдельные предложения или абзацы, данные вперемешку, когда необходимо восстановить ход следования событий.

Ниже предложены полезные слова и фразы при передаче информации, построенной по модели «Хронологическая последовательность»:

To start with the author states the fact of …At the first stage/initially he describes … The second step is/secondly he informs us on …Besides he tells us …, furthermore he tells us … Thirdly/then/after that he depicts … Next/subsequently he reports on … Finally/at the final stage he sums up …

4. Модель «Аналогия и контраст» (“Analogy and/or contrast” pattern).

Как правило, статьи, построенные по указанной модели, содержат сравнительное описание двух или более явлений, при этом автор выделяет (1) аналогичные, т.е. объединяющие их характеристики, (2) контрастирующие, т.е. противоположные или несхожие. Примером может быть таблица, составленная на материале текста, описывающего различные типы мотиваций, их природу, реакцию на них и результат.

Features	Positive motivation	Negative motivation
1. Another name	Incentive motivation	Fear motivation
2. Nature of motive	Reward – pay rise, promotion, recognition of work	Force/fear – lay off, punishment
3. Reaction	Willingly cooperate – respect citizen in the plant	Don’t willingly cooperate – anger and frustration
4. Outcome	Placement, high standard of performance, happiness	Unrest

Полезные слова и фразы при передаче информации, построенной по модели «Аналогии и/или контраста», могут быть следующие:

First of all the author describes/depicts/characterizes/ /enumerates the similar/alternative features/characteristics of... At first sight there is an impression that… The common/alternative features are as follows… Also/in addition/besides/moreover he states the fact that… In short/in brief the difference/similarity is that…

5. «Классификационная» модель. (“Classifying” pattern).

Информацию текстов, дающих классификацию какого-либо явления, полезно отражать в виде схем и диаграмм, чтобы четче представлять взаимоотношение между смысловыми частями и более логично изложить его содержание.

Предлагаем следующие полезные слова и фразы при передаче информации, построенной по «Классификационной» модели:

The author gives/presents the classification of… It can be depicted in the following diagram, scheme, table, spidergram. There are two main boxes. He divides it into two/several parts/ classes/levels. Afterwards he subdivides it into several subclasses. He includes two similar classes into one…

6. «Аргументативная» модель. («Argumentative» pattern).

Согласно аргументативной модели строятся тексты, которые дают аргументы за и/или против какого-либо явления. Эти аргументы могут быть хаотично нагромождены в тексте. Логичнее, безусловно, сгруппировать и желательно пронумеровать сначала преимущества, а затем недостатки, либо в обратном порядке в зависимости от цели, которую вы преследуете, т.е. агитируете «за» или «против» конкретного явления. Графически информацию такой статьи можно представить следующей схемой.

Arguments for	Arguments against
1.	1.
2.	2.
3.	3.

Полезные слова и фразы при передаче информации, построенной по «Аргументативной» модели могут быть следующие:

The main/greatest advantage of that is… Nevertheless/on the other hand the author presents several disadvantages as well. He praises…, he criticizes… It is popularly believed that…, opponents of this view say…

Анализ статей по вышерассмотренным логическим моделям представлен в [4].

II. Интенции автора и его отношение к сообщаемому.

Для читателя очень важно определить интенцию, или намерение, автора, написавшего статью. Это поможет сформировать реальное представление о проблеме, а не подпасть под влияние субъективной, а порой намеренно ложной точки зрения. Так, намерения автора могут быть следующими: убедить или переубедить (это в основном рекламные статьи, построенные, как правило, по «аргументативной» модели развертывания информации или модели «контраста и аналогии»), просто проинформировать, развлечь, обучить и т.д.

В статьях, написанных с целью убеждения, в отличие от просто информирующих, автор, как правило, высказывает в той или иной форме свое мнение, дает оценку, критикует или защищает определенную точку зрения. В таких текстах, соответственно, часто можно встретить фразы типа: *in my opinion, to my mind, I feel very strongly that, I am inclined to believe, it seems to me.*

С намерением автора тесно переплетается его отношение к проблеме. Отношение включает весь спектр человеческих эмоций: восхищение, заинтересованность, симпатию, жалость, безразличие, озлобленность и др. Однако в общем виде его можно охарактеризовать как одобрение/ неодобрение.

Намерение и отношение автора помогут понять подобранные им языковые средства, описывающие затронутую проблему. Например,

1) используемая лексика, особенно оценочные прилагательные (*beautiful – ugly, polite – rude, friendly – unfriendly*);

2) слова, несущие в своем значении либо отрицательные коннотации (*to shout – орать, to tear away – отторгнуть, to appropriate – присвоить, a bore – зануда*), либо положительные (*to leap up – воспрять, enthusiastically – восторженно, to partake – вкушать*);

3) интенсификаторы (*too much – so much*), например, *too much attention* – явно негативное отношение;

4) смысловое использование артиклей (*a Mr. Brown*).

III. Фоновые знания читателя. Собственное отношение к проблеме.

Фоновые знания по проблеме могут быть получены из предшествующего жизненного опыта: либо читатель непосредственно сталкивался с проблемой, либо читал о ней, либо смотрел передачу по телевидению. На практике это самый интересный пункт плана, т.к. здесь сталкиваются множество мнений, основанных на личном опыте, сталкиваются различные мировоззренческие позиции. Происходит буквально всплеск спонтанной речи, поскольку завязывается дискуссия и необходимо отстаивать свое мнение. Соответственно, в данном случае следует обеспечить студентов необходимыми в данной ситуации языковыми средствами:

In fact, I happened to come across this problem while… Actually, I've got my own life experience on the problem… As far as I remember I've read on the problem in mass media/watched the TV program one day...

Однако может случиться так, что студентам не приходилось иметь дело с описываемой проблемой. Следует убедить студентов, что в этом случае лучше не молчать, а честно признаться:

Frankly speaking I have never come across the problem. Shame but I haven't got any idea/opinion on the point. I've got absolutely limited knowledge on the problem...

Опыт анализа и структурирования текстовой информации описанным выше образом оказывается чрезвычайно полезен студентам как при подготовке докладов, презентаций, так и при написании разного рода отчетов в их дальнейшей трудовой деятельности.

Литература

1. Dictionary of Contemporary English. 6-th edition. Pearson Longman. 2014.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб.: Изд-во «Искусство-СПб». 1994.
3. Grellet F. Developing reading skills: a practice guide to reading exercises. CUP. 1981.
4. Нестерова О.А., Черенкова Н.И., Живоденко И.В. Обучение анализу информации текста. СПб.: Изд-во СпбГУЭФ. 2004.

References

1. Dictionary of Contemporary English. 6-th edition. Pearson Longman. 2014.
2. Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture. SPb.: Izd-vo «Iskusstvo-SPb». 1994.
3. Grellet F. Developing reading skills: a practice guide to reading exercises. CUP. 1981.
4. Nesterova O.A., Cherenkova N.I., Zhivodenko I.V. Obuchenie analizu informacii teksta. SPb.: Izd-vo SpbGUJeF. 2004.

Barinova I.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Perm National Research Polytechnical University,
Nesterova O.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Saint-Petersburg State University of Economics

TEACHING TEXT LOGICAL STRUCTURE ANALYSIS

Abstract: the article deals with a number of strategies of teaching text analysis and logical structuring in rendering. Six logical models of textual information organisation are presented.

Keywords: analysis, information, model, rendering, structuring, text

Алибекова П.М., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН

ИРАНСКО-ДАГЕСТАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ АБДУРРАХИМ ТАЛИБОВ: ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Аннотация: статья посвящена 105-летию со дня смерти иранско-дагестанского писателя-просветителя Абдуррахима Талибова. Произведения писателя сыграли ключевую роль в благородном деле пропаганды и распространения образования, которому была отдана его жизнь. С привлечением большего количества архивных документов показана меценатская и просветительская деятельность Абдуррахима Талибова в Дагестане.

Ключевые слова: иранско-дагестанские культурные связи, просветительство, Абдуррахим Талибов

11 марта текущего года исполнилось 105 лет со дня смерти крупного писателя-просветителя Абдуррахима Талибова (1834-1911). Полное имя писателя Мирза Хаджжи Абдуррахим ибн Абу Талиб наджжар-е Табризи, родился в г. Тебризе, в Иранском Азербайджане, в семье плотника. В сер. XIX в. с волной эмиграции он из Ирана попадает в Россию, а именно в Дагестан. Трудное экономическое положение в стране вынуждало жителей Ирана уходить на заработки в качестве сезонных рабочих. По официальным данным, в 1891-1905 гг. на Кавказе было зарегистрировано от 15 до 62 тыс. отходников из Ирана [1, с. 33, 34]. В Дагестане четверть всех рабочих в промышленности и в транспорте составляли иранцы [2, с. 210]. Многие иранцы осели в Дагестане, обзавелись семьями, приняли российское подданство. Первоначально А. Талибов жил в Тифлисе, работал у иранского эмигранта Мухамамада Али-хана Кашани из рода Шейбанидов. Он работал в качестве подрядчика на постройке дорог и обслуживал почтовый тракт: Ростов–Ставрополь–Георгиевск–Пятигорск–Владикавказ. В Дагестан А. Талибов приезжает в конце 60-х годов, когда здесь началось строительство железной дороги [3]. Местом постоянного жительства он избирает город Темир-хан-Шуру, административный центр Дагестанской области. Здесь он прожил более 50-ти лет, нашел дом, друзей и те условия, которые позволили ему реализовать свои творческие замыслы и заняться просветительской деятельностью. Абдуррахим Талибов вел в Дагестане большую просветительскую и благотворительную деятельность. Мы знаем из материалов Центрального государственного архива Республики Дагестан, что им были приложены огромные усилия для популяризации научных знаний участием в открытии школ нового типа и составлением учебной литературы. Ему принадлежит большая заслуга в открытии и в последующем материальной поддержке Темир-хан-Шуринской женской гимназии. Он внес значительный вклад в основание женской гимназии в Темир-хан-Шуре. В ЦГА РД в деле Темир-хан-Шуринского реального училища Дагестанской области нами обнаружено примечательное письмо. Автограф в полтора страницы от 16 апреля 1896 г. является заявлением «персидского подданного муллы Абдул-Рахима Талибова в Попечительский совет Темир-хан-Шуринской прогимназии». В нем говорится: «Осведомившись о том, что в непродолжительном времени предполагается преобразовать вверенную попечениям Совета женскую прогимназию в семиклассную прогимназию и обеспечить таковую помещением, постройкой необходимой для сего здания на собственные средства, которыми, однако, Совет еще не располагает, я, сочувствуя вообще делу просвещения и в ознаменование священного коронования Его императорского Величия Государя Императора Николая Александровича, прошу принять от меня посильное пожертвование в размере 500 рублей единственно на образование капитала для возведения в городе Темир-хан-Шуре собственного здания для женской гимназии с тем, чтобы до начала работ имеющийся быть прирост на жертвующую сумму был бы приобщаем к этой сумме и не был бы расходуем, как и сама капитальная сумма, ни на какие другие нужды гимназии». Под заявлением стоит подпись Абдуррахима Талибова – «Мулла Абдул Рахим Талибов» [4]. Он ратовал за открытие таких школ повсеместно на Кавказе. А. Талибов был почетным членом попечительских советов учебных заведений и благотворительных обществ г. Темир-хан-Шуры Дагестанской области. В 1896 г. А. Талибов был избран членом Попечительского Совета Темир-хан-Шуринской прогимназии [5], в дальнейшем почетным членом Дагестанского Попечительского совета Темир-хан-Шуринской гимназии, в которой работал до 1910 года включительно. В связи с постройкой в г. Темир-хан-Шуре женской гимназии в газете «Кавказ» [6] появилась большая статья об этом событии. В 1901 г. состоялась торжественная закладка фундамента здания, при которой среди других членов Попечительского совета гимназии, многочисленных граждан, присутствовал А. Талибов.

Как отмечается в статье «… по желанию члена Попечительского совета гимназии господина Талибова было отслужено богослужение по обряду Алиева учения, пред которым господин Талибов произнес краткую речь о значении этого торжества и после которого председатель Попечительского совета А.С. Узбашев и члены совета К.С. Соловьев и господин Талибов, а также совершавший богослужение ахунд положили в углу здания по камню, по обычаю господин Талибов под них положил по золотой монете» [7].

А. Талибов также состоял постоянным членом Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области [8]. С 1899 г. А. Талибов являлся членом Темир-хан-Шуринского Попечительского комитета тюрьмы [9, с. 22, 23], был избран членом ревизионной комиссии и заведующим по хозяйственной части тюрьмы [10, с. 180]. Архивные документы данного Попечительского комитета показывают, что на каждом заседании вышеназванного органа рассматривается ходатайство А. Талибова о выделении средств на нужды арестантов, а в ряде случаев он вкладывает собственные средства. Помимо всего этого Абдуррахим Талибов являлся членом Темир-хан-Шуринского отдела Российского общества Красного Креста [11] и членом Статистического комитета Дагестанской области [12]. Он принимал активное участие в организации библиотеки при комитете, сделав благотворительный взнос книгами и деньгами. По желанию А. Талибова часть его денег была израсходована на приобретение книг, а часть хранилась в государственной сберегательной кассе при казначействе [13].

Абдуррахим Талибов пользовался огромным уважением среди местного населения. Булач Гаджиев в своей книге «Ворота в горы Дагестана» приводит следующее воспоминание одного из старожилов г. Буйнакска: «А. Талибов был одним из почетных гостей, когда в городе проходили какие-либо торжества. Его почитали больше, чем самого губернатора. Объяснялось это, скорее всего, тем, что Талибов считался очень начитанным и много знавшим человеком. Он писал книги на своем родном языке. Имя его было окутано какой-то таинственностью» [14, с. 180].

Несомненный интерес представляет среда, в которой формировалось сознание Абдуррахима Талибова и проявился его талант писателя, публициста и общественного деятеля. «Реальная картина такова, что XIX и начало XX вв. Дагестана представлены неповторимым богатством и многообразием гуманистического художественного наследия, огромным множеством прославленных поэтов и признанных мыслителей, принадлежащих к рационалистическим и просветительским течениям, к романтическому и реалистическому творческому направлениям, к революционно-демократическому и освободительному этапам художественного сознания» [15, с. 9]. Тесные дружеские и творческие отношения связывали Абдуррахима Талибова и дагестанских писателей-просветителей и ученых Гасана Алкадари, Абусуфьяна Акаев, Исмаила из Шулани. Абдуррахима Талибова знали и почитали в Дагестане не только его современники. Показателен тот факт, что известный даргинский прозаик Ахмедхан Абу Бакар (1931-1991) вводит в свой роман «Манана» – произведение, посвященное событиям, происходившим на Кавказе в период становления Советской власти, образ дочери Талибова [16, с. 313]. Как сказано в аннотации, автор использовал в работе множество неизвестных прежде архивных документов, знакомство с которыми позволит читателю по-новому взглянуть на события тех далеких лет.

Абдуррахим Талибов прожил в Дагестане большую часть своей жизни. Здесь он написал все свои произведения: художественную прозу, публицистику, стихи. Первая книга Абдуррахима Талибова «Сафине-йеТалиби йа кетаб-е Ахмад» («корабль Талибова или книга Ахмеда») написана для детей. Книга в двух томах издана в Стамбуле соответственно в 1893 и 1894 гг. и является замечательной детской книгой, написанной в форме живого диалога между отцом и его маленьким сыном. О назначении этого сочинения автор пишет так: «Книга содержит полезные сведения об открытиях науки и техники с целью дать необходимые знания по физике, биологии, химии, астрономии, географии. Она может послужить фундаментом для дальнейшей учебы» [17, с. 3]. В учебных целях Абдуррахимом Талибовым составлены книги для детского образования, переведены трактаты по физике, химии, астрономии, истории ислама. Прогрессивный мыслитель, ратовавший за развитие науки и техники, за использование научных достижений на благо народа, Абдуррахим Талибов первым условием процветания народа считал широкое распространение образования. Находясь в Дагестане, Абдуррахим Талибов не переставал думать о своей Родине. Он был и всегда оставался истинным патриотом. Сочинения А. Талибова, его статьи, письма видным иранским политикам, писателям сыграли важную роль в период подготовки первой иранской буржуазной революции 1905–1911 годов.

В 1907 г., как известно, А. Талибов был избран депутатом первого иранского меджлиса (парламента). Он ездил в Баку на встречу с депутатами от Иранского Азербайджана. Однако в работе меджлиса А. Талибов участия не принял. Он

был одним их активных сторонников и пропагандистов конституционного движения в Иране.

А. Талибов скончался 11 марта (26 февраля по старому стилю) 1911 г. и похоронен в г. Буйнакске (бывш. Темир-хан-Шура) на мусульманском кладбище. На могиле А. Талибова высится памятник из серого камня, высота которого 3 м. 41 см. Памятник сохранился в хорошем состоянии. Стела со всех сторон украшена изящным восточным орнаментом и надписями на арабском языке. Дата смерти четко просматривается: месяц раби‘ ал-аввал 1339/26 февраля 1911. После смерти писателя о нем появилось множество публикаций в прессе Дагестана, Кавказа, России, Ирана и др. стран. В общественно-политическом журнале «Молла Насреддин», который издавался в Тифлисе на азербайджанском языке, напечатана часть завещания А. Талибова. Он завещал крупные суммы денег на постройку больницы в Темир-хан-Шуре, женской школы в Тегеране, гимназии в Тебризе, иранской школы в Темир-хан-Шуре. Суммы, вырученные от издания его книг, А. Талибов завещает на постройку приюта для сирот в Темир-хан-Шуре [18, с. 3]. Завещание А. Талибова – лучшая нравственная характеристика этой выдающейся личности – просветителя, гуманиста, благотворителя.

Реальная действительность, большая и содержательная творческая жизнь и общественная деятельность Абдуррахима Талибова в Дагестане дает нам основание видеть в его лице крупного деятеля национальной культуры, достойно представляющего одновременно и Иран, и Дагестан.

Литература

1. Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. 354 с.

2. История Дагестана: в 4 т. М., 1968. Т. 2. 368 с.

3. Дагестанские областные ведомости. №38. 6 марта, 1911.

4. ЦГА РД Ф. 76. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 115. Темир-хан-Шуринское реальное училище Дагестанской области.

5. ЦГА РД Ф. 21. Оп. 1. Д. 18; Оп. 3. Д. 7, 18, 34, 62, 63, 67, 72. Дагестанский областной статистический комитет.

6. Темир-хан-Шуринская женская гимназия (к истории женского образования на Кавказе) «Кавказ». №271; 274. 15,18 октября 1901.

7. «Кавказ», № 271, 15 октября 1901.

8. ЦГА РД Ф. 21. Оп. 3. Д. 62. Л. 106; Д. 72. Л. 11.

9. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 год. Типография В.Н. Сорокина. 1901. 257 с.

10. ЦГА РД Ф. 2. Оп. 2. Д. 209. Журнал №2; 4; 6. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области (Темир-хан-Шура); Кавказский календарь на 1897 г. Тифлис, 1898. 599 с.

11. ЦГА РД Ф. 2. Оп. 2. Д. 211. Л. 4, 5.

12. ЦГА РД Ф. 21. Оп. 5. Д. 10. Л. 9, 11; Д. 11. Л. 20. Дагестанский областной статистический комитет.

13. ЦГА РД Ф. 21. Оп. 5. Д. 7. Л. 9.

14. Гаджиев Б.И. Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966. 197 с.

15. Гамзатов Г.Г. Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. Махачкала, 1990. 310 с.

16. Абу-Бакар Ахмедхан. Манана. М., 1990. 477 с.

17. Абдуррахим Талибов. Сафине-йе Талиби йа кетаб-е Ахмад.
Стамбул, 1893. 243 с.

18. «Молла Насреддин». Новости Кавказа. Тифлис, 1911. № 21. (ملّا نصرالدّين. قفقاز خبرلى. تفليس،١٩١١.شمارۀ ١١. ص.٣.)

References

1. Gods M. Reza. Iran v XX veke. Politicheskaja istorija. M., 1994. 354 s.

2. Istorija Dagestana: v 4 t. M., 1968. T. 2. 368 s.

3. Dagestanskie oblastnye vedomosti. №38. 6 marta, 1911.

4. CGA RD F. 76. Op. 2. Ed. hr. 3. L. 115. Temir-han-Shurinskoe real'noe uchilishhe Dagestanskoj oblasti.

5. CGA RD F. 21. Op. 1. D. 18; Op. 3. D. 7, 18, 34, 62, 63, 67, 72. Dagestanskij oblastnoj statisticheskij komitet.

6. Temir-han-Shurinskaja zhenskaja gimnazija (k istorii zhenskogo obrazovanija na Kavkaze) «Kavkaz». №271; 274. 15,18 oktjabrja 1901.

7. «Kavkaz», № 271, 15 oktjabrja 1901.

8. CGA RD F. 21. Op. 3. D. 62. L. 106; D. 72. L. 11.
9. Pamjatnaja knizhka i adres-kalendar' Dagestanskoj oblasti na 1901 god. Tipografija V.N. Sorokina. 1901. 257 s.
10. CGA RD F. 2. Op. 2. D. 209. Zhurnal №2; 4; 6. Kanceljarija voennogo gubernatora Dagestanskoj oblasti (Temir-han-Shura); Kavkazskij kalendar' na 1897 g. Tiflis, 1898. 599 s.
11. CGA RD F. 2. Op. 2. D. 211. L. 4, 5.
12. CGA RD F. 21. Op. 5. D. 10. L. 9, 11; D. 11. L. 20. Dagestanskij oblastnoj statisticheskij komitet.
13. CGA RD F. 21. Op. 5. D. 7. L. 9.
14. Gadzhiev B.I. Vorota v gory Dagestana. Mahachkala, 1966. 197 s.
15. Gamzatov G.G. Dagestan: istoriko-literaturnyj process. Voprosy istorii, teorii, metodologii. Mahachkala, 1990. 310 s.
16. Abu-Bakar Ahmedhan. Manana. M., 1990. 477 s.
17. Abdurrahim Talibov. Safine-je Talibi ja ketab-e Ahmad.
Stambul, 1893. 243 s.
18. «Molla Nasreddin». Novosti Kavkaza. Tiflis, 1911. № 21. (ملّا نصرالدّین. یخ برل ق ف قاز. ۱۱ ص. ۳.) ۱۹۱۱س،یتـ فل ۀ شمار

Alibekova P.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Research Officer,
Institute of Language, Literature and Art Dagestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences

IRANIAN-DAGESTANI WRITER-ENLIGHTENER ABDURRAHIM TALIBOV: THE MAIN STAGES OF LIFE PATH

Abstract: the article is devoted to the 105th anniversary of the death of Iranian-Dagestani writer and enlightener Abdurrahim Talibov. The writer's works have played a key role in the noble cause of the promotion and dissemination of education, which his life was given to it. The article, based on the archival documents, shows the educational and charitable activities of Abdurrahim Talibov in Dagestan.

Keywords: iran-dagestan’s cultural relationships, enlightenment, Abdurrahim Talibov

Аль-Ханаки Д.А-Н., аспирант,
Российский университет дружбы народов

ПРИНЦИПЫ ТРАНСМЕДИЙНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Аннотация: цель статьи – ознакомить с широко дискутируемой в западных и мало известном в отечественных медиаисследованиях явлении «трансмедийности». В статье описаны свойства трансмедийных проектов и принципов, на которых они строятся.

Ключевые слова: трансмедийное повествование, мир истории, сериальность, распространяемость, миросоздание, мир произведения

В современной науке термин «трансмедийное повествование», или «трансмедийный сторителлинг» (transmedia storytelling), как правило, применяют к процессу создания таких тематических конструкций (thematic formations) [14], или циклов, которые, во-первых, состоят из множества относительно самостоятельных субсерий или историй (фрагментов), объединенных одной «вселенной» (storyworld). При этом нарратив должен быть спроектирован таким образом, чтобы а) допускать новые данные о героях, б) допускать введение совершенно новых персонажей, в) допускать новое развитие сюжета; г) не дублировать с помощью других медиа уже раз пережитый опыт (т.е. создавать уникальный опыт), г) избегать противоречий. Во-вторых, создаются и распространяются с помощью различных специализированных технологических средств (медиа).

Чтобы узнать содержание цикла, заинтересованный читатель/слушатель/зритель должен собрать, подобно пазлам, воедино рассредоточенные на многочисленных платформах фрагменты и реконструировать «не только порядок событий, но и их пространственно-временной контекст (окружающую среду), пропущенный через определенную перспективу» [8]. Так, желающим познакомиться с сюжетом всей франшизы «Звездных войн» придется, как минимум, посмотреть 7 полнометражных фильмов, 3 телефильма и 2 анимационных сериала, прочитать 363 романов, несколько сот повестей, рассказов и комиксов, 6 энциклопедических серий и художественных альбомов, прослушать 6 аудиороманов, стать постоянным читателем 28 журналов и слушателем радио программы, сыграть в несколько десятков компьютерных и ролевых игр и тому подобное.

В 2009 г. Генри Дженкинс, основоположник в изучении «трансмедийного повествования» попытался еще раз объяснить, что является и что не является таковым. С этой целью он тезисно сформулировал «семь основных принципов трансмедийного повествования» [12]: растекаемость vs. углубляемость (spreadability vs. drillability), преемственность vs. множественность (continuity vs. multiplicity), погружение vs. экстрагируемость (immersion vs. extractability), мирсоздание (worldbuilding), сериальность (seriality), субъективность (subjectivity) и перформативность (performance). Он расставил их в такой именно последовательности, хотя и оговорился, что каждый из этих принципов требует дальнейшего изучения. Однако нам кажется, что по прошествии нескольких лет, после множество написанных за это время работ, ясности в понимании, что собой представляют принципы трансмедийного повествования, не прибавилось. Нам кажется, что пришло время, во-первых, дать характеристику каждому из них, и, во-вторых, установить в каких иерархические отношения между ними.

Как подчеркивают большинство исследователей, трансмедийной повествование – это процесс создания вымышленной вселенной. Поэтому главным принципом, из которого выходят все остальные, нужно считать – миросоздание.

Миросоздание подразумевает отношения между повседневным пространством аудитории с пространством, предметами и персонажами, изображенными в истории. Академик Д.С. Лихачев указывал на то, что в своем произведении автор творит пространство, обладающее своеобразными «географическими» свойствами (реальными или воображаемыми), время, в которых развертывается сюжет, «психологическую среду» и ее социальное устройство. Пространство произведения может быть «большим, охватывать ряд стран (в романе путешествий) или даже выходить за пределы земной планеты (в романах фантастических и принадлежащих к романтическому направлению), но оно может также сужаться до тесных границ одной комнаты» [6, с. 75]. Время может течь быстро или медленно, непрерывно или дискретно, охватывать большие периоды или маленькие. Психологическую среду истории формируют персонажи, которым свойственны «особый тип реакции на внешние события, особая аргументация и особые ответные действия на аргументы антагонистов», что, в свою очередь, влияет на логику развития сюжета, причинность или «беспричинность» событий [6, с. 76]. Таким образом, мы имеем дело с внутренне замкнутой и обладающей собственными закономерностями системой, кото-

рую принято называть «внутренним миром» произведения [6, с. 74].

Трасмедийная история – это история не о персонажах, а мире, постоянно расширяющейся Вселенной, вмещающейся в себя множество мировисторий. Она должна быть достаточно прочна, чтобы адаптировать и ассимилировать множество медийных форматов, взаимосвязанных персонажей и сюжетов, допускать «широкое пространство альтернативы» и выдерживать «довольно резкие изменения под влиянием креативного порыва» [4]. Поэтому любая трансмедийная вселенная строится на сочетании трех фундаментальных принципов: радикальной интертекстуальности, мультимодальности и коллаборативной культуры.

Радикальная интертекстуальность подразумевает намеренное и целенаправленное формирование ассоциаций между двумя или несколькими текстами с целью создания нового содержания «…из элементов старых форм, которые расчленяются наподобие того, как расчленяется живая речь на отдельные слова и обороты, чтобы послужить материалом для создания чего-то нового» [3, с. 57], т.е. создание ряда производных произведений по мотивам одного или нескольких уже существующих. При этом речь идет не только, и даже не столько о ремейках типа «Пиноккио» Карло Коллоди vs. «Буратино» А.Н. Толстого, сколько о так называемом «текстуальном браконьерстве», при котором оригинальный текст рассматривается как база для создания широчайшего спектра историй, как «пластилин, из которого можно вылепить все, что угодно. Можно растянуть границы, можно инкорпорировать в текст собственные ожидания, можно переориентировать персонажей так, чтобы они лучше соответствовали личным представлениям фаната о том, как "правильно"» [13, с. 156].

Под мультимодальностью подразумевается практика, позволяющая взаимодействовать различным медиа, с учетом присущих им технических возможностей и нарративных средств, для создания единого культурного артефакта – истории. Поскольку различные медиа создают и поддерживают свойственные только им типы повествования, элементы истории, главным образом персонажи, вынуждены выйти за пределы тех медиа, к которым изначально были привязаны, и адаптироваться к другим медиа, тем самым создавая, с одной стороны, наиболее полное представление об истории, с другой, «единое и скоординированное развлечение».

Если в классическом, традиционном, повествовании аудитория знает фактически все о мире произведения, прочтя всего лишь одну книгу или посмотрев один фильм («Война и мир», «Унесенные ветром» и т.д.), то в трансмедийной истории прочтение/просмотр каждого эпизода воспринимается уже «не как сорокапятиминутное развлечение, но как удаление с общей картины альтернативного мира еще одного белого пятна» [4]. Как замечает Дженкинс, «чтобы в полной мере окунуться в атмосферу вымышленного мира, потребители должны взять на себя роль охотников и собирателей, разыскивая фрагменты истории на разных медийных платформах, сверяя свои сведения со сведениями других в дискуссионных группах, сотрудничая, чтобы, в конце концов, обогатить свой опыт развлечения» [11, с. 21].

В социокультурном аспекте трасмедийный мир выполняет две функции: культурного аттрактора и культурного активатора [11, с. 96]. Как культурный аттрактор, трасмедийный мир помогает людям объединяться в сообщества по интересам. Как культурный активатор предоставляет эти сообществам занятие: с одной стороны дает так называемый энциклопедический импульс – желание классифицировать элементы мира и интерпретировать события, исследовать пространство, прогнозировать возможные варианты развития сюжетов и т.д. – так появляются экспертные сообщества (knowledge community), с другой, поощряет креативность – создание любительского контента, расширяющего мир истории. Побуждая пользователей соучаствовать в создании «вселенной», такая история, формирует устойчивую эмоциональную привязанность и совершенно новый тип взаимоотношений аудитории с миром истории.

Следующая группа принципов фокусируется на том, как история рассказывается и доставляется до потребителя. Вопрос ставиться буквально так, какими свойствами должна обладать истории, чтобы заставить аудиторию тратить время и энергию на поиски фрагментов, рассеянных по множеству медиаплатформ.

Сериальность – принцип, определяющий структуру трасмедийной истории. Как указывает Даниэль Куэня: «Всякий семиотический объект, наделенный нарративной доминантой, имеет структуру, способную производить семиотический продукты, выступающие в качестве расширений и модуляций по отношению к исходному» [5]. Отсюда следует, что сериальность, во-первых, вполне закономерное явление в литературе и искусстве, а, во-вторых, как мы уже говорили, существовала с незапамятных времен. Самые популярные у аудитории истории всегда имели продолжения. Так, например, уже в средневековье возникли многочисленные легенды и романы о короле Артуре и его рыцарях или русские былины романы, связанные между собой центральными героями и сюжетно дополняющие друг друга. В XVII-XIX веках наибольшую популярность приобрели серии

произведений одного или нескольких авторов, которые вступают друг с другом в линейные временные отношения. В науке такие серии принято делить на две категории: последовательные – когда продолжение пишет сам автор исходного произведения, к этой категории можно отнести, например, романы А. Дюма о мушкетерах и Генрихе IV, и континуальные – когда продолжения создаются другими авторами «на основе нарративной программы, эстетической системы, созданных и актуализируемых в исходном тексте» [5]. Ко второй группе можно отнести подложное продолжение Дон Кихота, написанное неким Алонсо Фернандесом Авельянедой, или романы-продолжения «Унесенных ветром». Тем не менее, в основе обеих этих категорий лежит линейная связь, и поэтому они могут быть использованы для заполнения пробелов, обнаруживаемых в хронологии сюжета.

Позже появился иной тип сериала – циклы автономных и сюжетно несвязанных между собой произведений на общую или близкую тематику. Это, прежде всего, детективные и шпионские серии Конан Дойла, Агаты Кристи, Яна Флеминга и т.д. Аудитории не нужно читать всю серию для того, чтобы у нее сложилось адекватное представление об одном из ее эпизодов.

В трансмедийном повествовании сериальности, как явствует из его понятия и предыдущих принципов, отличается тремя очень важными особенностями. Во-первых, серии представляют собой не просто отдельные самостоятельные эпизоды, но эти разрозненные эпизоды к тому же создаются с помощью различных медиаформатов.

Хочется еще раз подчеркнуть разницу между трансмедийными историями и кроссмедийными, или адаптациями. Основное отличие заключается в том, что в первом случае мы имеем дело с расширением нашего понимания сути истории, за счет введения в нее новых сюжетов, в то время как в адаптации один и тот же сюжет с минимальными изменениями переводится во все возможные медийные форматы. «… Я думаю, мы можем согласиться с тем, что «Гамлет» Лоуренса Оливье – это адаптация, тогда как «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Тома Стоппарда расширяет оригинальный шекспировский сюжет за счет рефокализации второстепенных персонажей пьесы» [12]. Поэтому фильмы и компьютерные игры серии «Властелин колец» и «Гарри Поттер» не являются трансмедийными.

Во-вторых, эти серии представляют собой сложный синтез линейных продолжений и автономных циклов. Серия из 41 книг Терри Пратчетта о Плоском мире логически разбита на подциклы «Волшебники и герои», «Ведьмы», «Тиффани», «Смерть», «Городская стража», «Монахи истории», «городские службы» и «Фон Липвиг». При этом, произведения из разных циклов, хотя и не имеют явных хронологических отношений, связаны между собой персонажами, ситуациями и событиями. Отсюда следует, что в трансмедийных историях, утрачен линейный нарратив, в том смысле, в каком его традиционно понимали, - рассказ, упорядоченное изложение событий. Потому что, во-первых, сегодня мы больше не имеем, благодаря компьютерным и мобильным технологиям, единой платформы, куда могла бы стекаться и храниться информация. А, во-вторых, по большей части мы ежедневно сталкиваемся с потоком данных, за которыми сложно уследить и уж тем более полностью усвоить.

В-третьих, сериальность в трансмедийном повествовании предполагает порционную подачу информации, что возбуждает креативную активность аудитории: «в ожидании новой серии или нового сезона он может экспериментировать с собственным даром предвидения, добавляя в свою жизнь остроты посредством сравнения своих предположений с очередными фазами оригинала; может осмысливать и обыгрывать каждый отдельный кусок» [4].

Субъективность – «позиция, с которой рассказывается история или с которой воспринимается событие истории героем повествования». В повествовании, таким образом, обнаруживается два субъекта: тот, кто рассказывает о событиях, и тот, кто воспринимает события, происходящие в пространстве истории. Если рассказ не ведется от первого лица, то эти два субъекта не совпадают.

Поскольку одним из основных принципов трансмедийного повествования является сериальность, то развитие мира истории предполагает использование разнообразных подходов. Можно, например, расширять «географическое» пространство мира истории или ее хронологические рамки, а можно предложить альтернативный взгляд на развитие событий, изменить рассказывающий или воспринимающий субъект с главных героев на второстепенных персонажей или третьих лиц. Разнообразие точек зрения требует создания дополнительных произведений, так называемых спин-офф (spin-off). На российском телевидение, например, ярким примером такого «побочного произведения» является отпочковавшийся от «Универа» сериал «САШАТАНЯ».

Сравнение и сопоставление нескольких точек зрение, субъективных восприятий одного и того же события вызывает, с одной стороны, более длительный и интенсивный интерес аудитории, а с другой, желание активно участвовать в создании Вселенной истории.

Преемственность vs. Множественность подразумевают две различные интерпретационные стратегии: следование канону или создавать альтернативный мир. Т.е. вопрос стоит о том, насколько версия, написанная с точки зрения какого-нибудь второстепенного персонажа, следует исходному, каноническому, тексту.

Преемственность подразумевает требование согласованности, непротиворечивости всех фрагментов истории между собой, их связность и узнаваемость. Здесь, вероятно, целесообразно будет вспомнить концепцию американского социолога Эрвинг Гофмана о «первичных рамках» (primary frameworks). Согласно ей реакция индивидуума на познаваемое событие, скорее всего, будет ограничена рамками или схемами интерпретации. Таким образом, рамки (фреймы) - это «способность практического сознания «собирать» мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля» [2]. Иначе говоря, практическое сознание, в соответствии со сформированными предыдущим опытом ожиданием, будет игнорировать не вписывающиеся в канон стороны истории, в то же самое время подчеркивая другие.

Разнообразие же предполагает вариативность: альтернативную точку зрения на события и героев истории. Этот принцип в большей степени отвечает чаяниям аудитории как минимум расширить свой опыт и участвовать в создании истории наравне с профессионалами. Например, в последние время некоторые издательства для увеличения объема продаж начали выпускать романы в стиле мэшап, сюжеты которых представляют собой смешение персонажей и/или локаций различных литературных произведений. Так появляются романы «Гордость и предубеждение и зомби» Сета Грэма-Смита – синтез 85% оригинального текста Джейн Остин с зомби-хоррором и восточными единоборствами, «Разум и чувства и гады морские» Бена Уинтерса и его же «Андроид Каренина» роман-мэшап в стиле стимпанк, начинающийся фразой «Все исправные роботы похожи друг на друга, все неисправные роботы неисправны по-своему».

В последнее время набирают невероятную популярность «журналистские комиксы» – графические романы, основанные на реальных событиях, документах, интервью. Например, в 2012 г. французский художник Игорь Тувери выпустил книгу комиксов «Российские тетради», посвященных современной России и убийству журналистки «Новой Газеты» Анны Политковской. С другой стороны, читатели ожидают, что даже в документальных графичесих романах, персонажи будут вести себя, как и полагается героям комиксов. Так в одном из эпизодов книги комиксов-репортажей о израильско-палестинском конфликте «Палестина» (1993), родоначальником жанра американского художника и журналиста Джо Сакко, где автор разговаривает с молодой сексопильной израильтянкой об оккупированных территориях и праве палестинцев вернуть их, читатели ожидали увидеть романтическую сцену. К их разочарованию, такой сцены в графическом романе не было.

Итак, мы подошли ко второй группе принципов, указывающих на отношения трансмедийного повествования с аудитории. Если трансмедийная вселенная является, с одной стороны, культурным аттрактором, а с другой, культурным активатором, она будет привлекать пользователей, возбуждать в них желание каким-то образом взаимодействовать с контентом.

Погружение vs. экстрагируемость. Оба эти принципа отвечают за очевидные отношения между историей и повседневным опытом аудитории. Принцип погружения является не чем иным, как эффектом присутствия, дающим возможность аудитории окунуться в мир истории, стать его частью. Он уже давно используется в туризме, например, одна из популярных экскурсий по Москве «Романтическое путешествие по следам романа «Мастер и Маргарита» предлагает участникам посетить все локации булгаковского романа. В тематическом парке «Волшебный Мир Гарри Поттера» (Орландо, Флорида, США) можно зайти в магазины и рестораны, упомянутые в книгах Дж. Роулинг, попробовать сливочное пиво и шоколадных лягушек, прокатиться на Хогвартс–экспрессе и т.д. Совершенно недавно НАСА предоставило любому желающему отправиться в виртуальное путешествие по Марсу, трехмерная модель поверхности которого, создается на основе снимков и данных марсохода Curiosity.

Принцип экстрагируемости касается возможности переноса элементов мира истории в пространство повседневной жизни аудитории. И здесь мы уже имеем дело с настоящей франшизой, состоящей не только из медиапродукции (фильмы, аудио видеозаписи, компьютерные игры, книги, комиксы и т.д.), но и сувениров (футболки, кружки, ручки, брелоки и т.д.) и немедийных товаров (как, например, все то же сливочное пиво, сахарные перья, разноцветные драже Берти Боттс с «самым разным вкусом» из Мира Гарри Поттера).

Растекаемость vs. углубляемость – это два принципа, определяющие уровень вовлеченности аудитории в процесс повествования. Как указывает доцент Миддлберийского колледжа (Вермонт, США) Джейсон Миттелл, существуют два вектора вовлеченности пользователей в историю: горизонтальный и вертикальный [15]. С одной стороны, событие настолько значимо для аудитории, что

пользователи начинают рассказывать о нем своим знакомым в социальных сетях, блогосфере, на форумах, в чатах и т.д. – таким образом, информация, как бы растекается по многочисленным вебресурсам. Так, за две недели после взрывов на Бостонском марафоне в Интернете было распространено более 166 тыс. ссылок на хештэг #bostonmarathon. В этом и заключается суть горизонтального вектора вовлеченности пользователей в освещение события. С другой стороны, эти события подталкивают пользователей «копать глубже»: комментировать, оценивать, искать упущенные детали, скрытые мотивы и связи. В этом и заключается вертикальная вовлеченность пользователей в освещение событий. Здесь надо, правда, заметить, что в распространении истории участвует гораздо больше пользователей, чем в анализе, курировании контента и проверке информации.

Таким образом, растекаемость подразумевает активное участие аудитории в распространении медиаконтента по социальным сетям, благодаря чему увеличивается его экономическая стоимость и культурная ценность. Углубляемость указывает на способность истории вовлечь аудиторию в процесс повествования, заставить «копать глубже», чтобы разобраться в сложностях и хитросплетениях сюжета. При этом одна история может обладать потенциалом растекаемости при полной неспособности заставить аудиторию «глубже копать», а другая обладает высоким потенциалом к проницаемости и низким – растекаемости [15]. И, по всей в вероятности, сравнении с углубляемостью в трансмедийном повествовании растекаемость имеет первостепенное значение. Если история не распространяется, то она теряется в информационном потоке и умирает. Сознательное распространение медиаконтента пользователями социальных сетей делает его видимым и доступным для потенциально заинтересованных в дальнейшем сотрудничестве людей [16].

Перформативность в контексте трансмедиа – актуализация функции культурного активатора: обеспечение возможности аудитории сотрудничать и со–участвовать в создании трансмедийной истории. По мнению медиаисследователя Джона Фиске, любая аудитория, тем или иным образом, вовлечена в творческую переработку объектов массовой культуры [9], создавая так называемый пользовательский контент (UGC). Иногда создание пользовательского контента поощряется правообладателями. В 2011 г. известный кинорежиссер Пол Верховен объявил в Интернете о намерении снять фильм полностью на основе краудсорсинга. С этой целью он создал сайт и предложил всем желающим снять трехминутный фильм, выложить его на сайте на всеобщее обсуждения, а затем признанные лучшими видео станут частями единого фильма «Опыт развлечения» (Entertainment Experience). Премьера фильма состоялась 24 сентября 2012 г. в Амстердаме. Чаще же UGC создается несанкционированно, но со временем их начинают причислять к корпусу произведений, составляющих вселенную. Сегодня уже как бы мир Средиземья немыслим без произведений Н. Перумова, «Чёрной книги Арды» Васильевой и Некрасовой или фильма «Охоты на Горлума» (The Hunt for Gollum).

Итак, главная цель трансмедийного повествования – создание возможного мира, Вселенной, которая строится на принципах радикальной интертекстуальности, мультимодальности и коллаборации. Принцип радикальной интертекстуальности лежит в основе таких свойств трансмедийного повествования, как сериальность, которая во многом базируется на субъективности, и преемственность. Коллаборация стимулирует развитие погружения, которое в свою очередь влияет на формирование таких свойств, как распространяемость и проницаемость; вместе с мультимодальностью дает толчок к формированию экстракции и перформативности.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии/ Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1064 – 1112. url: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm

2. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гоффмана // Социологический журнал, 2001. №3. С. 18.

3 Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Изд-во «Высшая школа», 1989.

4. Горалик, Линор. Как размножаются Малфои. Жанр «фэнфик»: потребитель масскультуры в диалоге с медиа-контентом // Новый Мир. 2003. №12. url: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/goralik-pr.html

5. Козлов Е.В. Серийность в паралитературе: интратекстуальные образования и издательские серии/ Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс: Сб. науч. трудов. М.: "Азбуковник", 2003. С. 201 – 211. url: http://ec-dejavu.ru/s/Serial.html

6. Лессинг Г.Э., Гамбургская драматургия. М.-Л.: Academia, 1936.

7. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. №8. С. 75. url: http://psujourn.narod.ru/lib/lih_inworld.htm

8. Татару Л. В. Когнитивная логика нарратива // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. №.9. С. 38. url: http://topreferat.znate.ru/docs/index-61206.html?page=16

9. Эко, Умберто. Заметки на полях «Имени розы». М.: Астрель, Corpus, 2012 url: http://philosophy.ru/library/eco/zametki.html

10. Fiske John. The Cultural Economy of Fandom/The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media, Lisa A. Lewis (ed.), Routledge, Softcover. 1992. P. 30.

11. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. NYU press, 2006.

12. Jenkins H. Revenge of the Origami Unicorn: Seven Core Concepts of Transmedia Storytelling." //HenryJenkins. org. 2009. url: http://henryjenkins.org/2009/12/the_revenge_of_the_origami_uni.html, http://henryjenkins.org/2009/12/revenge_of_the_origami_unicorn.html

13. Jenkins H. Textual poachers: Television fans and participatory culture. Routledge, 2012.

14. Lemke J.L. Textual politics: Discourse and social dynamics. Taylor & Francis, 2005.

15. Mittel J. To Spread or to Drill? //Just TV (Jason Mittel). 2009. T. 25. url: http://justtv.wordpress.com/2009/02/25/to-spread-or-to-drill/

16. Usher Nikki. Why spreadable doesn't equal viral: A conversation with Henry Jenkins// Nieman Journalism Lab. NOV. 23, 2010. – url: http://www.niemanlab.org/2010/11/why-spreadable-doesnt-equal-viral-a-conversation-with-henry-jenkins/

References

1. Aristotel'. Pojetika. Ob iskusstve pojezii/ Aristotel'. Jetika. Politika. Ritorika. Pojetika. Kategorii. Minsk: Literatura, 1998. S. 1064 – 1112. url: http://philologos.narod.ru/classics/aristotel_poe.htm

2. Batygin G.S. Kontinuum frejmov: dramaturgicheskij realizm Irvinga Goffmana // Sociolo-gicheskij zhurnal, 2001. №3. S. 18.

3 Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika. M.: Izd-vo «Vysshaja shkola», 1989.

4. Goralik, Linor. Kak razmnozhajutsja Malfoi. Zhanr «fjenfik»: potrebitel' masskul'tury v dialoge s media-kontentom // Novyj Mir. 2003. №12. url: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/12/goralik-pr.html

5. Kozlov E.V. Serijnost' v paraliterature: intratekstual'nye obrazovanija i izdatel'skie serii/ Massovaja kul'tura na rubezhe XX-XXI vekov: Chelovek i ego diskurs: Sb. nauch. trudov. M.: "Azbukovnik", 2003. S. 201 – 211. url: http://ec-dejavu.ru/s/Serial.html

6. Lessing G.Je., Gamburgskaja dramaturgija. M.-L.: Academia, 1936.

7. Lihachjov D.S. Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedenija // Voprosy literatury. 1968. №8. S. 75. url: http://psujourn.narod.ru/lib/lih_inworld.htm

8. Tataru L. V. Kognitivnaja logika narrativa // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2008. №.9. S. 38. url: http://topreferat.znate.ru/docs/index-61206.html?page=16

9. Jeko, Umberto. Zametki na poljah «Imeni rozy». M.: Astrel', Corpus, 2012 url: http://philosophy.ru/library/eco/zametki.html

10. Fiske John. The Cultural Economy of Fandom/The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media, Lisa A. Lewis (ed.), Routledge, Softcover. 1992. P. 30.

11. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. NYU press, 2006.

12. Jenkins H. Revenge of the Origami Unicorn: Seven Core Concepts of Transmedia Storytelling." //HenryJenkins. org. 2009. url: http://henryjenkins.org/2009/12/the_revenge_of_the_origami_uni.html, http://henryjenkins.org/2009/12/revenge_of_the_origami_unicorn.html

13. Jenkins H. Textual poachers: Television fans and participatory culture. Routledge, 2012.

14. Lemke J.L. Textual politics: Discourse and social dynamics. Taylor & Francis, 2005.

15. Mittel J. To Spread or to Drill? //Just TV (Jason Mittel). 2009. T. 25. url: http://justtv.wordpress.com/2009/02/25/to-spread-or-to-drill/

16. Usher Nikki. Why spreadable doesn't equal viral: A conversation with Henry Jenkins// Nieman Journalism Lab. NOV. 23, 2010. – url: http://www.niemanlab.org/2010/11/why-spreadable-doesnt-equal-viral-a-conversation-with-henry-jenkins/

Al-Khanaki J.A-N., Postgraduate,
Peoples' Friendship University of Russia

THE PRINCIPLES OF TRANSMEDIA STORYTELLING

Abstract: the article attempted to revise and specify a basic principles of transmedia storytelling, which are broadly discussed in media researches abroad and rarely mentioned in Russian media studies.

Keywords: transmedia storytelling, storyworld, spreadability, immersiveness, seriality

Гладилин Н.В., доктор филологических наук, доцент,
Литературный институт им. А.М. Горького

РОСТКИ ПОСТГУМАНИЗМА В РОМАНЕ А. КОРОЛЕВА «ЭРОН»

Аннотация: в романе Анатолия Королева «Эрон» ставит многие вопросы, характерные для гуманистической русской литературы, но прибегает к арсеналу средств философии постгуманизма, низводя человека с пьедестала «венца творения» и рассматривая его как существо, устремленное не только к добру, но и ко злу. Королев проблематизирует добро, эстетизирует порок, увеличивает масштаб рассмотрения земных событий, проводит параллели с достижениями точных наук и кладет в мировоззренческую основу романа постгуманистическую философию М. Хайдеггера. Но мировоззрение самого Королева ближе к трансгуманизму, так как ценность личности в «Эроне» обусловлена сверхличностными ценностями.

Ключевые слова: Анатолий Королев, «Эрон», постгуманизм, добро, зло, масштаб рассмотрения, Мартин Хайдеггер, трансгуманизм

Исполинский по объему, грандиозный по замыслу роман Анатолия Королева «Эрон» поставил в тупик многих критиков и исследователей. Пугала несомненная претенциозность романа, его безотчетное стремление стать вехой, маркером заметного поворота в истории литературы. Этому способствовало и то, что выход журнального варианта романа пришелся на разломные времена, совпав с закатом советской империи и сущностной ревизией мирового порядка. Эпоха понимала себя с приставкой пост-: постисторическая, постмодернистская, постгуманистическая.

Как постгуманизм понимают суть наступившей эпохи самые разные современные русские писатели – от Вик. Ерофеева и В. Сорокина до В. Пелевина и П. Крусанова, традиционно причисляемые к постмодернистам. Насколько Королев постмодернист – вопрос спорный. Например, авторитетный критик А. Агеев считал, что этот автор – «редкий, может быть, единственный из современных русских писателей, который наследует не по прямой – то есть не реализму, не модернизму, не XIX и не XX веку, а рационалистической литературе эпохи Просвещения, в каковую эпоху писатели не столько живые человеческие образы создавали, не столько жизнь “отражали”, сколько решали с помощью кое-как, плоскостно намалеванных образов сложнейшие нравственно-философские уравнения» [1, с. 205]. Итак, Агеев считает Королева наследником просвещения. А что может быть более враждебным постмодернизму, чем просвещение с его антропоцентризмом и метанарративным потенциалом? Действительно, в «Эроне» следует видеть текст не столько постмодернистский, сколько постгуманистический или вернее, демонстрирующий явные ростки постгуманизма.

Единого, устраивающего всех определения, что такое постгуманизм, до сих пор не дано. Некоторые приводит Е.А. Сакирко: «В Интернете можно встретить разное понимание «постгуманизма». Осознание мировоззрения, пришедшего на смену гуманизму, иногда представлено как желание человека выйти за пределы своего естества. «Постгуманизм» – это «вышедшие из-под контроля обезумевшие искусственные интеллекты, искусственные конечности, наркотики, киберпространство и кремниевые люди» («постгуманизм» как последствие – как то, что наступило после - неограниченной веры в прогресс гуманизма?). Или, например, «постгуманизм» – это новое бытие некого нового существа, рожденного из соединения человека с машиной («постгуманизм» как будущее гуманизма – как дальнейшее развитие гуманизма в эпоху «пост»?). А возможно, «постгуманизм» – это просто «потеря веры в декларацию Запада о величии человека» [4]. В любом случае постгуманизм низводит человека с пьедестала венца творения и привносит в его природу нечеловеческие элементы. Но главное – постгуманизм выводит из центра мироздания автономного самодостаточного субъекта, наследуя ницшеанской проповеди «сверхчеловека».

Конечно, произведение Королева не лишено интереса к индивидуальной человеческой судьбе, сочувственного изображения мук униженных и оскорбленных. Но тональность королевского гуманизма в корне отлична от тональности гуманистической русской литературы XIX века, той, что «вышла из гоголевской «Шинели». Поступки героев, выбранные словно специально для морально-этической оценочной квалификации, в конечном счете, характеризует авторская безоценочность, известная безжалостность и бесстрастность по отношению к героям и их судьбам.

Многие из этих героев прямым текстом формулируют свое кредо, свою житейскую философию, которая вновь и вновь выглядит бесчеловечной, антигуманной.

«Только насилие над другим позволяет человеку стать тем, что он есть на самом деле, только власть! и всласть! Какой бы гадкой и ужасной ни была твоя честная подлинность, ты должен следовать ей во что бы то ни стало…» – примерно так думал о себе – во втором лице – один молодой человек по имени Филипп…» [3, с. 75].

«Только отсутствуя в жизни, только избегая всего человеческого, слишком человеческого, можно остаться неуязвимым в себе, а значит, в конце концов – человеком…» – приблизительно так обращался к себе еще один молодой человек того времени по имени Адам…» [3, с. 84].

«Только наказание, каким бы жестоким оно ни было, делает тебя человеком, только кровавое бичевание плоти…» – примерно так рассуждал еще один молодой человек утонувшего времени, в августе 1979 года, умирая в пустыне» [3, с. 439].

И даже самый симпатичный из этих героев, повзрослев, подводит итог прожитых лет такими словами: «Человеческое – только лишь китайская лужица цвета с пятнами надушенных птиц на иероглифах розовой вишни, и плавает эта лужица на волнах мрака» [3, с. 369].

Гуманизм самого Анатолия Королева подчеркнуто «неклассичен». «Человеческое» для Королева прежде всего синоним «беззащитного», «уязвимого», «беспомощного». Правда, в нем он прозревает источник парадоксальной силы. Это нагляднее всего демонстрируется на примерах моряка, выпавшего за борт и окруженного акулами, а также пассажирки самолета, упавшей с пятитысячеметровой высоты – обоим удалось остаться целыми и невредимыми, в результате чего автор заключает: «беззащитность – неуязвима» [3, с. 364], «беспомощность неуязвима» [3, с. 847]. Но эти высказывания многократно опровергаются описаниями массовых катастроф и индивидуальных смертей, которые релятивизируют их, относят в область чудесного, сверхъестественного. Скорее, эпизоды с моряком и авиапассажиркой призваны показать несостоятельность каузальных объяснений хода вещей, триумф иррационального.

Автономный субъект в романе Королева проблематизирован, текуч, не окончателен. Показательна линия Антона Алевдина, который проходит череду инициатических испытаний, оказывающихся в результате бредом воспаленного воображения пациента психиатрической больницы. Однако, онтологический статус событий, произошедших с Антоном, однозначно не прояснен, намеренно запутан. Идентичность действующих лиц истории Антона остается мерцающей, диффузной. Нарушают представления об автономии, самоидентичности субъекта и случаи редупликации персонажей, обретение ими мифологических двойников. Так, инфернальная самка Лилит Пирр в конце своей сюжетной линии отождествляется с богиней Тиамат, которая призвана родить темного шумерского бога Мардука, убивающего своим рождением мать и открывающего античеловеческую перспективу дальнейшего хода истории. В то же время Адам Чарторыйский отождествляется со святым Христофором, но эта временная идентификация «не закрепляется», «мерцает». Дестабилизации идентичностей служит и изменение статуса реальности по мере развертывания романного повествования. Начинаясь как банальный реалистический роман, «Эрон» постепенно являет развоплощение реальности, полное смешение различных онтологических уровней, когда убогий дурачок становится неотличим от Божьего вестника, а невиданный зверь – от многоумного толкователя философских систем.

«Эрон» представляет читателю целую галерею карикатур на человека, физических и моральных уродов. Даже один из умнейших персонажей романа, Франц Бюзинг, добровольно принимает обличье урода, понимая, что нормальность и тем более – красота – обречены. Правда, наряду с «темными» персонажами населяют мир «Эрона» и «светлые» - таковы, например, недалекая, нищая духом Ева и способный к сочувствию и сопереживанию Адам. Но их роль являет себя как сугубо страдательная, оба они, что характерно, кончают свою романную жизнь тем, что на долгие годы засыпают – сюжет и история продолжают вершиться без них. Любимая же героиня Королева, Надин Навратилова в конце романа внемлет городскому сумасшедшему, именующему себя то ангелом, то Аггелом (то есть падшим ангелом) и, по сути, в ее активе единственный истинно человечное деяние – избавление от недуга слепого недоумка, и этот эпизод не имеет никаких последствий для романного сюжета, оставаясь частным случаем.

Почти все главные герои романа (кроме Филиппа) – провинциалы, на собственный страх и риск приехавшие в столицу и пытающиеся найти в ней свое место. При этом крайне важен образ Москвы в романе – это своеобразная столица зла, Молох, перемалывающий в своем чреве людские судьбы. Именуемая в романе по-разному, но одинаково зловеще («Метроград», «Вавилон», «Левиафан», «Мавсол») она являет собой торжество античеловеческого, всячески подчеркивается ее антигуманная природа, сочетание имперского величия со смрадом скопления клоак. Как пелось в популярной песне 90-х годов, это – «город, кото-

рый не чувствует боли и не щадит никого». «Мифологическая модель хронотопа Москвы, - отмечает Е.Н. Чащинов, - мыслится автором в виде гигантской воронки, поднимающейся из глубин метрополитена и расширяющейся к границам Солнечной системы. В нее обречена низвергнуть себя эпоха» [7, с. 10]. Москва-воронка в романе словно всасывает в себя все наличное бытие.

Несколько страниц романа подряд отдано описанию особо изощренных зверских преступлений, совершенных в Москве «эпохи застоя» в течение небольшого периода времени – Королев подчеркивает: «Меньше всего описанное выше и ниже есть выдумки романиста, все взято из московской уголовной хроники» [3, с. 673]. Эти страницы опять же вопиют о том, что чаяния великих гуманистов прошлого не оправдались, их проповедь не услышана, в человеке, наряду с божественной искрой есть и темное, сатанинское начало, вытравить которое невозможно. И дело здесь не только в идеологическом обосновании социальной практики – в «свободном мире» также возможны античеловеческие эксцессы вроде массового самоубийства религиозных сектантов или покушений на жизнь известных персон. Человек человеку волк, а не друг, товарищ и брат. Впрочем, современный русский философ-постгуманист А.К. Секацкий бракует обе эти установки как жизненно несостоятельные и предлагает третью, характерную для специфически постгуманистической этики: «человек человеку – трамплин» [5, с. 260]. Постгуманистический человек по Секацкому лишается таких характеристик как оседлость, семейность, очерченность, превращаясь в «номада», который вечно в дороге и вечно в поиске. И герои Королева лишены дружеских привязанностей, браки между ними мимолетны, неустойчивы, они словно «отскакивают» друг от друга, прочерчивая уникальную траекторию индивидуального бытия в хаосе мироздания.

По большей же части, они отдают себя во власть необузданных плотских страстей. Но при всем разгуле сексуальной стихии, который рисуется на страницах «Эрона», его герои по большей части бесплодны. Не дают потомства Адам и Антон, гибнет ребенок простодушной Евы Ель, в финале романа автор словно забывает, что есть ребенок у его любимой Надин Навратиловой. Выживает только исчадье Лилит-Тиамат, задавая своей варварской мантрой «Ффар!» вектор последних глав романа и приуроченных к ним исторических событий: гибель империи и торжество мрака.

Находит в «Эроне» свое отражение и отмеченная Х. Ортегой-и-Гассетом модернистская «дегуманизация искусства». Многие явления, отвратительные с точки зрения этики, намеренно эстетизируются. Роман шокировал многих читателей, в том числе и профессиональных, выпуклыми картинами порока и похабства, данными то в раблезианской, то в барочной манере. Эти страницы романа следует понимать как своеобразное «сошествие во ад», низвержение героев в стихию бесчеловечного и античеловеческого. Текстильная фабрика, мясокомбинат, гинекологическое отделение больницы уподобляются по своей семантике вертепам и гнездам разврата; их назначение – калечить человека, вытравлять в нем человеческое, торить пути для всевозможных альтернатив гуманизма. Но вместе с тем к ним ко всем приложимы слова Надин о текстильной фабрике: «весь этот ужас был ужален какой-то адской гибельной красотой…» [3, с. 91].

Согласно известной формуле философа Т. Адорно нельзя писать стихи после Освенцима. Королев считает, что нельзя писать и романы, по крайней мере, традиционные гуманистические русские романы после тех исторически обусловленных тектонических сдвигов в менталитете русского народа, которые с такой пронзительностью прослежены им в одной из ключевых сцен романа – явлении Богородицы потерявшим человеческий облик обитателям российской глубинки. После сцены коллективного богохульства Богородица, оказывается, может постоять за себя, но не способна почти никого обратить ни к покаянию, ни к вере. Единственное исключение – Адам – заканчивает свою линию бессильным палладизмом, готовностью «пострадать».

Крушение человеческого, личностного в романе тесно связано с трагическим отдалением сверхличностного, божественного. Бог в романе непостижим, бесконечно сложен и бесконечно далек от человека. То, что является в финале Надин Навратиловой, предстает как серия различных взглядов на существо Творца, каждый из которых не может быть абсолютизирован и зафиксирован как окончательный.

Королев видит спасение и оправдание человека и человеческого почти исключительно в изменении масштаба его рассмотрения. А.С. Климутина отмечает: «Наука, открывшая дробность мира, размытость его контуров (одна из главных характеристик фрактала), определила глобальные изменения в картине мира и в духовном состоянии человека: мир и человек потеряли завершенность, исчезло ощущение границ, оформленности, обессмыслилось существование человека как завершенности во времени и пространстве» [2, с. 18]. Пространные пассажи в «Эроне» об устройстве

фрактальной восьмерки, строении космоса, истории родной планеты призваны подчеркнуть временность, слабость и одинокость человека, но вместе с тем – оттенить его уникальность, благородство стоящих перед ним задач. Человек бесконечно мал, но бесконечно неповторим. И залог его выживания – самотрансцендирование, устремленность к тому, что не есть вполне человек. Финальное перечисление земных звуков, записанных на диске, который установлен на летящем сквозь вселенную космическом аппарате, на последней странице графически подвергается постепенной аннигиляции, словно символизируя собой растворение людского, земного в космическом, трансперсональном.

Научные открытия последнего времени вызвали потребность в более актуальной идее, «и новая идея, – свидетельствует автор романа, – возникла: суть ее – самоохрана… нельзя не заметить, что все мы внезапно спохватились суперпроблемой окружающей среды. Экологическое понимание брошенности в бездну охватило тревожным пожаром цивилизованный мир, вид хрупкой голубой пичуги на млечной ветке бессмертного дерева дал понять, что Земля совершенно драгоценна и абсолютно неповторима. Но проблема оставленности наедине с вызовом сущего не так проста и послушна эмоциям и решениям чувств. Снимки с Луны напугали даже великого Хайдеггера; я не знаю, сказал он журналистам «Шпигеля» Аугштайну и Вольфу, испугались ли вы, - я, во всяком случае, испугался. Теперь не нужно атомной бомбы, искоренение человечества налицо. У нас сохранилось лишь чисто технические отношения. То, где человек живет теперь, – это уже не Земля» [3, с. 288].

Постгуманистическая философия Мартина Хайдеггера в вольной интерпретации автора составляет философскую основу «Эрона». Хайдеггеровская идея о выдвинутости человеческого присутствия в непостижимое Ничто лежит в основе каждой из описанных в «Эроне» индивидуальных судеб. Текстами, словно бы вышедшими из-под пера немецкого философа, разговаривает не только автор, но и его персонажи – таинственный единорог, встреченный Филиппом на охоте, отец Филиппа – партаппаратчик Билунов, друзья Филиппа, Антон Алевдин… Влагая экзистенциалистские пассажи в уста разных героев, в том числе, довольно несимпатичных, автор указывает на то, что все они в равной степени люди и все взыскуют ответа на «проклятые вопросы», перед которыми спасовал классический гуманизм.

Еще до Фуко основные положения критики гуманизма были сформулированы Хайдеггером в известном «Письме о гуманизме», в котором устанавливалась связь между гуманизмом и метафизикой: «Всякий гуманизм или основан на определенной метафизике, или сам себя делает основой для таковой. Всякое определение человеческого существа, заранее предполагающее, будь то сознательно или бессознательно, истолкование сущего в обход вопроса об истине бытия, метафизично. Поэтому своеобразие всякой метафизики – имея в виду способ, каким определяется существо человека, – проявляется в том, что она «гуманистична». Соответственно всякий гуманизм остается метафизичным» [6, с. 197]. «Философия, ставившая перед собой вслед за Хайдеггером задачу преодоления метафизики, – резюмирует М.Б. Ямпольский, – естественным образом мыслила себя антигуманистической и, насколько возможно, радикально порывала с идеей человека как автономного субъекта» [8, с. 20].

Но критика гуманизма по Хайдеггеру и его верному ученику Королеву еще не есть постгуманизм в ультрасовременном понимании. Так, Королев, казалось бы, мало внимания уделяет в своем романе достижениям научно-технического прогресса, способных революционно трансформировать человеческую природу, на страницах его романа еще не мелькают супермены и киборги. Но восторженный гимн, который он поет открытию Бенуа Мандельброта – фрактальной геометрии, магистральный лейтмотив романа – полет американского космического аппарата к пределам и за пределы солнечной системы – свидетельства того, что он в курсе вектора развития науки и техники и сообразует с ними свою концепцию человека. Отсюда – рукой подать до нарождающегося киберчеловечества эпохи развитого постмодернизма, техногенной модификации человека.

Королев останавливается на краю этой перспективы, балансируя между неизмеримостью божественного и конечностью человека. ««…Итак, кто ты, человек? Ты – голосящий ответ на падение сонорного шарика. Всплеск и ничего больше. Но и не меньше… В человеке, таким образом, слишком много божественного смысла и мало собственного» [3, с. 863]. Говоря это, Анатолий Королев однозначно придерживается не антигуманизма, а трансгуманизма, признавая, что ценность личности обусловлена наличием сверхличностных ценностей. Поэтому его можно назвать трагическим гуманистом, осознавшим пределы традиционного гуманизма в структуре бытия.

Литература

1. Агеев А. Л. Анатолий Королев: кто спит в лодке. «Знамя». 2006. №9. С. 205 – 209.
2. Климутина А.С. Проблема отцовства в романе А. Королева «Эрон» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог / ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Вып. 9: «Отцы» и «дети» в русской литературе XX века. С. 157 – 186.
3. Королев А. В. Эрон. Пермь, «Титул», 2014.
4. Сакирко Е. А. Идеи постгуманизма и трансгуманизма. http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html (дата обращения: 5.10.2016)
5. Секацкий А.К. Книга номада / Секацкий А. Три шага в сторону. Роман, эссе. СПб.: «Амфора», 2000. С. 228 – 276.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
7. Чащинов Е.Н. Роман Анатолия Королева «Эрон»: поэтика, проблематика, контекст. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пермь, 2015.
8. Ямпольский М.Б. Экспрессивность: между человеческим и машинным (неметафизическая антропология и кинематограф). НЛО №109 (3/2011) С. 20 – 36.

References

1. Ageev A. L. Anatolij Korolev: kto spit v lodke. «Znamja». 2006. №9. S. 205 – 209.
2. Klimutina A.S. Problema otcovstva v romane A. Koroleva «Jeron» // Russkaja literatura v HH veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog / red. T.L. Rybal'chenko. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. Vyp. 9: «Otcy» i «deti» v russkoj literature HH veka. S. 157 – 186.
3. Korolev A. V. Jeron. Perm', «Titul», 2014.
4. Sakirko E. A. Idei postgumanizma i transgumanizma. http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/teoriya-hudozhestvennoy-kultury/404.html (data obrashhenija: 5.10.2016)
5. Sekackij A.K. Kniga nomada / Sekackij A. Tri shaga v storonu. Roman, jesse. SPb.: «Amfora», 2000. S. 228 – 276.
6. Hajdegger M. Vremja i bytie. M.: Respublika, 1993.
7. Chashhinov E.N. Roman Anatolija Koroleva «Jeron»: pojetika, problematika, kontekst. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk. Perm', 2015.
8. Jampol'skij M.B. Jekspressivnost': mezhdu chelovecheskim i mashinnym (nemetafizicheskaja antropologija i kinematograf). NLO №109 (3/2011) S. 20 – 36.

Gladilin N.V., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Moscow Literature Institute named after A.M. Gorkiy

ORIGINS OF POSTHUMANISM IN A. KOROLEV'S NOVEL "ERON"

Abstract: the novel by Anatoly Korolev "Eron" raises a lot of issues typical for Russian literature but he resorts to the stock of means from posthumanistic philosophy. He dismounts the man from his "Lord of Creation" pedestal regarding him as a creature searching not only after good but also after evil. Korolev questions good, makes vice aesthetic, increases the scale of worldly events contemplation, draws parallels with achievements of science and takes M. Heidegger's posthumanistic philosophy as a basis for the novel. But Korolev's own world outlook is closer to transhumanism, as individual value in "Eron" is determined by transpersonal values.

Keywords: Anatoly Korolev, "Eron", posthumanism, good, evil, scale of contemplation, Martin Heidegger, transhumanism

Гутова С.Г., кандидат философских наук, доцент,
Чижевич Т.А., аспирант,
Нижневартовский государственный университет

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь духовной жизни молодежи и современных процессов глобализации. Анализируются основные проблемы молодежи, связанные с формированием новой системы ценностей, под влиянием научно-технического прогресса и новых способов коммуникации. Рассматривается воздействие СМИ и массовой культуры на внутренний мир молодого человека и на духовную жизнь поколения в целом.

Ключевые слова: духовная жизнь, духовная культура, массовая культура, глобализация, молодежь

Тема духовной жизни молодежи представляет собой предмет междисциплинарного исследования, поскольку охватывает и философско-культурологические и социально-политические проблемы современного общества. Как заметил И.М. Ильинский: Глобальные проблемы человечества и процесс глобализации имеют молодежное измерение, «молодежное лицо» [1, с. 39]. Современные ученые достаточно подробно анализируют специфику молодежи, ее место в социальной структуре общества, обращая особое внимание на содержание ее духовной жизни. Действительно для современного общества тема духовного развития молодого поколения представляет особый интерес и бесспорно очень актуальна. На молодых возлагается особая надежда, в силу того, что именно они являются ключевым звеном в современном становлении нового типа социальных взаимодействий.

К основным параметрам духовной культуры относят: высокую социальную активность личности, ее отношение к другим людям и миру в целом, возможности самореализации и творческий потенциал, индивидуальные достижения человека и его ценностные ориентации.

Сегодня уже становится очевидным фактом, что современное молодое поколение находится под воздействием процессов глобализации, информатизации и новейших способов и технологий в коммуникационной сфере. При этом необходимо учитывать, что культурная глобализация – это явление широкое по своему охвату и «проявляется оно в формировании глобализированных однородных средств массовой информации, литературы, искусства, кинофильмов, видеокассет, попкультуры, компьютеров, факсов, Интернета, повсеместного использования английского языка в качестве всеобщего средства общения, распространения наркобизнеса, незнающего границ и национальностей» [2].

Молодежь сегодня ориентирована с одной стороны на образцы массовой культуры, а с другой – стремится к индивидуальности и первоочередному удовлетворению собственных интересов. Интерпретация массовой культуры происходит в результате постоянного ее преломления через призму личных потребностей, вырастающих из новейших ценностных ориентаций, которые складываются здесь и сейчас. Часто в итоге приходится видеть и формирование новых моделей поведения адаптированных к резко меняющимся социальным условиям жизни. Молодежь в этом случае пользуется активно моделями, предлагаемыми различными субкультурными образованиями.

Особое внимание в эволюции культурной жизни молодежи имеет прогресс в информационно-коммуникационной сфере. Очевидно, что новые потребности в области общения непрерывно и существенно влияют на поведение и ценности молодежи. Именно такие формы взаимодействия в современном социуме резко отличают одно поколение от другого. Сегодня речь уже идет не только о столкновении традиционных ценностей с зарождающимися молодежными жизненными приоритетами, и даже не их противостоянии, а скорее даже об отсутствии конфликта между поколениями. Дело в том, что уходящие в прошлое ценности более не востребованы в обществе, они если и существуют, то только формально в виде лозунгов с трибуны политиков и чиновников. Опросы современной молодежи, к примеру, убедительно показывают, что дети и семья как ценность давно уступили место карьере, самореализации и материальным благам.

Прогресс невозможно остановить, и, следовательно, изменения в области духовной жизни так же неизбежны, поскольку в обществе все процессы очень тесно взаимосвязаны. Многие исследователи молодежной культуры сегодня говорят о так называемом отчуждении молодежи от традиционной духовной культуры, сокрушаясь при этом о падении нравственности, моральных устоев и в целом отмечая деградацию молодого поколения. Представляется что, это не совсем верное понима-

ние стремления молодежи адаптироваться к новым условиям существования. Современный социум ставит перед молодым человеком такие задачи, для решения которых ему необходимо отталкиваться от абсолютно новых культурных образцов, рождаемых в недрах глобальных трансформаций во всем мире. Обвинять молодежь в том, что она не такая как предыдущее поколение в этой ситуации бессмысленно, поскольку у нее существует только подобие выбора.

Таким образом, можно предположить, что в современной молодежной среде доминирующим фактором, влияющим на выбор духовных ценностей, является естественное стремление занять свою нишу в быстро меняющемся мире. Молодежь часто клеймят как поколение потребителей, не знающих подлинно духовной жизни. Однако можно заметить, что материальное потребление как главная ценность как раз более характерно для поколения сформировавшегося еще в конце XX начале XXI века, познавшего идеологический развал, ценностный вакуум, и нищету в стране. Современные дети с самого рождения в основном видят материальное изобилие если даже не в своей семье, то на прилавках магазинов. Многие подростки даже не представляют, что такое быть ограниченным в самом необходимом как, например, пища, гигиена, бытовые предметы, даже автомобиль и возможно многое другое. Поэтому имеет смысл говорить о различных факторах, влияющих на духовную эволюцию молодого поколения.

Существует вполне естественный эволюционный процесс во всех сферах человеческой жизни, в том числе и в духовной. Возможно, эти процессы отличаются по ряду параметров, но общим для них является то, что они имеют определенную цель, необратимы, их темпы ускорения все более нарастают, они вполне объективны и по-своему нейтральны в моральном отношении.

Можно согласиться с утверждением что: «Наибольшая опасность в процессах глобализации заключается в построении культуры, о которой никто не может сказать: «Это моя культура». Тем самым строится «ничья» культура, у которой нет субъекта, за которую никто не несет ответственности. Поэтому она может быть какой угодно: бездуховной, низкой, злобной, разрушающей» [3, с. 12]. Таков удел массовой культуры, результатом распространения которой становится безликость, неопределенность, то, что Ж. Бодрийяр называет «текучей реальностью». Ценности, имеющие относительный характер в таком случае уже не могут служить основой человеческого поведения, они скорее будут дезориентировать, чем направлять.

Массовая культура сама по себе не может стать основой духовной жизни, поскольку она скорее является ее антиподом. Только преодоление условий массового общества, дает человеку право называть себя личностью. Осознание этого факта играет огромную роль среди современной образованной, интеллектуально развитой молодежи. Одно дело в традиционном обществе следовать правилам, другое в условиях постоянной свободы выбора принимать правильные решения, имея такие искушения анонимности действий в современном социуме и особенно виртуальном мире, оставаться в нравственном отношении человеком. «Целое поколение молодых людей, выращенное внутри массовой культуры современного общества потребления, хорошо управляемое и склонное к конформизму, ориентированное в основном на собственные интересы не захочет, а возможно и не сможет воспринимать коллективные ценности, идею долга и приоритетности общего благополучия над частным. Гармония диалектического единства частного и общего может быть нарушена и окончательно примет сторону индивида» [4, с. 1097].

Современные исследования в разных областях науки рассматривают образование как главный показатель формирования нового глобализирующегося мира, именно в этой сфере складываются новые потребности и одновременно новые возможности для интеграции различных культур. Противоречивое положение молодежи во многом обусловлено тем, что «Сегодня, жизнеспособное поколение молодежи, с одной стороны, определяется традиционными ценностями, а с другой – требованиями к личности не только собственно переходного периода, но и того будущего состояния общества, которое предстоит молодому поколению создать и воссоздать» [5, с. 90]. В этом ключе часто поднимается вопрос о том, каким должен быть идеальный образ молодого человека в современной системе воспитания и образования, к чему необходимо стремиться сегодня молодежи? Однозначного ответа на этот вопрос нет, слишком неоднородно наше общество по всем параметрам, в том числе это касается и духовных ориентиров. Таким образом, духовные и материальные потребности современной молодежи отражают состояние российского общества и показывают сложности процесса интеграции, особенно в сфере культуры. Потребности, формируемые под влиянием глобализации более всего ориентированы на интеграцию и упрощение всех социальных связей. Можно согласиться с тем что: «Глобализация расширяет возможности человека,

предоставляет ему больше шансов для определения места приложения своих сил. Но в то же время глобализация, как показывает практика, стимулирует потребительство, эгоизм, уменьшает роль духовных потребностей, открывает дорогу массовой культуре, нивелирует и унифицирует традиции и обычаи, придает рыночный характер даже межличностным отношениям» [6, с. 149].

Социализация современной молодежи находится под влиянием, прежде всего СМИ и новейших способов коммуникации, что делает ее относительно независимой от уже сложившейся традиционной системы воспитания и образования. Многие потребности молодежи довольно существенно деформируются под влиянием насаждаемых массовой культурой образцов. Например, так формируется представление молодежи о досуге, карьере, любви, дружбе и других важных составляющих человеческой жизни. Особое значение для молодежи имеет потребность в самореализации, которая более всего находится под давлением внешних факторов и часто порождает социальную фрустрацию. Однако и в современном мире: «Высшим проявлением для человека его сущностных качеств является обретение им внутренней духовной свободы, но одновременно это не исключает его социальную связь с окружающим миром, своего рода осознанную и добровольную зависимость от определенной культурной среды, в которой он только и может получить реализацию этой свободы, найти цель и смысл своего бытия» [7, с. 28].

Глобализация продолжает менять российское общество и в первую очередь, это затрагивает духовную эволюцию современной молодежи. Особенно трудно предсказать последствия культурной глобализации, однако уже сегодня можно констатировать, что серьезной проблемой для молодого поколения становится поиск своей идентичности, и как следствие отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Необходимость создания новых ценностей, позволяющих молодым людям быстрее адаптироваться к социальным и культурным трансформациям, вынуждает молодежь искать свой собственный путь, отстаивать свои интересы, формировать новые потребности и новые способы их реализации. Именно поэтому представители старшего поколения часто утверждают, что молодежь, сегодня отрицает так называемые вечные ценности, что само по себе является спорным.

Таким образом, современный молодой человек не противопоставляет свой мир традиционной системе ценностей, он пытается преодолеть духовный вакуум общества потребления, мира фальшивых ценностей, в котором уютно себя чувствуют как раз большинство представителей старшего поколения. В современном обществе существуют как старые формы отчуждения, так и новые, которые все более настойчиво и активно проявляются в нашей повседневной жизни и это особенно отражается на мировоззрении молодежи. Задача современной молодежи найти способы преодоления этих форм отчуждения и в результате духовной эволюции вернуть себе полноценное существование и веру человека в самого себя, свои возможности.

Литература

1. Ильинский И.М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. М. : Изд-во Ин-та молодежи, Голос, 1999. С. 23 – 44.

2. Ильинский И.М. Вызовы XXI века // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков. М.: Социум, 2001. С. 16 – 26.

3. Яшкова Т.А. Роль молодежи в глобализирующимся мире // PolitBook. 2014. №3. С. 8 – 14.

4.Гутова С.Г. О будущем отечественной духовной культуры // Фундаментальные исследования. 2014. №6.– С. 1096 – 1100.

5. Аюпова А.Х. Особенности самореализации российской молодежи: социокультурный анализ // Вестник КемГУ. 2014. №3 (59). С. 88 – 91.

6. Литвинович В.Г. Культура мира как фактор социализации молодежи в эпоху глобализации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. №3. С. 149 – 152.

7. Гутова С.Г. Образование как социальный институт и его значение для современной культуры // Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАО-Югры, НВГУ: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2014. С. 28 – 35.

References

1. Il'inskij I.M. Molodezh' v kontekste global'nyh processov razvitija mirovogo soobshhestva // Molodezh' i obshhestvo na rubezhe vekov. M. : Izd-vo In-ta molodezhi, Golos, 1999. S. 23 – 44.
2. Il'inskij I. M. Vyzovy XXI veka // Molodezh' Rossii pered licom global'nyh vyzovov na rubezhe vekov. M.: Socium, 2001. S. 16 – 26.
3. Jashkova T.A. Rol' molodezhi v globalizirujushhimsja mire // PolitBook. 2014. №3. S. 8 – 14.
4. Gutova S.G. O budushhem otechestvennoj duhovnoj kul'tury // Fundamental'nye issledovanija. 2014. №6.– S. 1096 – 1100.
5. Ajupova A.H. Osobennosti samorealizacii rossijskoj molodezhi: sociokul'turnyj analiz // Vestnik KemGU. 2014. №3 (59). S. 88 – 91.
6. Litvinovich V.G. Kul'tura mira kak faktor socializacii molodezhi v jepohu globalizacii // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika. 2008. №3. S. 149 – 152.
7. Gutova S.G. Obrazovanie kak social'nyj institut i ego znachenie dlja sovremennoj kul'tury // Tradicii i innovacii v obrazovatel'nom prostranstve Rossii, HMAO-Jugry, NVGU: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2014. S. 28 – 35

Gutova S.G., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chizhevich T.A., Postgraduate,
Nizhnevartovsk State University

SPIRITUAL LIFE OF YOUTH UNDER THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract: the article examines the relationship of the spiritual life of youth and contemporary processes of globalization. The main problems of youth related to the formation of a new system of values, under the influence of scientific and technological progress and new ways of communication are analyzed. The article considers the influence of the media and mass culture on the young man's inner world and the spiritual life of a whole generation.

Keywords: spiritual life, spiritual culture, mass culture, globalization, youth

Выхрыстюк М.С., старший научный сотрудник,
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН

ДЕЛОВЫЕ СКОРОПИСНЫЕ ТЕКСТЫ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ КОНЦА XVIII В. В ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: научная статья посвящена анализу деятельности губернского правления в Сибири в конце XVIII в., а также характеристике жанрового многообразия текстов его делопроизводства.

Ключевые слова: Тобольское губернское правление, документооборот, скорописные деловые тексты, жанровое многообразие

Губернское устройство в Сибири было введено в начале XVIII в. В середине декабря 1708 г. указом Петра Великого «для всенародной пользы» были созданы восемь губерний, одной из которых и стала самая большая в стране Сибирская губерния с центром в г. Тобольске. Уже в начале века Сибирская губерния состояла из пяти провинций: Тобольской, Енисейской, Иркутской, Вятской и Соликамской с воеводами или вице-губернаторами во главе, но, как и прежде, оставалась под властью одного губернатора [Дмитриев URL: http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/9.html].

Городская реформа Петра Великого, по мнению ученых, стала крупнейшей неудачей преобразователя. Положенный в ее основу теоретический принцип разделения властей на практике оказался абсолютно невыполнимым, поэтому первую половину XVIII в. справедливо можно назвать временем расцвета поголовного взяточничества, грабежа и казнокрадства в Сибири. Эта ситуация послужила причиной масштабной перестройки государственного управления на территории Сибири во второй половине столетия при правлении Екатерины II.

Реформы Екатерины II начались с упразднения в 1763 г. Сибирского приказа, после его упразднения все делопроизводство Сибири были распределено по центральным коллегиям. Чуть позднее, в 1775 г. появляется «Учреждение для управления губерний», кардинальным образом изменившее структуру местной власти. В течение 1780-1782 гг. Тобольская провинция была преобразована в Тобольское наместничество в составе двух областей (Тобольской и Томской), вошедшее в состав Пермского и Тобольского генерал-губернаторства. Тобольское губернское правление возникло в 1796 г. в результате нового административно-территориального деления России на губернии, когда было упразднено ранее существовавшее Тобольское наместничество и возникла Тобольская губерния [Тобольская губерния. Губернские учреждения URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/].

В функции Тобольского губернского правления входило общее административное управление всей губернией, обнародование законов, указов и распоряжений Императора, Сената и других высших центральных учреждений, надзор за их выполнением, решение дел, наложение ареста на имущество по приговорам судебных органов, рассмотрение жалоб на подчиненные губернскому правлению учреждения и лица. Правление упразднено в 1895 г. в связи с передачей функций общему губернскому правлению и его отделениям [Краткий справочник по фондам филиалов государственного архива Тюменской области в г. Тобольск и г. Ишим URL: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=136&sid=179006].

Фонд №329 Тобольского губернского правления ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» содержит 20 описей, в которых по данным на 1 января 2014 года хранится 4766 ед.хр.: 25 ед.хр. находятся в розыске, 98 ед.хр. относятся к особо ценным. Лишь 3 описи содержат документы, относящиеся к концу XVIII века: №10, №13 и №15, общим объемом в 1509 ед.хр. Документы описи №10 (279 ед. хр.) охватывают период с 1797 по 1823 гг. К исследуемым временным рамкам относится лишь 14 ед.хр. (18%). В описи №13 из 915 ед.хр. для анализа подходит лишь 64 ед.хр. (81%), документы охватывают период с 1788 по 1822 гг. Опись №15 содержит 315 ед. хр., охватывающих 1793-1840 гг., и лишь одно дело (1%) относится к концу XVIII в. Таким образом, из трех описей к исследуемому периоду относится 79 ед.хр. В составе фонда находятся указания и предписания Сената, Министерства внутренних дел, генерал-губернатора Западной Сибири, Тобольского губернатора о реформе административного управления, о деятельности фабрик и заводов и др.; документальные материалы об управлении губернией, торговле и ярмарках в Тобольском крае, общие описания и статистические данные о фабриках и заводах, об урожайности хлебов и трав, о способах промысла зверя и птицы, о кустарных промыслах населения, о животноводстве, маслоделии, о ценах на товары, книги для записи купчих и закладных на продажу дворов и дворовых людей, главная книга сметных расходов Тобольского губернаторского правления; журналы заседаний Тобольского

губернского правления; прошения купцов, крестьян, воинских чинов, мещан, дворовых людей об освобождении их от крепостной зависимости и др.

Представим жанры делопроизводства Тобольского губернского правления конца XVIII в., которые по частотности употребления разделим на три группы: 1) частотные: *рапорт, письмо, ведомость, указ, запись, копія, протокол, сообщение, прошение, справка (по справке), доклад, список, предложение, свидетельство, доношение, объявленіе, ордер;*2) среднечастотные (документы, нечасто встречающиеся в делопроизводстве Губернского правления): *смета, объяснение, дело, регистр, приказ, уведомленіе, допрос, опись, выписка из дела, запрос, книга прихода и расхода денежных сумм, покорнейший ответ, представление, аттестатъ, провианта, расписание, рассуждение, щетъ, явка, отчет, записка, примерное положение;* 3) единичные: *билетъ, ведение, описание, поверка, подписка, просьба (прозба), ращетъ, счисление, учет, форма, формуляр, штатъ, экспликация.* Данный реестр показывает, что жанры официально-деловых документов на периферии России в конце XVIII в. достаточно разнообразны и многочисленны.

В соответствии с общей целевой установкой и частными задачами, которые решает автор делового письма, с учетом лингвистической содержательности исследуемых документных жанров, считаем целесообразным поделить все анализируемые документы на пять групп: 1) документные жанры, информирующие адресата (докладные документы): *выписка, деловое письмо, доклад, доношения, запись, копия, описание, ордер, ответ, подписка, примерное положение, рапорт, рассуждение, сообщение, справка, уведомление, форма*; 2) распорядительные документные жанры (содержащие приказ, направленные на решение проблемы, участие в каком-либо деле, совершению каких-либо действий): *указ, приказ*; 3) документные жанры, побуждающие к действию: *объявления, предложения, просьба, прошения*; 4) регистрационные документные жанры: *ведомость, записка, книга прихода и расхода денежных сумм, опись, отчет, поверка, провианта, расписание, ращетъ, регистр, список, смета, счисление, учет, формуляр, штат, счет (щетъ)*; 5) документные жанры, придающие юридический статус каким–либо действиям (документирование отношения между юридическими лицами, представителями администрации, с одной стороны, и отдельными гражданами, с другой): *аттестат, билет, ведение, дело, допрос, запрос, объяснение, протокол, представление, свидетельство, экспликация, явка*.

Таким образом, деятельность губернского управления в Сибири в XVIII в. отличалось определенной спецификой. Удаленность и обширность края, его открытость на еще не устоявшихся границах, продолжавшийся процесс колонизации, специфичный этнический и сословный состав населения – все это требовало перманентного расширения полномочий губернаторов. Принцип универсализма в управлении Сибирью проводился последовательно на протяжении всего XVIII в. В рамках «регулярного государства», построенного Петром I и его преемниками, Сибирь постепенно теряет специфику своего населения и образа жизни, а со времени правления Екатерины II уже мало чем отличается от любых регионов европейской части страны. Но процесс этот был еще далеко не завершен, что порождало ряд проблем, которые пришлось решать уже в XIX в., на пороге перехода России к индустриальной цивилизации [Дмитриев URL: http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/9.html].

Литература

1. Фонд №329 (И 329). Тобольское губернское правление. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске».

2. Дмитриев А.В. Механизмы государственного управления в Сибири XVIII века. [Электронный ресурс]. Спецкурс «Сибирь в составе Российского государства в XVII-XVIII вв». Режим доступа: http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/9.html

3. Губернские учреждения [Электронный ресурс]. Википедия. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/

4. Краткий справочник по фондам филиалов государственного архива Тюменской области в г. Тобольск и г. Ишим [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=136&sid=179006

References

1. Fond №329 (I 329). Tobol'skoe gubernskoe pravlenie. GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske».

2. Dmitriev A.V. Mehanizmy gosudarstvennogo upravlenija v Sibiri XVIII veka. [Jelektronnyj re-surs]. Speckurs «Sibir' v sostave Rossijskogo gosudarstva v XVII-XVIII vv». Rezhim dostupa: http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/9.html

3. Gubernskie uchrezhdenija [Jelektronnyj resurs]. Vikipedija. Rezhim dostupa: http://ru.wikipedia.org/wiki/

4. Kratkij spravochnik po fondam filialov gosudarstvennogo arhiva Tjumenskoj oblasti v g. Tobol'sk i g. Ishim [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=136&sid=179006

Vykhrystyuk M.S., Senior Research Officer,
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

BUSINESS SHORTHAND TEXTS TOBOLSK PROVINCIAL GOVERNMENT LATE XVIII CENTURY IN THE HISTORICAL-PHILOLOGICAL ASPECT

Abstract: the paper is devoted to analysis of the activities of the provincial government in Siberia at the end of the XVIII century, as well as the characteristics of the genre diversity of its proceedings texts.

Keywords: Tobolsk provincial board, workflow, business shorthand texts, genre variety

Цховребов А.С., преподаватель,
Санкт-Петербургское суворовское военное училище
Министерства обороны Российской Федерации

МЕТОДИКА ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ-ОСЕТИН

Аннотация: в статье представлены методы и приемы, которые являются наиболее эффективными в решении задач активного развития речевой деятельности и практического овладения русским языком учащимися осетинской школы, нацелены на совместную деятельность учителя и учащихся, направлены на решение дидактических задач обучения, а также способствуют становлению речевой коммуникации учащихся-осетин при работе над сложным предложением, что является конечной целью методики организации работы по совершенствованию связной речи школьников.

Ключевые слова: сложносочиненное предложение; методы и приемы; общедидактические принципы

В лингвометодической литературе не сложилось единого мнения в определении приемов и методов обучения, но считается общепризнанным, что в создании эффективной и рациональной методической системы развития русской связной речи для школ с осетинским составом учащихся одним из определяющих факторов является установление основных принципов ее построения.

Современные условия развития школы в системе организации работы по ССП на первый план выдвигают коммуникативную цель обучения русскому языку как основную в работе учителя и учащихся, так как данная система «выполняет свою роль в формировании определенного коммуникативного умения» [2, с. 15], способствует овладению теми знаниями, умениями, которые приводят к формированию у учащихся навыков активного владения языком в целях коммуникации и при восприятии, и при создании собственного высказывания в любых речевых ситуациях.

В системе обучения ССП наиболее рациональными и продуктивными считаются следующие ведущие общедидактические принципы обучения – **принцип научности, сознательности и активного усвоения знаний, систематичность и последовательность, связь теории с практикой, преемственность и перспективность, доступность, учет индивидуальных особенностей учащихся, учет особенностей родного языка и принцип воспитывающего обучения** – позволяют создать систему последовательных действий учителя, способствующих организации познавательной и практической деятельности учащихся по приобретению определенного круга знаний.

Данные принципы дидактики, на основе которых построена наша методическая система, считаются наиболее эффективными, на них строится вся система обучения, обеспечивающая коммуникативно-деятельностный подход в обучении русскому языку нерусских учащихся.

Вслед за Шхапацевой М.Х. мы считаем, что «в овладении вторым языком важным условием является соблюдение общедидактических принципов, которые реализуются в лингводидактике с учетом данных русской лингвистики, соотношения русского и родного языка» [6, с. 19].

В системе обучения сложносочиненному предложению в старших классах мы использовали методы и приемы, которые являются наиболее эффективными и играют важную роль в решении задач активного развития речевой деятельности и практического овладения русским языком учащимися осетинской школы, способствуют совместной деятельности учителя и учащихся, направленные на решение дидактических задач обучения.

При проведении обучающего эксперимента нами применялись следующие методы: 1) методы практического изучения языка – овладение учебным материалом на основе упражнений, самостоятельных заданий, практических работ, формирующие практические умения и навыки; 2) методы теоретического изучения; 3) методы теоретико-практического изучения языка.

Из теоретических и теоретико-практических методов наиболее успешно нами использовались **беседа** и **разбор**.

Метод **беседы** предполагает в нашей системе разговор преподавателя с учениками. Выступая как средство управления и контроля за развитием проблемной ситуацией «она обеспечивает наиболее своевременное предъявление и включение в речевую тренировку новых лексических и грамматических единиц» [1, с. 16]. Беседа организуется с помощью тщательно продуманной системы вопросов, постепенно подводящих учеников к усвоению системы фактов, нового понятия или закономерности. Часто использовался в работе метод **эвристической**

беседы, в ходе применения которого использовались не только приемы постановки вопросов (основных, дополнительных, наводящих и др.), но и приемы обсуждения ответов и мнений школьников, приемы корригирования ответов, приемы формулирования выводов из беседы, что способствует эффективному усвоению учащимися функций изучаемых синтаксических единиц. С помощью наводящих вопросов учителя и под его руководством учащиеся отыскивают возможные ответы на проблемные вопросы и приходят к пониманию уместности употребления сложносочиненного предложения в различных стилях речи.

Одним из составных компонентов беседы в нашей системе работы является **метод разбора,** способствующий пониманию языкового явления и включающий определенные требования к теме и содержанию изучаемого языкового материала. Данный метод формирует у учащихся умение строить суждение в процессе наблюдения над конкретной языковой единицей, является методическим средством последовательного и систематического развития дедуктивного мышления школьников.

Применение названного метода наиболее эффективно при анализе текстов, относящихся к различным стилям речи и имеющих в составе сложносочиненные предложения, требующих обязательного стилистического разбора.

Для анализа языковых единиц разных уровней во взаимосвязи и взаимодействии применялся **исследовательскоий метод,** суть которого заключается в использовании научного подхода к решению той или иной учебной задачи, в организации поисковой, познавательной деятельности учащихся путём постановки учителем познавательных и практических задач, требующих самостоятельного творческого решения. Данный метод обусловлен тем, что организует творческий поиск и применение знаний, обеспечивает осознание учащимися связей и отношений между языковыми единицами, способствует овладению методами научного познания в процессе деятельности по их поиску, является условием формирования интереса к рассматриваемому материалу.

При разработке методики по развитию связной речи учащихся мы применяли следующие методы: **имитационный (обучение по образцам), коммуникативный, конструирование текста.**

Образцом для нас послужили тексты из произведений художественной литературы, учебников, разных газет и журналов. В системе обучения сложносочиненному предложению работа по образцу как один из способов развития познавательной активности учащихся представляет собой не простое заучивание и воспроизведение текстов, содержащих сложносочиненные предложения в составе, а предусматривает необходимые элементы анализа (рассказ, деление структуры текста на смысловые отрезки, сочинение по аналогии с прочитанным, ответы на вопросы по содержанию текста и т.д.) и синтеза (установление смысловых и грамматических связей между составными частями текста, пересказ по плану и т.д.).

При обучении говорению на неродном языке должно формироваться правильное интонационное выражение коммуникативного намерения. Основным средством выражения коммуникативного намерения является интонация, благодаря чему «не только соединения слов, но и отдельные слова и словоформы могут приобретать значения предложений» [3, с. 15] и произношение. Имитативный метод использовался в обучении произношению и интонации по образцу произношения учителя, то есть при выполнении предложенных упражнений учащийся при выражении своей мысли использует речевой образец, который он воспринял в реплике учителя, в речи которого часто использование сложносочиненных предложений; рассказы с использованием сложных синтаксических конструкций и сочинения по прочитанному материалу, где учащимся необходимо выделить ССП из текста.

Коммуникативный метод предполагает, прежде всего, речевую направленность в процессе обучении ССП с учетом всех характеристик учащихся для создания условий общения, способствует развитию практических навыков владения русским языком в различных коммуникативных целях, предоставляет больше возможностей для проявления творчества и способностей учащихся.

В основе коммуникативного метода обучения лежит «принцип формирования коммуникативной способности в общении, для общения и через общение» [5, с. 38], который требует от учащихся мотивированного высказывания, обеспечивает целенаправленность говорения. В ходе экспериментального обучения создавались различные ситуации, вытекающие из речи или сложившиеся искусственно, целью которых явилось выявление уровня владения языковыми средствами (словосочетания, предложения, сложные синтаксические единицы) и их уместное применение в конкретных коммуникативных ситуациях.

Экспериментальное обучение мы строили так, чтобы при выполнении заданий у учащегося была

определенная речевая задача, которая им осуществлялась. Это либо условно-речевые, либо речевые упражнения (устный и письменный текст, рассказ или сочинение), способствующие становлению коммуникативной компетенции учащихся и созданию речевого партнерства.

В процессе экспериментального обучения для развития устной речи учащихся нами использовались такие методические приемы, типы заданий и упражнений, как создание речевых ситуаций «чтобы приблизить условия обучения к естественным условиям общения, надо ввести учащегося в речевую ситуацию, смоделировать ее и научить его ориентироваться в ней, т.е. ясно представлять себе собеседника, условия речи, задачи и цели общения» [4, с. 211], беседы и другие виды деятельности, которые вызывали у школьников потребность в высказываниях и помогали им в сборе материала для докладов, сочинений, заметок, сообщений, статей, писем, выступления на дискуссиях.

Создание речевых ситуаций – это один из методических приемов, позволяющих эффективно работать над развитием речи учащихся на уроке, так как любая речевая деятельность обусловлена ситуацией, то есть условиями обстоятельствами, целью, в которых осуществляется данное высказывание. Среди речевых ситуаций, складывающихся на уроке русского языка, нами также применялись ответы учащихся на вопросы по языковому материалу, упражнения, связанные с обнаружением и исправлением ошибок, доказательства, объяснения; и искусственно специально создаванные: озвучивание картинок, то есть произнесение монологов за героев, изображенных на картинке, воображаемый рассказ об увиденном кому-то из близких, когда материалом для рассказа служит содержание картинки.

В предложенной нами системе обучения использованные речевые ситуации внеязыковые (экстралингвистические) и языковые (лингвистические) рассматриваются на уровне конструирования сложносочиненных предложений (конкретная речевая ситуация) и на уровне использования сложносочиненных предложений в связных текстах (типовая речевая ситуация).

Конкретная речевая ситуация, зависимая от характера потребности, порождает следующие речевые действия: а) констатирующие (направлены на утверждение, выражения потверждения или сообщение какого-либо факта); б) отрицающие (вызывают стимулы: несогласие, отказ, возражение, отрицание); в) побудительные (вызываемые стимулами: просьба, приказ, предложение, приглашение, уговор и др.); г) вопросительные (пораждаются ситуациями, направленными на выяснение какого-либо факта или явления действительности).

Метод **конструирования** в практике работы над сложносочиненным предложением имеет немаловажное значение, заключающееся в самостоятельном составлении или подыскивании учащимися ССП или текст по предложенным моделям. Данный метод нами был реализован при помощи следующих эффективных приемов: перестройка структуры сложных предложений; выражение одной мысли в разных синтаксических вариантах; интонирование сложносочиненных предложений; анализ образцов научного, публицистического, художественного текстов; выделение признаков стилей; редактирование текста с целью совершенствования его формы; составление текстов на заданную тему в определенном стиле в соответствии с указанной коммуникативной задачей; написание сочинения-миниатюры в заданном стиле в соответствии с коммуникативной задачей.

Специфика выработки синтаксических знаний на материале сложносочиненного предложения заключается в использовании знаний, полученных учащимися на уроках русского языка при применении метода **сравнения**, с помощью которого выявляются семантико-стилистические особенности сложносочиненного предложения и синонимических ему конструкций, устанавливаются общие и специфические черты сходных явлений одного или разных языков. В нашей работе данный прием применялся в виде внутриязыкового сравнения (изучаются категории и явления одного и того же языка, что способствует значительному повышению уровня сознательного усвоения учащимися умений сопоставлять и анализировать синтаксические синонимические конструкции) и межъязыкового сравнения (система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего и особенного в сравниваемых языках).

Прием межъязыкового сопоставления осуществлялся нами для выявления интегрирующих и дифференцирующих признаков сложносочиненных предложений в русском и осетинском языках, имеющий специфику, которая определяет выбор конкретных приемов работы в полном соответствии с содержанием изучаемого материала. Данный прием активизирует учебный процесс и способствует повышению уровня усвоения изучаемого материала учащихся, в связи с чем сыграл значительную роль в разработке рациональной системы упражнений для облегченного изучения и сознательного усвоения учащимися рассматриваемых синтаксических единиц.

Одним из эффективных методических приемов

работы в системе упражнений по сложносочиненному предложению является прием **трансформации (замены)**, ориентированный на выработку у учащихся внимания как к структурной, так и к содержательной стороне изучаемых конструкций и способствующий становлению мыслительной деятельности для последующего выражения ее в устной или письменной речи.

Прием синтаксической трансформации предполагает замену одной синтаксической конструкции другой, по преимуществу синонимичной. Замена одних конструкций другими требует от учащихся творческих усилий, вдумчивого отношения к изучаемым синтаксическим явлениям и фактам, служит эффективным средством обогащения речи учащихся синонимичными конструкциями.

Данный прием позволяет уберечь учащихся от неуместного использования тех или иных синтаксических единиц, предотвращая их избыток в речи, так как позволяет сочетать задания по грамматике с работой по стилистике, рассматривая близкие по значению языковые явления, с точки зрения их употребления для более точного, ясного и яркого выражения мысли.

Продуктивным в системе работы над сложносочиненным предложением в ходе экспериментального обучения показал себя **прием редактирования,** содержание которого направлено на исправление ошибок в предложениях и текстах, специально подобранных учителем. Основная функция приема редактирования заключается в правильности и языковой четкости отбора из синонимического ряда предложенных заданий более подходящего варианта, но с учетом коммуникативных целей языка. Цель данного приема – развитие творческих умений, совершенствование речевых навыков путем критической оценки как своего речевого высказывания, так и чужого.

Названные методы обучения, на наш взгляд, являются наиболее эффективными, способствуют развитию творческих способностей учащихся, активизации их мыслительной деятельности, совершенствованию их устной и письменной речи.

Литература

1. Ветроградская Э.А. Принцип сознательности и система учебно-речевых ситуаций // Некоторые вопросы психологии обучения русскому языку как иностранному. М., 1976. С. 16.

2. Ладыженская Т.А. Упражнения по развитию связной речи // Методы и приемы обучения русскому языку: Сб. науч. трудов под ред. А.Ю. Купаловой. М., 1977. С. 15.

3. Преемственность и перспективность в обучении русскому языку: Пособие для учителя / под ред. проф. В.В.Бабайцевой и Г.К. Лидман-Орловой. М., 1979. С. 15.

4. Тихонова Е., Мамиева И.Э. Элементы коммуникативной методики при обучении простому предложению русского языка в начальной школе: Сборник научных статей и тезисов / сост. С.Е. Ногаева. Вып. 6. Владикавказ:Издательство СОГПИ, 2010. С. 211.

5. Что значит язык и владеть им / Н.М.Шанский, И.Л.Резниченко, Т.С. Кудрявцева и др. / под ред. Н.М. Шанского. Л., 1989. С. 38.

6. Шхапацева М. Х. Лингводидактические основы обучения синтаксическому строю русского языка в адыгейской школе: автореф. дис. … докт. М., 1986. С. 19.

References

1. Vetrogradskaja Je.A. Princip soznatel'nosti i sistema uchebno-rechevyh situacij // Nekotorye voprosy psihologii obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu. M., 1976. S. 16.

2. Ladyzhenskaja T.A. Uprazhnenija po razvitiju svjaznoj rechi // Metody i priemy obuchenija russkomu jazyku: Sb. nauch. trudov pod red. A.Ju. Kupalovoj. M., 1977. S. 15.

3. Preemstvennost' i perspektivnost' v obuchenii russkomu jazyku: Posobie dlja uchitelja / pod red. prof. V.V.Babajcevoj i G.K. Lidman-Orlovoj. M., 1979. S. 15.

4. Tihonova E., Mamieva I.Je. Jelementy kommunikativnoj metodiki pri obuchenii prostomu predlozheniju russkogo jazyka v nachal'noj shkole: Sbornik nauchnyh statej i tezisov / sost. S.E. Nogaeva. Vyp. 6. Vladikavkaz:Izdatel'stvo SOGPI, 2010. S. 211.

5. Chto znachit jazyk i vladet' im / N.M.Shanskij, I.L.Reznichenko, T.S. Kudrjavceva i dr. / pod red. N.M. Shanskogo. L., 1989. S. 38.

6. Shhapaceva M. H. Lingvodidakticheskie osnovy obuchenija sintaksicheskomu stroju russkogo jazyka v adygejskoj shkole: avtoref. dis. … dokt. M., 1986. S. 19.

Tskhovrebov A.S., Lecturer,
St. Petersburg Suvorov Military School

THE METHODS OF ORGANIZATION OF WORK TO IMPROVE THE LANGUAGE SKILLS OF HIGH SCHOOL STUDENTS –OSSETIANS

Abstract: the article presents methods and techniques that are most effective in the task of active development of speech activities and practical learning of the Russian language for pupils of the Ossetian school is aimed at joint activities of teachers and students aimed at solving didactic problems of learning and contribute to the formation of speech communication students of the Ossetians when working on a complex proposal, which is the ultimate goal of the methodology the organization of work on improvement of the coherent speech of pupils.

Keywords: compound sentence; methods and techniques; General didactic principles

Чукуева З.Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Чеченский государственный педагогический институт

СОБЫТИЙНО-ХРОНИКАЛЬНАЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ПРОЗА ПРОШЛОГО ВЕКА

Аннотация: статья посвящена северокавказской прозе прошлого века, событиям героико-исторической песни *илли* в частности, в «Илли о Сурхо и князе Мусосте», а также о абреческом течении.

Ключевые слова: чеченская проза, героические песни, абреческое течение, документализм, северокавказская литература, личность и народ

Наиболее крупную персонажную группу в чеченской прозе являют собой пожилые и молодые лица, разные по состоятельности (как духовной, так и классовой, так и материальной), но схожие по силе веры. Модернизация для послереволюционной прозы здесь состояла в том, что авторы рисовали портреты персонажей описательно, практически с натуры. Из саклей одиночками, парами и группами стали выходить люди и направляться к мечети. Так, у С. Арсанова они двигаются в мечеть часто в «обветшалых полушубках», будучи обязанными, возделывать землю, а их жены должны делать пеший ход в сопредельные рыночные аулы за полсотни километров, желая сбыть скопившийся блок яиц или обменять его на корку хлеба. Либо вподобным образом портретно выписанных образах коммунистов в повести «Начало» адыгский автор тех лет Дж. Налоев затронул некоторые общие социально-обусловленные качества, типичные для новых коммунистов.

Неимение у северокавказских лиц того времени субъективных личностных признаков нередко приближает их к фольклорным персонажам. З. Налоев представляет потерю у авторов «психологического проникновения в действительность» в качестве результата неумелого «обращения авторов с конфликтами в жизни» [1, с. 118]. Действительно в большинстве произведений 20-30-х гг. преимущественно отсутствуют всесторонность бытия и событийная цельность изложения в пору присутствия в полном объеме схематизма, выделяющего классовое дробление. Производимое автором усиление общественных тематик, нередко учащающиеся детали портретных изображений, рабочая, коллективная занятость героев, быт остаются неизменно идеологическими, схематическими, то есть соцреалистическими вплоть до второй половины века. В период полного и безжалостного пересмотра приоритетов, спровоцированного историческими катаклизмами с развалом СССР, данная проблематика выступила в северокавказской прозе на крупный план. Г. Гулиа, Б. Шинкуба и И. Машбаш, следовательно, в собственных романах смогли в контексте межличностных связей героев практически подсоединить судьбу своей нации, доставшуюся ему в пору радикальных трансформаций и грандиозных проверок.

Героические песни воодушевляли горцев, в т.ч. и чеченцев, на битву за собственную суверенность, но преимущественно персонажи были уготовлены в собственной битве, по завершении констатировался факт их отважной войны и неизбежной смерти. Ориентация на подлинность живописаний в чеченских песнях илли приобрела фольклорное осознание, в частности, в «Илли о Сурхо и князе Мусосте» речь ведется о противостоянии с властвующими князьями в XVI-XVII вв. Национальная новелла собрала, воспроизвела и сберегла для внуков аналогичного типа исторический, документальный субстрат. В конце XIX – начале XX вв. в Чечне было активно действенно абреческое течение, колоритным участником коего являлся почитавшийся всенародным защитником Зелимхан. Уже в предыдущие столетия сюжетика горского устного народного творчества, сказок включала такую реально присутствовавшую и часто применявшуюся модель персонального противоположения разноуровневых классов, как уход в активное одинокое существование одного из членов общества, считающего себя угнетенным и становящимся неким абреком.

Установленное и значимое пространство в литературах северокавказских народов, тем самым, неуклонно завоевала линия абречества. Настоящий напев «благородных мстителей» послышался, а затем приобрел и мощь в произведениях «Абрек», «Месть табунщика» Т. Керашева, «Зелимхан» М. Мамакаева и др. Позднее М. Мамакаев создаст роман о подобном одноименном вольнолюбивом защитнике. Следует отметить, что исторические события настоящего периода получат отображение в художественных трудах С. Арсанова, Х. Ошаева, Ш. Окуева и иных чеченских авторов. Тем неменее, сегодняшние литературоведы констатируют и вторую, изучаемую нами, грань этого явления. Так, по этому поводу исследователь национального горского эпоса С. Байрамукова отмечает: «Это – своего рода герой документальной, но слегка беллетризированной устной повести. Новелла видит сложность такого социального явления, как абречество. Если для сказки все абреки

– благородные мстители, то хабар знает и другой тип абреков – деклассированных, грабящих и убивающих всех и вся. Абречество породило сложные социально-политические проблемы. Действия абреков приносили много зла народу. Царское правительство, например, ответственность за деяния абреков нередко перекладывало на аул, из которого происходил абрек, на его близких и дальних родственников. Нередко из-за «подвигов» разбойников выжигались целые аулы» [2, с. 25]. Часто в народных сказах в ходе повествования об исторических героях имеет место подробная реальная информация о зонах их генезиса, об их родных. Невзирая на то, что в героических песнях больше достоверного, нежели выдумки, порой представители различных поколений соприкасаются в одном сюжете, а реалистические компоненты дают читателю понимание того, каким было существование кавказцев, их характеры, традиции, миропонимание и миросозерцание. И тогда уже национальные ученые уверенно утверждают, что первая северокавказская повесть возникла не на «голом месте».

Битва чеченцев в противовес приходу державной армии сообщила иную идейно-тематическую тенденцию жанру. Возникновение героико-исторической песни указывало на усугубление в устном народном творчестве общественных мотивов и влечений. Персонаж «к1анта», воюющего с князьями, видоизменяется в персонаж бойца с чужеземным пришествием. Именно в соответствии с этим древние напевы и черты начинают предназначаться энергичным позывам битвы за патриотическое освобождение. Вполне очевидным является перемещение массового внимания и благорасположения на просторные, исторически конкретные и метко «укорененные» задумки, на персоны подлинных исторических участников. Регулирующим импульсом структурной модели творения тогда и выдвигается доблестная фигура. В большинстве произведений такого типа прослеживается очевидное внимание автора к широким, исторически честным и вынесшим проверку эпохой фабулам и, в том числе, к подлинно бытовавшим хроникальным персонам. Обрисовка деяний и интересных явлений, производимых такой персоной, целиком устанавливает динамизм изложения. Образцами аналогичных достойных ратно-хроникальных песен могут считаться «Свержение княжения черкесского Кагерманабяччой Балу», «Ахмед Автурханский», «Песня о князе Мусосте и о Сурхо». Отдельные персонажи эпических песен (ТаймиевБейбулат из Майртупа, МадиевДжамирза из Чечен-Аула, БахадарМюстург из Дада-Юрта, Ахаев Темирко из Гехи, Хорочоевский Зелимхан из Хорочоя и др.) были прославленны как исторические фигуры. Песни, восхваляющие чеченских лидеров («бяччи»), достойно отличны тем, что в них воспроизведена историческая действительность и происходит предохранение национальных влечений.

В событийно-хроникальной прозе прошлого века также распространилась традиция воссоздания непосредственной хроникальной персоны как массового представителя. Именно так и происходит в отечественных произведениях России. Отечественная классика выпускает грандиозные образцы штудирования биографии человека: «Былое и думы» А. Герцена, автобиографические повести Л. Толстого, М. Горького и др. По заявлению авторов «Очерков истории чечено-ингушской литературы», центральным множителем в формировании и выковывании чечено-ингушской прозы является именно постижение богатств русской классической литературы. Истоки этого явления берут свое начало с призывов А.М. Горького. «Оборонная» тема, объявленная М. Горьким на Первом Всесоюзном съезде писателей, была энергично заимствована советскими писателями, в том числе и северокавказскими. Проблема революционной битвы населения за собственное общественное избавление приобретает самое непосредственное и значительное воспроизведение собственно в 30-е годы. Адыгскими поэтами создан ряд стихотворений и песен на эту тему. Песни «ДзэПлъыжьымсэкIо» («Иду я в Красную Армию»), «Часовой» и другие А. Хаткова, стихи «Непэ – зимэфэ49 кIыр» («Сегодня – праздник»), «Шыплъыр» («Коневод») И. Цея и прочие были сотворены именно сразу после вышеупомянутого Первого Всесоюзного съезда писателей. Вместе с тем писатели тогдашнего этапа (30-е гг. XX в.) старались, сберегая фольклорные обыкновения, созидать тексты, воспроизводящие «небывалость» героико-исторических явлений, статику и напряженность периода, запечатлевать трансформации не только социально-политического, но и частного ракурса.

Покоящиеся в костяке идейно-художественных доктрин «молодых» литератур 30-х гг. прошлого века вопросы личности и народа, человека и истории получают собственное воссоздание и в последующем движении северокавказской прозы. Настоящие творения активизировали эмоции приверженности и верности к Отечеству. Современный исследователь С.Х. Туркаев полностью верно направляет на эту истину. Он полагает, и этому нельзя возразить, что в чеченском фольклоре, например, в историко-героических песнях, уже тогда были выкованы технологии озарения хронологической реальности. Действительно, один из чеченских авторов АсламбекШерипов инициировал собственную стезю в словотворчестве с фиксации

и перевода на русский язык чеченских народных песен. Манера авторизованного перевода А. Шериповым народных чеченских песен недалека от горьковских текстов («Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике»). В числе фабульного разнообразия отличается песня «Асир-абрек», являющая собой судьбу героя-одиночки, отстраненного от социума. Авторская работа гармонично спаяла обычаи русской и чеченской прозы. Применение историко-героических текстов в качестве базы художественных произведений в чеченской литературе в то время можно считать мотивированной склонностью авторов к воспроизведению правомерного исторического социального прогресса и, соответственно, – усугублением личностной самооценки и, следовательно, – самопонимания. На этом этапе всеверокавказской (к примеру, в адыгской) литературе возникли поэмы Ц. Теучежа «Пщы-оркъзау» («Война с князьями и дворянами»), «МафэкъоУрысбый» («Урысбый Мафоко») и другие.

Северокавказская литература, как компонент советской литературы, формировалась в ее корпоративном ключе. Если из реализма новосоветской литературы изливается, к примеру, историческое жизнелюбие, то и авторы стараются отыскать безупречного персонажа в пору всеобщих модификаций. Розыски их при этом своеобразны и персональны. Они, к примеру, М. Булгаков (пьеса «Сыновья муллы», фельетоны «Грядущие перспективы», «Дань восхищения»), А. Серафимович («На Кавказе», «Кверху ногами», «Две встречи», «Базар», «Горное утро»), С. Арсанов («Мать», «Находка», «Бено», «Ожидание», «Серебристая улыбка» и т.д.) осуществляют розыск собственных задумок в радикальной битве персонажей с багажом минувшего. Так, первый карачаевский публицист и критик Ислам Хубиев, внушительный член северокавказской общественности, считается сформировавшимся в качестве литератора под влиянием русской литературной тенденции. Он рассматривал в предвоенное и, в особенности, в военное время те же тождественные вопросы, что и вся советская многонациональная проза. Его последующее созидание содействовало созреванию национальной массовой прессы и критики. Так и многие другие северокавказские, как и все советские писатели, помещаясь и работая на трудовых фронтах, созидали произведения, фиксирующие героические явления доблестной поры, творения, очерчивающие обязательный небывалый взлет советских граждан, то есть явления, образовавшие самобытную стадию выковывания северокавказской советской литературы.

Литература

1. Налоев З. Кабардинская литература 30-х годов // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. 302 с.

2. Байрамукова С.К. Поэтика новописьменного исторического романа (на материале литератур народов Северного Кавказа):дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2005.

3. Чукуева З.Н. Монография «Документ как форма художественного мышления и особенности «Малой» прозы Абузара Айдамирова». Майкоп: Издательство МГТУ. 2011. 136 с.

References

1. Naloev 3. Kabardinskaja literatura 30-h godov // Ocherki istorii kabardinskoj literatury. Nal'chik: Jel'brus, 1968. 302 s.

2. Bajramukova S.K. Pojetika novopis'mennogo istoricheskogo romana (na materiale literatur narodov Severnogo Kavkaza):dis. … kand. filol. nauk. Majkop, 2005.

3. Chukueva Z.N. Monografija «Dokument kak forma hudozhestvennogo myshlenija i osobennosti «Maloj» prozy Abuzara Ajdamirova». Majkop: Izdatel'stvo MGTU. 2011. 136 s.

Chukueva Z.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer, Chechen State Pedagogical Institute

EVENT-CHRONICAL NORTH CAUCASUS LAST CENTURY PROSE

Abstract: the article is described on the North Caucasian prose of the last century, the events of heroic historical songs *illi* in particular "Illi on Surkho and Prince Musostov", as well as abrek flow.

Keywords: chechen prose, heroic songs, abrek flow, documentalism, North Caucasian literature, identity and nation

Шарыпина Т.А., доктор филологических наук, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

РОМАН БЕРНХАРДА ШЛИНКА «ЖЕНЩИНА НА ЛЕСТНИЦЕ» В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются поэтика и проблематика романа Б. Шлинка «Женщина на лестнице»; анализ даётся сквозь призму своеобразия интерпретации в произведении традиционной экзистенциальной ситуации.

Ключевые слова: интермедиальность, интертекст, романная форма, экзистенциальная ситуация, экфрасис

Творчество Бернхарда Шлинка, одного из наиболее талантливых писателей объединенной Германии, хорошо известно российскому читателю. Роман «Женщина на лестнице» (“Die Frau auf der Treppe», 2014) был давно ожидаем читающей аудиторией и уже в сентябре 2014 занял верхнюю позицию в списке бестселлеров по версии «Шпигель». В России это произведение Б. Шлинка не получило в критике и читательской среде должного отклика. Избалованному потоком спецэффектов в кинематографе, триллерами, фэнтези, экшенами, массовыми шоу читателю показался скучным литературный минимализм сюжета и авторского стиля Б. Шлинка, в силу своей профессии юриста привыкшего к точным и недвусмысленным формулировкам. Поэтому не случайна подобная характеристика книги на читательском форуме: «Мне нередко попадаются книги, которые не могут заставить меня как читателя проникнуться историей, но чтобы я возненавидела роман и его автора с первых строк, нужно сильно постараться. Бернхарду Шлинку эта доблестная задача далась без особого труда <…> Половину книги герой посвящает воспоминаниям из своего мало интересного прошлого, во второй половине мы сталкиваемся с его прошлым лицом к лицу и вынуждены выть от тоски, читая пафосно-бессмысленные диалоги и наблюдать за этой литературной фантасмагорией» [1]. Книга Б. Шлинка адресована иному читателю. Роман написан слишком просто для начавшегося XXI века, с использованием минимума изобразительно-выразительных средств. Он адресован человеку, обладающему определенным жизненным опытом, начавшему задумываться об итогах своего жизненного пути, когда на первый план выходят вопросы экзистенциального плана. Роман Шлинка, при всём своём поэтологическом минимализме и отсутствии, на первый взгляд, глобальных философских проблем, может быть включен в ряд лучших произведений экзистенциального плана в современной литературе. Немецкая ментальность накладывает свой отпечаток на произведения литературы различных направлений. С.В. Тураев справедливо писал о своеобразии немецкого классицизма, представлявшего особую параллель к французскому, «главным отличием которого было не слепое следование правилам трёх единств, а, в первую очередь, мастерство воплощения большого этического конфликта, изображения Человека крупным планом» [2, с. 89]. Однако высокая идея Воспитания человека с большой буквы входит в приоритетные этико-эстетические коды всего гуманистического немецкого искусства. С этим связано и своеобразие художественного мира немецкого литературного экзистенциализма, представленного такими именами немецких писателей послевоенной поры, как З.Ленц, Г. Бёлль, Г.Э. Носсак, Казак Г. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что на умонастроение западногерманской общественности и творческой интеллигенции послевоенной поры повлияли не «отцы» экзистенциализма К. Ясперс и М. Хайдеггер, а их французские преемники – Ж.-П. Сартр и А Камю [3]. «Французский» вариант, утверждаемый Ж.-П. Сартром в «Мухах», импонировал западногерманской интеллигенции тем, что его Орест, не испытывая чувства вины за содеянное и продолжал своё «существование» как бы с «нулевого уровня». Однако далеко не всех немецких писателей устраивала подобная позиция. Так Г.Э. Носсаку ближе была не сартровская, а камюсовская версия экзистенциализма, связанная с традиционными гуманистическими представлениями. С этой точки зрения, Б. Шлинк является несомненным продолжателем линии Г.Э. Носсака в подходе к решению экзистенциальных вопросов. Последний роман Б. Шлинка повёрнут к человеку, обычному среднестатистическому немцу, представителю среднего класса в определенный период жизни, начинающему подводить её своеобразные, пусть не окончательные, итоги. Роман написан в добротных традициях реалистического повествования и вобрал в себя все специфические черты художественной манеры Б. Шлинка. Стилистическая, художественная простота последнего романа Б. Шлинка весьма обманчива. Это произведение

может быть прочитано интеллектуально неотягощенным читателем как повесть о нереализованных возможностях, как банальный любовный треугольник, как рассказ о несостоявшейся любви или о попытках наверстать упущенное на пороге смерти, перед уходим в Ничто загадочной героини романа Ирены Гундлах, только в последние годы своей жизни, вероятно, сумевшей обрести своё понимание смысла уходящей жизни, о попытках исправить или переписать её некоторые страницы. Б. Шлинк как бы незаметно подключается к одному из самых острых и трагических немецких вопросов, мучавших прогрессивных деятелей культуры Германии в период Второй мировой войны: о возможности нравственного возрождения человека, уже раз запятнавшего свои руки кровью, о возможности искупления своей вины путём искреннего раскаяния. В исследуемом романе, действительно, нет глобального контекста, отсутствуют и высокие рассуждения о морали и гражданском и социальном долге индивидуума перед обществом. Однако мораль общества в целом складывается из нравственно-этических установок индивидов. И в этом романе итоги размышлений о долге человека перед самим собой, складываются не менее драматично, чем во всемирно известном бестселлере Б. Шлинка «Чтец». Эта тема возникает в творчестве Б. Шлинка не только в связи с проблемой немецкой вины во Второй мировой войне. Она имеет острое современное звучание. Уже в романе «Возвращение» пунктиром, а затем в « Конце недели» на повестку дня встаёт вопрос о терроризме и о возможности подлинного раскаяния и искупления подобного проступка против человечности и гуманизма. В романе «Возвращение» нравственный релятивизм делает Иоганна Дебауера теоретиком терроризма, финал следующего произведения о вышедшем на свободу лидере ультралевой экстремистской организации «Фракция Красной армии» (РАФ) Йорге весьма неоднозначен, окончание книги «Женщина на лестнице» с этой точки зрения оптимистично. Бывшая супруга миллионера Ирена Гундлах, стихийная анархистка и участница левого крыла RAF«Фракция Красной армии», на протяжении долгих лет искупает свои заблуждения и возможную вину. Образ её так и не раскрывается до конца, сохраняя тайну. Она добровольно и безвозмездно работает медсестрой и помогает беднейшему населению отдаленных мест Австралии, а также спасает бездомных наркозависимых детей, превращая свой дом в бесплатный приют для изгоев. Ирена добровольно принимает аскетическое существование, являясь обладательницей картины стоимостью в 20 миллионов долларов. Повествование представляет собой традиционное для немецкой литературы Ich-Erzählung и идёт от имени успешного в делах адвоката. Сорок лет назад он оказывается участником трагикомической ситуации любовного тругольника между бизнесменом Петером Гундлахом, его женой Иреной – моделью эпатажной картины – и мастером концептуального искусства художником Карлом Швиндтом, разыгравшеся на первый взгляд вокруг желания каждого из них обладать картиной. Далеко не сразу читатель понимает, что не знает имени по сути центрального героя книги. Недальновидные читатели расценили это как свидетельство серости и усредненности безликого персонажа. Однако всё не так просто. Перед нами не только типичный для немецкой литературы традиция тип повествования, но и, возможно, отсылка к экзистенциальному герою Г.Э. Носсака, в художественном мире которого одиночка, "уцелевший", лишенный имени, символизирует собой аблудшее, потерявшееся человечество, уцелевшее в момент вселенской апокалипсической катастрофы. Подобной катастрофы в художественном мире Б. Шлинка нет, художественное пространство романов Б. Шлинка – это эстетически воссозданная окружающая нас действительность, герои его романов - наши современники, однако проблемы нашей обыденной жизни не делаются от этого менее трагическими, актуальными и значимыми. В этом контексте преуспевающий пожилой юрист, через сорок лет вновь окунувшийся в историю своего юношеского несостоявшегося приключения и обретающего наконец на краткий срок свою возлюбленную, находящуюся, однако, на пороге смерти и подводящую своеобразные жизненные итоги, становится не менее символическим образом, воплощающим в себе человека взыскующего смысла жизни, и, кстати, обретающего его путём горькой утраты: «Когда мы с Иреной обрели друг друга, было ясно, что это ненадолго. Однако эта правда существовала где-то вовне, а не между нами. А между нами происходило так много, сохранялось столько жизни, столько обещаний. На длинном пути вниз по лестнице стала очевидной краткость отпущенного нам времени, и сознание этого было для меня невыносимым <…> [4, с. 224]. Именно этот безымянный герой, в отличие от успешного бизнесмена и талантливого концептуального живописца обретает надежду начать жизнь заново, исправить отношения в семье и прожить отпущенные годы на новом нравственном рубеже. Именно он ближе всех подойдёт к пониманию загадочного внутреннего мира этой женщины, недоступного ни мужу, ни любовнику. При всей своей простоте композиция этой книги уникальна, поскольку кратковременная встреча Ирены Гундлах и её бывшего «храброго рыцаря» зеркально отражает начало книги, как в ленте Мёбиуса, со-

вмещая пространство и время, и делая сороколетний срок не существенным с точки зрения значимости произошедшего. Гротескная история с картиной, за обладание которой вначале так комично сражаются муж и любовник героини, оказывается своеобразным порталом в подлинную суть конфликта. Речь идёт видимо о том, что в картине Карлу Швиндту удалось передать саму неуловимую суть души героини, за обладанием которой и идёт спор. Однако если конфликт, лежащий в основе коллизии анализируемого произведения, оказался простым только на первый взгляд, не менее сложной оказывается и сама художественная структура этого произведения.

Уже само название «Женщина на лестнице» обладает высокой семантической ёмкостью. Если в своих ранее написанных произведениях Б.Шлинк интенсивно использует возможности интертекстуального смыслового поля, то в новом произведении он использует его интермедиальные аспекты, в частности в поэтике анализируемого романа широко используется приём экфрасиса в различных его формах и вариантах, прежде всего в его эмоционально-экспрессивной и сюжетообразующей функциях [5, с. 5-22; 6, с. 47-57]. Однако интеллектуально не отягощённый читатель может этого и не заметить, поскольку название «Женщина на лестнице» повествует нам о реальной женщине, изображенной спускающейся по лестнице. В качестве первоисточника сюжета картины, вызвавшей яростное столкновение героев, сам автор называет не менее скандальную и не менее загадочную картину одного из художников современной Германии Герхарда Рихтера [4, с. 253]. Обычно писатели, включающие в свою структуру экфрастические описания, используют узнаваемые классические произведения, Б. Шлинк обращается к актуальной живописи, что само по себе было определенной смелостью. Однако название отсылает нас к известной картине О. Ренуара «Женщина на лестнице», вместе с парной "Мужчина на лестнице", составлявшей декоративное панно и украшавшей лестницу парижского особняка известного издателя Ж. Шарпантье. Следуя классификации экфрасисов[7, с. 47-57], отметим, что перед нами так называемый нулевой экфрасис. В финале произведения ему соответствует немиметический экфрасис: сцена, во время которой безымянный герой помогает своей подруге в последний раз спуститься по лестнице [4, с. 224]. В нравственно-этической системе романа он имеет смыслообразующее значение, поскольку свидетельствует не только о примирении, но и о человеческом взаимопонимании, внутреннем единстве персонажей, противопоставленных парным красочным внутренне изолированным друг от друга панно Ренуара.

Литература

1. Отзывы о книге «Женщина на лестнице. Автор, а что это было? https://www.livelib.ru/book/1001391001/reviews (дата обращения: 30.10.2016)
2. Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., Наука, 1970.
3. Давыдов Ю.Н. Интеллектуальный роман и философское мифотворчество // Вопросы литературы. 1977. №9.
4. Шлинк Б. Женщина на лестнице. СПб.: Азбука, 2015.
5. Экфрасис в русской литературе:Труды Лозаннского симпозиума.М.: МИК, 2002.
6. Яценко Е.В. «Любите живопись, поэты…». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель» // Вопросы философии. 2011. №11.

References

1. Otzyvy o knige «Zhenshhina na lestnice. Avtor, a chto jeto bylo? https://www.livelib.ru/book/1001391001/reviews (data obrashhenija: 30.10.2016)
2. Problemy Prosveshhenija v mirovoj literature. M., Nauka, 1970.
3. Davydov Ju.N. Intellektual'nyj roman i filosofskoe mifotvorchestvo // Voprosy literatury. 1977. №9.
4. Shlink B. Zhenshhina na lestnice. SPb.: Azbuka, 2015.
5. Jekfrasis v russkoj literature:Trudy Lozannskogo simpoziuma.M.: MIK, 2002.
6. Jacenko E.V. «Ljubite zhivopis', pojety…». Jekfrasis kak hudozhestvenno-mirovozzrencheskaja model'» // Voprosy filosofii. 2011. №11.

Sharypina T.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor),Professor,
Nizhny Novgorod State University named after N.A. Lobachevsky

THE NOVEL OF BERNHARD SCHLINK "DIE FRAU AUF DER TREPPE" AS A PART OF THE GERMAN EXISTENTIAL TRADITION

Abstract: the article explores the poetic and the problematics of the novel of B. Schlink "Die Frau Auf der Treppe". Textual analysis based on the specificity of the interpretation of the traditional existential state in the novel is given.

Keywords: intermedialis, intertextuality, novel, existential state, ekphrasis

Юхнова И.С., доктор филологических наук, доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В РОМАНЕ И. ЕФИМОВА «НОВГОРОДСКИЙ ТОЛМАЧ»

Аннотация: в статье рассматривается образ переводчика в романе И. Ефимова «Новгородский толмач». Раскрыто, как решается в нем проблема межкультурного диалога. Охарактеризована структура произведения.

Ключевые слова: переводчик, И. Ефимов, межкультурный диалог, коммуникативная проблематика

Роман И. Ефимова «Новгородский толмач» обращен к событиям XV века, однако речь в нем идет о проблемах, которые в настоящее время приобрели особую актуальность [3, 4, 5]. Писатель показывает, как человек врастает в чужую культуру, как меняется он сам, его ментальность в процессе инонационального диалога, как выстраиваются отношения человека с языком. В одном из интервью писатель так рассказал о своем произведении: «Это исторический роман, действие которого разворачивается в конце 15-го века, во времена древнего Новгорода и Пскова. Он охватывает примерно двадцать пять лет русской истории и отражает процесс крушения двух русских республик и начала российской монархии при Иване III. <…> главный нерв – это искания христианской души, искания веры, борьба с сомнениями. Герой – приезжий, по происхождению чех. Он приезжает молодым человеком из Германии работать в ганзейской купеческой конторе в Новгороде переводчиком, но с тайным заданием: информировать католическую церковь обо всем происходящем в России. Так что он отчасти и шпион» [1].

Почему, погружаясь в драматическую эпоху XV века, героем своего романа И. Ефимов делает переводчика-иностранца? Что это ему дает?

Прежде всего, особый взгляд на события прошлого, а также возможность мотивировать многочисленные описания, включение разного рода географических, этнографических, исторических, бытовых подробностей и деталей, при этом подать их не как сухой и бесстрастный факт, а как пережитое событие. Именно поэтому о жизни в России, ее традициях, исторических событиях рассказывается заинтересованно и вместе с тем опосредованно. Адресаты узнавали о чужой стране «из первых уст», от человека, которого хорошо знают и которому доверяют, а потому у них не возникает сомнений в достоверности сообщаемых сведений. Содержание писем обусловлено интересами и кругозором адресата. Так, в письмах к фрау Урсуле Стефан Златобрат описывает дом Алольцевых, рассказывает, как отапливается жилище, как ходят в баню, как ведут хозяйственные дела, знакомит с обрядами: свадебными традициями, праздником поминовения усопших, «опахиванием» и др. Епископу он сообщает о городских порядках, устройстве и обороне Кремля, о политической обстановке в Новгороде, но также делится своими страхами, связанными с возможным разоблачением его шпионской деятельности.

И если поначалу в письмах герой дистанцирован от русских, смотрит на них с этнографическим интересом (они для него чужие), то постепенно характер посланий меняется. Златобрат не утрачивает своей национальной идентичности, однако личные контакты (прежде всего, с семьей Алольцевых и отцом Денисом) и проживание с Новгородом его самых трагических моментов рождает иное чувство – чувство сопричастности. Так, оставаясь иностранцем, он становится и новгородцем (не случайно во время московского периода жизни героя будут воспринимать как выходца из Новгорода, в том числе из-за особенностей речи). И эти перемены очевидны не Стефану, а его адресатам. Так, в одном из писем фрау Урсуле герой недоумевает: «Неужели это правда? Живя за сотни миль от меня, только по моим письмам Вы почувствовали такие глубокие перемены во мне? Неужели у Вас действительно порой мелькает ощущение, будто Вы читаете письмо иностранца, очень хорошо выучившего немецкий язык, но не имеющего настоящего интереса к жизни в Германии?». А в другом появляется подпись, фиксирующая формирование у героя второго – русского – имени: «Ваш Стефан, или, как дразнят меня местные, Степа Многоязыкий». Сам факт крайне характерный, ведь обретение нового имени свидетельствует о рождении новой человеческой сущности.

Форма романа – сочетание эпистолярных жанров (письма разным адресатам, донесения, обращение к сыну) и дневника героя, и подобная неоднородность обусловлена как сменой адресатов, так и тем, что письма позволяют автору зафиксировать «момент перехода от обыденности к творчеству, когда хаотические впечатления оформляются в нечто цельное, в результате происходит преоб-

ражение состояния, внутреннего мира героя [6, с. 354]. Так в романе наряду с магистральным сюжетом, связанным с историей Новгорода, намечается еще и другой – «эпистолярный сюжет» [2].

Адресаты посланий и их цель определяют не только темы, которых касается Златобрат, но и язык, на котором они пишутся. В частной переписке (с фрау Урсулой, воспитавшей Стефана Златобрата) используется немецкий язык, в донесениях епископу Любекскому – латынь. В «ночном» дневнике, которому доверяются самые тайные и трагические размышления, готский язык, который постепенно заменяется эстонским.

Разные языки закрепляются за разными сферами жизни героя, и оказывается, что их явно недостаточно. Как признается сам Златобрат, «мне давно хотелось овладеть языком, который был бы недоступен окружающим меня людям. Есть мысли, которые тревожат, жгут, мучают меня. Если бы их можно было изложить на бумаге, мне кажется, я смог бы легче совладать с ними, укротить, прояснить для самого себя. Но они полны таких кощунств, что записывать их латынью, или немецким, или другим широко распространенным языком – слишком рискованно». С этой целью он изучает эстонский язык, но тут же сталкивается с двумя трудностями: необходимостью найти графическую форму для языка, который еще не обрел своей письменности, но главное – его лексической несформированностью: в этом языке нет слов, которые необходимы, чтобы разобраться в себе, своих сомнениях, внутренних исканиях (таких, как «дьявол», «грех» и др.).

Во-вторых, профессия героя мотивирует множественность контактов с представителями разных социальных слоев и национальностей, позволяет изобразить реальные исторические события глазами их непосредственного участника. Стефан Златобрат переводит не только торговые споры купцов, но и тайную переписку Марфы Борецкой, тем самым становится свидетелем ожесточенной, но скрытой политической борьбы в Новгороде. Благодаря своему происхождению и знанию языков, участвует во встрече свадебного поезда будущей царицы Софьи Палеолог, во время которой знакомится с архитектором Аристотелем Фиораванти, и пр.

В-третьих, Златобрат – книжный человек. Он не только много читает и переводит, но и занимается распространением книг. Это позволяет И. Ефимову актуализировать в романе обширный литературный контекст и обозначить проблему языка и перевода как такового. Он показывает, насколько отличается отношение к языку среди представителей разных социальных слоев. Матрос-эстонец, обучающий Златобрата своему родному языку, «страшно удивился тому, что можно получить деньги за слова, слетающие с его губ так бездумно». Язык для простолюдина не становится объектом осмысления. Он им пользуется, как чем-то изначально данным. Иначе относятся к языку купцы, священники, посадские люди. Они знают чужие наречия, обучают им своих детей и руководствуются при этом не только практическими целями. Для них владение языками – условие активной и деятельной жизни, так как позволяет осуществлять торговлю, вести дела с другими народами. А рассказ Алольцева показывает, что он вникает и в чужие традиции, жизненный уклад – так устанавливаются не просто деловые, а межкультурные контакты, что позволяет говорить о диалоге с представителями других народов.

Литературные упоминания и отсылки в романе многочисленны: это и «Логика» Аристотеля, и «Хождение за три моря Афанасия Никитина», и «Божественная комедия» Данте, и труды Гиппократа, и сонеты Петрарки. Стефан в письмах размышляет над прочитанным, передает содержание книг своим адресатам. Но главной книгой, к которой постоянно обращаются герои, становится Священное писание. Его сюжеты – предмет для размышлений и споров, изречения используются как аргументы. Эта книга объединяет людей разных вероисповеданий, но она же порождает дискуссии.

Вот один из характерных диалогов Стефана с Марфой Борецкой:

«- Ты ведь католик? <…> И знаешь множество языков? <…> А когда ты молишься в душе – на каком языке?

- Пожалуй, чаще всего – на латыни.

- Я молюсь по-русски. Но как подумаешь: сколько же языков нужно знать Господу и ангелам его, чтобы выслушивать наши молитвы. Или молитвы, обращенные к святым. <…>

- “Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык”, сказано у пророка Исайи.

- На вече перед Святой Софией мы все говорим на одном языке – но как часто не можем понять друг друга! И тогда хватаемся за дубины и мечи. Язык меча – единственный язык, который не нуждается в переводе».

Конфликты вырастают не из-за языковых барьеров – они следствие различий во взглядах, несовпадения позиций, нежелания понять другого.

Непонимание возникает также из-за различий в переводе. Разделение религий происходит во многом из-за разного толкования одних и тех же мест Священного писания. Чаще всего это отдельные слова, частности, детали, понимаемые диаметрально противоположно.

Но есть и более глубокий – онтологический – смысл того, что составляет сущность перевода. Он связан с самопознанием, идеей жизнестроительства [3]. Герой И. Ефимова высказывает мысль, вероятно, близкую самому автору: суть перевода – понять замысел Бога и попытаться в соответствии с этим выстроить свой путь, найти свое предназначение. Именно такое значение и закрепляется в настоящее время за словом «толмач». Он это не просто переводит с одного языка на другой, но стремится выявить утаиваемое, разгадать сокрытое.

Литература

1. Митаев А. Интервью с Игорем Ефимовым (Женева, 23 апреля 2003 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.igor-efimov.com/interview/index.html

2. Рогинская О.О. Эпистолярный роман, поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: дис. … кандидата филологических наук. М., 2002.

3. Юхнова И.С. Образ переводчика и проблема межкультурной коммуникации в современной отечественной литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. №2-2. С. 309 – 313.

4. Юхнова И.С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М.Ю. Лермонтова // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. С. 1127.

5. Юхнова И.С. Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. №2 (10). С. 81 – 89.

6. Юхнова И.С. «Чужая» рукопись в структуре художественного произведения (А.С. Пушкин, А. Погорельский, А.Ф. Вельтман) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №2-2. С. 352 – 356.

References

1. Mitaev A. Interv'ju s Igorem Efimovym (Zheneva, 23 aprelja 2003 g.) [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.igor-efimov.com/interview/index.html

2. Roginskaja O.O. Jepistoljarnyj roman, pojetika zhanra i ego transformacija v russkoj literature: dis. … kandidata filologicheskih nauk. M., 2002.

3. Juhnova I.S. Obraz perevodchika i problema mezhkul'turnoj kommunikacii v sovremennoj otechestvennoj literature // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2015. №2-2. S. 309 – 313.

4. Juhnova I.S. Ocherk «Kavkazec» v kontekste tvorchestva M.Ju. Lermontova // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. №1-1. S. 1127.

5. Juhnova I.S. Russkij kul'turnyj kod v povesti Suhbata Aflatuni «Glinjanye bukvy, plyvushhie jabloki» // Mirovaja literatura na perekrest'e kul'tur i civilizacij. 2015. №2 (10). S. 81 – 89.

6. Juhnova I.S. «Chuzhaja» rukopis' v strukture hudozhestvennogo proizvedenija (A.S. Pushkin, A. Pogorel'skij, A.F. Vel'tman) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. №2-2. S. 352 – 356.

Yuhnova I.S., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

THE PROBLEM OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE IN I. EFIMOV'S NOVEL "THE NOVGORODIAN INTERPRETER"

Abstract: the image of an interpreter in I.Efimov's novel "The Novgorodian Interpreter" is considered in the article. It is revealed, how the problem of crosscultural dialogue is solved in it. The structure of the novel is characterised.

Keywords: interpreter, I. Efimov, crosscultural dialogue, crosscultural problems

Dekhnich O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yarygina O.N., Senior Lecturer,
Belgorod State National Research University

IDIOM FUNCTIONING IN LITERARY DISCOURSE (BASED ON JULIAN BARNES'S WORKS AND THEIR RUSSIAN TRANSLATIONS)

Abstract: the aim of the article is to analyse the literary context the author's idioms are used in. The study focuses on the role of idioms and background information in modern literature. The idioms under study are taken from the novels "The sense of an ending" and "Pulse" written by Julian Barnes, one of the most outstanding contemporary British writers and the winner of the Man Booker Prize (2011), and their Russian translations created by Elena Petrova. The results of the study can be applied in the sphere of Translation studies, in Contemporary British Literature and Phraseology seminars.

Keywords: idiom, literary discourse, author's discourse, background information, background knowledge, implication; allusion

Introduction

Language – and especially phraseology – is a crucial mechanism contributing to the formation and reinforcement of a cultural identity. The reflection of the unique cultural identity represented by idioms in literary discourse is determined by an adequate decoding of the author's discourse of the source language and the concurrence in background information that the recipients of the source language works and their translations have.

According to N. F. Alefirenko, the notion 'discourse' is "a subjective speech and intellectual based reflection in our perception of the picture of the world" [1]. It is a notable fact that outer lingual categories such as life events, knowledge of the environment, value orientations, as well as opinions of particular individuals coexisting with speech utterances. Moreover, these categories are formed and explicated with the help of language and speech.

Discourse acts therefore as a "process, environment and circumstances of a text production", whereas the result of the discourse is a text which is formed, in its turn, on the base of the language. Thus, the term 'author's discourse' is considered an author's utterance that is represented in the text in a direct or indirect way. The definition suggested is used to denote the author's communicative intentions and orientates towards explicit and implicit forms of the author's presence in Barnes's works and his translations rendered into the Russian language.

Methodology

When analysing the semantics of idioms in the literary discourse, the method of phraseological identification as well as the methods of contextual and translational analyses are used.

Main Part

As N.F. Alefirenko puts it, the external content of the nominative language units are determined by their outer lingual connections and relations producing the major protosemantic categories – that is a universal subject code, a subject frame, a concept and the inner word form. The universal subject code is defined as "the first cognitive structure laying the foundation of intellectual basis of linguistic semantics in the inner speech".

The scientist singles out that the code presupposes the content which is informative enough and is formed while comprehending and summarizing the denotative situation [2]. The concurrence in the universal subject code of the phraseological units under study is one of the cornerstone constituents for doing an adequate interpretation of background information when translating English idioms into the Russian language.

Following V. Vinogradov, 'background information' can be defined as "social and cultural things that are specific to a definite nation or nationality, and that are adopted by the majority of their representatives and reflected in the language of the given national community" [6].

Here we share E. Vereshchagin and V. Kostomarov's point of view who point out two types of the background information, i.e. up-to-date and historic. Here is the example of the historic one having the major slant on in the research and that is taken from the Julian Barnes's "The sense of an ending":

But back then we declined to acknowledge that they had ever been anything like us, and we knew that ***we grasped life – and truth, and morality, and art*** *– far more clearly than our compromised elders. 'Finn, you've been quiet.* ***You started this ball rolling.*** *You are, as it were,* ***our Serbian gunman****.' Hunt paused to let the allusion take effect [12].*

No v to vremya u nas ne ukladyvalos' v golove, chto oni kogda-to mogli byt' pokhozhi na nas, i my ne somnevalis', chto ponimaem zhizn' – a takzhe istinu, moral', iskusstvo – kuda pravil'nee, chem starshee pokolenie, zapyatnavshee sebya kompromissami. – Finn, chto-to vas segodnya ne slyshno. Vy zhe sami zapustili etot snezhnyy kom. Stali, tak skazat', nashim

serbskim terroristom. – Khant pomolchal, chtoby allyuziya vnedrilas' v umy [4].

As exemplified, the quiet Finn who touched upon the philosophical "generation gap" problem is compared to the Serbian terrorist ('*our Serbian gunman'*), Gavrilo Prinzip. The latter is notorious for killing the heir of the Austrian-Hungarian throne, Archduke Franz Ferdinand. The murder historically known to happen in Sarajevo in June, 1914, caused the outbreak of the destructive World War I and its millions of casualties. For being more successful in applying this type of background knowledge, Barnes makes use of the metaphoric idiom *start the ball rolling 'cause something to start happening'* [8] as well as metaphoric word combination *we grasped life – and truth, and morality, and art.* Here, a cultural element constitutes part of the total meaning of the word or word-combination, reflecting encyclopaedic knowledge of the material or historical realia it denotes [14]. Such an exposure of the allusion to the Serbian gunman helps the reader to entirely feel the author's mood which Han is endowed with, his ironical attitude towards Finn and strong desire to create a good impression on all the interlocutors by his being extremely well-read. However, to be an erudite person is highly appreciated and even needed for the recipient, too, in order to interpret the passage under study adequately. The translator should have better commented on the historic event mentioned above to eliminate any possible lacuna that might occur in this connection in a reader's mind.

The mentioned illustration of historical background information clearly proves its close connection with a broader and more polysemantic definition of implicit information. Researchers highlight that implicit data can be found in a so called vertical context, the regular categories of which are quotations, symbols, realia, allusions, idioms, etc. Realia words and phraseologisms are the language units that are originally interconnected with background information. I.V. Gyubbennet describes the stock of speech situations that require sociological estimation. It corroborates the idea of objective nature of implicit information [6]. The national component is reflected in the names of some appearance features, traits of character, human behaviour patterns, items of clothes, environment, animals, means of transportation, leisure activities, pieces of art and literature, etc.

Moreover, the vertical context can entirely depends on the intention of the speaker, forming the text so that it has to contain a hint to some linguistic, literary, social, etc. fact, reference to the secondary text and secondary situation. Allusion is, in fact, the characteristic way of the realisation of such a vertical context. The first usage of the term 'allusion' in its philological sense is attributed to the Roman politician and scientist Flavius Cassiodorus (c. 487 – c. 580, who made use of the term "metaphorical allusion" [13].

I. S. Khristenko defines allusion as a figure of speech "of preferential nature, where the two following situations act as the denotations that is the referential situation exposed in the surface structure of the text and the implied situation being contained in a total amount of the addresser's and addressee's common background knowledge [7]. Allusion indicators can correlate either with philological information (philological vertical context) or with the past's or present's real actuality (social or event-trigger vertical context).

Consider the writer's allusion taken from "Pulse" that is based on the prototext (literature-based texts, texts based on myths, folklore, sayings and proverbs, aphorisms, quotations, etc.):

'That reminds me, I had to see a proctologist once, and he told me one way to check my condition – whatever it was, I deliberately forget – was to squat down over a mirror on the floor. Somehow, I thought I'd rather risk whatever it was I might be getting.' 'Doubtless some of you are wondering why I raised the subject.' 'It's because you get potty-mouthed with booze.' 'A sufficient' but not a necessary condition. No, you see, I did my first test last Thursday, and I was just about to do the next one the next day until I realised. Friday the 13th. Not an auspicious day. So I did it on the Saturday instead.' 'But that was – …' 'Exactly. St Valentine's Day. ***Love me, love my colon.****' [11].*

– A mne, k slovu skazat', odnazhdy prishlos' obratit'sya k proktologu, i on ob"yasnil, chto dlya proverki svoego sostoyaniya – chto eto bylo za sostoyanie, ya luchshe umolchu – neobkhodimo polozhit' na pol zerkalo i prisest' nad nim na kortochki. No ya reshil, chto luchshe plyunut' na svoe zdorov'e, chem tak izvrashchat'sya. – Navernyaka vy sprosite, pochemu ya zatronul etu temu. – Da potomu, chto ty napilsya i tebya poneslo. – Ne sporyu, eto neobkhodimoe uslovie – no ne dostatochnoe. Tak vot, ob"yasnyayu: pervyy obrazchik materiala ya vzyal v proshlyy chetverg, a vtoroy zaplaniroval na sleduyushchiy den', no potom vspomnil: eto ved' pyatnitsa trinadtsatoe. Ne sovsem podkhodyashchiy den'. Poetomu ya sobral ego v subbotu. – No eto zhe byl… – Imenno. Den' svyatogo Valentina. ***Lyubish' muzhchinu v soku – lyubi ego pryamuyu kishku*** *[5].*

As illustrated, due to the usage of the author's individual transformation *love me, love my colon,* the writer uses a well-known to a broad audience aphorism *love me, love my dog ('if you love someone, you must accept everything about them, even their faults')* with a good effect. As we see it, this allusion is also applied by Julian Barnes to underline the Brits' great affection towards pets.

Describing a delicate situation connected with one of the characters' appointment with a proctologist on St. Valentine's Day, the writer tends to submerge the reader into the world of a very good sense of humour and self-irony. Bearing in mind this background information – the invariant of the phraseological unit *love me, love my dog* – prepares a well-read recipient for a sensitive perception of the character's feelings and emotions. One cannot help highlighting the Russian translator's creativity, her literary and artistic contribution to the decoding of a modern interpretation of the English author's idea.

Conclusion

The analised empirical material enables us to conclude that the right translation of idioms within historic and present-day background information is the basis of the communicants' (the reader and the author's) understanding each other. It should be highlighted as well that they are extremely necessary for the reader's decoding author's discourse since not any text formation can be adequately interpreted by the target recipients in case the needed background knowledge is missing.

Summary

Idioms used in the paper are obviously anthropocentric in character. As N. F. Alefirenko states, the anthropocentric character of worldview is directly interrelated with the language, with the units of the indirect nomination in particular [3], that proves the importance of the issue under study in the process of decoding the author's intentions of both the source and the target languages. To crown it all, it is the reproduction of the entire idea and literary content of the original that makes it possible to retain its national entity in the translation.

References

1. Alefirenko, N.F. Tekst i diskurs: ucheb. posobie dlya magistrantov / N.F. Alefirenko, M.A. Golovaneva, E.G. Ozerova, I.I. Chumak-Zhun'. 2-e izd., ster. M.: FLINTA, 2013. 232 s.

2. Alefirenko, N.F. Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy al'manakh Stavropol'skogo otdeleniya RALK / Pod red. prof. G.N. Manaenko. Vyp. 7. Stavropol': Izd-vo SGPI, 2009. 448 s.

3. Alefirenko, N.F., Agleev, I.A. Kognitivnye faktory vzaimodeystviya frazeologii so smezhnymi distsiplinami: sb. nauch. tr. po itogam III Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod, 19-21 marta 2013 goda) / otv. red. prof. N. F. Alefirenko. – Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BelGU», 2013. 520 s.

4. Barns, Dzh. Predchuvstvie kontsa / Dzhulian Barns; [per. s angl. E. Petrovoy]. M.: Eksmo, 2013. 224 s.

5. Barns, Dzh. Pul's / Dzhulian Barns [per. s angl. E. Petrovoy]. M.: Eksmo; SPb.: Domino, 2012. 304 s.

6. Gyubbenet, I.V. K probleme ponimaniya literaturnogo teksta (na angliyskom materiale). – M. 1981. 108 s.

7. Khristenko, I.S. Lingvisticheskie osobennosti allyuzii kak sredstva sozdaniya podteksta (na materiale M. de Servantesa «Don Kikhot» i proizvedeniy B. Peresa Gal'dosa). Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05. Moskva, 1993. 25 s.

8. Kunin, A.V. Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar' / Lit. red. M. D. Litvinova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Rus. Yaz., 1984. 944 s.

9. Vinogradov, V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). M.: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 s.

10. Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. Yazyk i kul'tura. M.: Indrik, 2005. 1038 s.

11. Barnes J. Pulse. London, Vintage books. 2011. 225 p.

12. Barnes J. The sense of an ending. Vintage, London. 2012. 150 p.

13. Cassiodorus F. Explanation of the Psalms. New Jersey. 1991. 316 p.

14. Cowie A.P. Phraseology. Theory, Analysis, and Applications. Clarendon Press, Oxford. 1998. 258 p.

Смирнова В.Н., кандидат философских наук, доцент,
Сботова С.В., кандидат культурологии, доцент,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ В АСПЕКТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы обучения письменной речи и деловой переписки в техническом вузе, приведены примеры составления и оформления деловых писем и электронных сообщений.

Ключевые слова: деловая переписка, e-mail, интернет, кейс-технологии

Овладение приемами деловой корреспонденции является одной из важных задач при изучении иностранного языка в техническом вузе [3, с. 607]. В современной ситуации перехода образования на компетентностно-ориентированную систему необходимость формирования общекультурной компетенции как способности к коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия становится ключевой в ряду образовательных задач дисциплины «Иностранный язык». В связи с этим компетенция, связанная с овладением письменной коммуникации для ведения профессиональной и деловой переписки на иностранном языке приобретает особую значимость.

Важность обучения оформлению деловой корреспонденции студентов определяется как образовательными стандартами, так и ситуациями освоения российскими гражданами новых реалий и понятий в контексте интеграции России в систему мировой экономики и культуры [4, с. 273]. Развитие международных экономических отношений обуславливает увеличение объема почтовой корреспонденции. Наряду с этим, развитие единого общемирового финансово-экономического пространства происходит на базе новых информационных технологий. В рамках глобализации произошло формирование единой информационно-коммуникационной среды – Интернета, предлагающего инновационный способ деловой письменной коммуникации – электронную почту *(e-mail*), которая минимизирует затраты и время передачи информации. Сообщения *e-mail* отправляются через Интернет в свободной форме или в форме делового письма.

В методике обучения деловой письменной речи целесообразно выделить три этапа: 1) формирование компетенции деловой письменной речи; 2) совершенствование речевой компетенции; 3) развитие компетенции деловой письменной речи.

Практическое освоение деловой письменной речи на английском языке невозможно без изучения фундаментальных аспектов общей теории лингвистики текста, официально-делового функционального стиля, изучение особенностей жанра и стилеобразующих факторов текстов деловой корреспонденции, ознакомление с классификацией деловых писем и электронных сообщений.

Языковой материал вводится с учетом освоения основных понятий. В теоретическом толковании деловое письмо – обобщенное название деловых текстов, имеющих правовую значимость, выделяемых в связи с особым способом передачи информации, отражающих определенную производственную ситуацию, отличающихся единством темы, особым графическим оформлением и композиционным построением, временной и пространственной точностью, документальностью, конкретностью, использованием средств речевого этикета для обеспечения адекватности восприятия содержания адресатом [2, с. 6]. Жанр деловой корреспонденции является разновидностью официально-делового функционального стиля. Традиционно стилеобразующими факторами текста делового письма являются официальность, точность, краткость, стандартность. При этом сопоставительный анализ стилеобразующих факторов языка почтовой и электронной корреспонденции выявляет особую значимость краткости речевого сообщения для последнего из названных видов.

Характерным признаком текста делового письма является замена значительного числа сложных терминологических групп сокращениями, т.е. единицами письменной речи, которые созданы из отдельных элементов более сложной исходной формы, с которой данные единицы находятся в определенной лексико-семантической связи. Тенденция к использованию сокращений в сфере деловой терминологии обусловлена исторически сложившейся тенденцией к экономии средств английского языка и является естественным процессом с целью упрощения в процессе коммуникации. Например, краткость письма по *e-mail* может быть достигнута посредством использования таких сокращений, как *yr=your; info=information, spk=speak, wkng (hours)= working (hours), ans machine=answering machine, msg/m=message, tech (assistance)=technical (assistance), dir=director, wk=week,* и др. [6].

На этапе формирования навыка деловой письменной речи значимо ознакомление учащихся с такими языковыми средствами, как акронимы и аббревиатуры. К акронимам относятся сокращения, фонетическая структура которых совпадает с фонетической структурой общеупотребительных слов, они образуются из букв и цифр, заменяющих слоги, длинные слова, или целые словосочетания, например: *L8R = later; C = see.* Для образования аббревиатур используются только первые буквы слов, например: *asap = as soon as possible*; *V.C. =Vice-Chairman* – заместитель председателя; *V.P. = Vice-President* – вице-президент и др.

Для текста электронного делового письма характерно использование сокращений, заимствованных из латинского языка: *e.g.* (лат. *exempli gratia* – например) = *I am going to give an example*; *i.e. (id est* лат. – т.е.) = *that is, I am going to explain what I mean using different words*; *re* (лат. – в деле, по вопросу, относительно, ссылаясь на), например: *Re your advertisment, Action re contract* [6, с. 19].

В письмах-предложениях, заказах, запросах используются коммерческие сокращения, например: *F.O.B. – FREE ON BOARD* – франко-борт, стоимостная таможенная оценка на условиях ФОБ; *c.i.f. (cost, insurance, freight)* – условия СИФ, при которых права собственности на импортные товары переходят покупателю в пункте назначения; *C.O.D. – cash on delivery* – оплата по доставке и др.

Правила составления и оформления деловых писем включают определенные требования, обусловленные их принадлежностью к информационно-справочным документам. В связи с этим, в процессе освоения компетенции, направленной на владение письменной коммуникацией, необходимым условием является изучение различных по своей семантической принадлежности моделей деловых писем и способов их представления. Может быть предложена следующая классификация деловых писем: письма-запросы (*letters of enquiry*); письма-просьбы (*request letters*); коммерческие предложения (*offers)*; заказы (*orders*); подтверждения (заказов, информации) (*acknowledgments*); сопроводительные письма (*follow-ups*); промежуточные письма (*stopgap letters*); отказы (*refusals*); рекламации и жалобы (*letters of complaint*); письмо-мемо (*memo*); письма-заявления о приеме на работу, об уходе с работы (*job applications, letters of resignation*); письма о подписке на периодические издания (*subscription letters*); простые коммерческие письма (*simple commercial letters*).

Предлагаемые для изучения образцы писем должны соответствовать по своему содержанию, стилю и форме современной деловой практике. Существующий арсенал средств обучения включает печатные и электронные тексты. Актуальными в этом контексте являются современные издания авторов Б. Абегг [1], В. Экк [5], П. Эммерсона [6], Д. Коттона [7], Л. Вайт [8] и др., представляющие аутентичные материалы на английском языке. Показательной иллюстрацией современных моделей деловых почтовых и электронных писем на английском языке являются информационные ресурсы Интернета [см.: 9].

Важной методической задачей обучения деловой письменной речи является работа по овладению вариативными способами выражения мысли. Необходимо нацелить учащихся на употребление синонимичных средств выражения мысли в процессе речевой практики. В качестве опор предлагаются стандартные фразы и формулировки, например, для выражения просьбы о незамедлительном ответе:

1. We should appreciate a prompt reply.

2. We should appreciate to receive your prompt reply at your early convenience.

3. A prompt reply would be appreciated.

4. Will you kindly let us have an early reply.

В процессе *совершенствования навыка делового письма*, являющегося продуктивным видом деятельности, важная роль отводится выполнению практических упражнений и заданий, например заданий на множественный выбор:

Определите, к какому виду делового письма относится представленный ниже отрывок:

We are a newly-established firm specializing in the supply of gardening equipment. As we are currently in the process of buying in stock in good time for the coming spring season, we would be grateful if you would send us a catalogue of your full lawn-mower range, both mechanical and electric.

1. *CV*
2. *Letter of Enquiry/ Request*
3. *Memo*
4. *Letter of Complaint*

2) заданий на соответствие:

а) Расположите части делового письма в правильном порядке:

1. Dear Sir

2. Peter Borisov

3. The Hilton Hotel
New Oxford Street
London, S. W.

4. Will you kindly reserve for me a single room for three weeks? I plan to move on September 15-th and leave on October 6th.
Please let me know your rates.

5. 13 Kensington Palace Gardens
London, S. W.
September 9, 2009

6. Faithfully yours,

б) Соотнесите информацию под определенным номером на конверте с тем, что она обозначает:

The InterStay Hotel	*1. The ZIP Code in the mailing address.*
1114(1) Seventh Avenue	*2. The ZIP Code in the return address.*
(2) New York, NY (3) 10033	*3. The addressee's company name.*
(4) MR JOHN D ENRIGHT	*4. The street name in the return address.*
(5) COMPUTRONIC INC	*5. The city the letter comes from.*
PO BOX 8732	*6. The addressee.*
AUSTIN, TX (6) 751110	

в) Выберите слова для заполнения пропусков так, чтобы они отражали особенности оформления письменного уведомления о деловой встрече.

(1)___ Mr Ferret: I'll be happy to (2) ____ you in your office on Friday, December 10, at 2 o'clock to discuss our (3) ____ programme.

(4) ____ ,

(5) ____ Bright

a) meet b) Cordially c)John d) Dear e)investment

г) Выберите слова для заполнения пропусков так, чтобы они отражали особенности оформления таможенной декларации.

1. FAMILY NAME **GIVEN NAME** **MIDDLE INITIAL**

(1)___ Vera Nikolaevna

2. DATE OF BIRTH (Mo/Day/Yr) **3. VESSEL, OR AIRLINE & FLT. NO.**

(2)___ (3)___

4. CITIZEN OF (Country) **5. RESIDENT OF (Country)**

(4)___ Russia

6. PERMANENT ADDRESS

26 Apt., 10 Bld., Pushkina St., Moscow, Russia

7. ADDRESS WHILE IN THE UNITED STATES

(5) ___

1) December 15, 1980

2) 336 Logan Avenue, Austin, Minnesota

3) Stepanova

4) Aeroflot, 359

5) Russia

Успешность *освоения компетенции письменной коммуникации* зависит от продуцирования письменной речи со всеми присущими ей особенностями при условии мотивированного речевого действия. В рамках учебного процесса значительную эффективность в методике развития письменной компетенции приобретают кейс-технологии, предусматривающие решения проблемы в конкретном случае и предлагающие самостоятельное построение речевого акта с опорой на модели высказываний.

Данный метод послужил основой в построении заданий раздела"*Writing*", задание, предлагающее на примере резюме Гэвина Альвареса составить собственное резюме, указав реальные и возможные квалификации: *Write your own CV in English using qualifications you already have, or ones that you think you might get in future. Use Gavin's CV as a model for your writing* [8].

Выполнение подобных заданий развивает навык коммерческой переписки. Задания подобного рода предлагает пособие "*Market Leader*" [7] в разделе "*Case Study*", например:

а) Урок 1. *Brands*. В разделе *Case Study "Caferoma"* обозначены проблемы компании *PEFD* по продаже торговой марки кофе *"Caferoma"*. Учащимся предлагается составить *e-mail*-предложение, адресованное коммерческому директору, с решениями, направленными на повышение продаж на рынке: *Write an e-mail to Caferoma's Managing Director, Mario Cumino. Summarize what action you agreed to take at the meeting to solve Caferomas's problems* [7, с. 13].

б) Урок 5. *Money. В разделе Case Study* "*Angel Investments*" описана ситуация, в которой "*Angel Investments*"является инвестиционной компанией, занимающейся финансовыми вложениями в крупные компании, в числе которых "*Technoprints*", "*Unibrand*", "*On-line Fashions*", "*Amazon Ventures*". Студентам предлагается изучить возможные предложения по выбору компании и представить свои письменные рекомендации исполнительному директору компании "*Angel Investments*" и обосновать выбранные варианты решений: *Write an e-mail to the CEO providing a list of your recommendations. Give reasons for your recommendations* [7, с. 35].

Ориентации на мотивированное высказывание способствуют расширяющиеся контакты с иностранными торговыми компаниями, заказ товаров по Интернету, непременным условием которых

является составление текста делового письма на английском языке.

Таким образом, в русле компетентностно-ориентированного подхода каждая прагматическая задача обучения письменной деловой речи студентов характеризуется конкретным содержанием и самостоятельностью в выборе языковых средств письменной коммуникации.

Литература

1. Абегг Б. 100 писем на английском. М.: АСТ, 2006. 159с.
2. Жданов А.А., Жданова И.Ф. Деловые письма и контакты на русском, английском и немецком языках. М. Филоматис, 2002. 288 с.
3. Горбунова В.С., Смирнова В.Н. Ситуационная методика обучения в формировании иноязычной письменной компетенции // Молодой ученый. 2016. №7 (111). С. 607 – 609.
4. Смирнова В.Н., Горбунова В.С., Гулами З.Н. Лексические и синтаксические особенности англоязычного делового e-mail. Бюллетень науки и практики. 2016. №5 (6). С. 273 – 277.
5. Экк В. Деловая переписка на английском. М.: АСТ, 2005. 127 с.
6. Emmerson P. E-mail English, Macmillan Publishers Limited, 2004. P. 96.
7. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader. Intermediate Business English Course Book, Longman. 2005. P. 13.
8. White L., Engineering Workshop, Oxford University Press. 2003. P. 30.
9. Центр изучения английского языка: Бизнес-английский [Электронный ресурс]. Код доступа: http://www.englishclub-spb.ru/bussiness-engshish/correspondece-information

References

1. Abegg B. 100 pisem na anglijskom. M.: AST, 2006. 159s.
2. Zhdanov A.A., Zhdanova I.F. Delovye pis'ma i kontakty na russkom, anglijskom i nemeckom jazykah. M. Filomatis, 2002. 288 s.
3. Gorbunova V.S., Smirnova V.N. Situacionnaja metodika obuchenija v formirovanii inojazychnoj pis'mennoj kompetencii // Molodoj uchenyj. 2016. №7 (111). S. 607 – 609.
4. Smirnova V.N., Gorbunova V.S., Gulami Z.N. Leksicheskie i sintaksicheskie osobennosti anglojazychnogo delovogo e-mail. Bjulleten' nauki i praktiki. 2016. №5 (6). S. 273 – 277.
5. Jekk V. Delovaja perepiska na anglijskom. M.: AST, 2005. 127 s.
6. Emmerson P. E-mail English, Macmillan Publishers Limited, 2004. P. 96.
7. Cotton D., Falvey D., Kent S. Market Leader. Intermediate Business English Course Book, Longman. 2005. P. 13.
8. White L., Engineering Workshop, Oxford University Press. 2003. P. 30.
9. Centr izuchenija anglijskogo jazyka: Biznes-anglijskij [Jelektronnyj resurs]. Kod dostupa: http://www.englishclub-spb.ru/bussiness-engshish/correspondece-information

Smirnova V.N., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Sbotova S.V., Candidate of Cultural Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Penza State University of Architecture and Construction

TRAINING OF THE WRITING SPEECH IN FOREIGN LANGUAGE IN TECHNICAL UNIVERSITY IN ASPECT OF THE COMPETENCE-BASED FOCUSED APPROACH

Abstract: in the article questions of training of a written language and business correspondence in technical university are considered, examples of drawing up of business correspondence and electronic messages are given.

Keywords: e-mail, Internet, business correspondence, case study

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Вековцева Т.А., кандидат искусствоведения, доцент,
Южно-Уральский государственный университет

АКВАРЕЛЬНАЯ ГРАФИКА В ДИЗАЙНЕ СОВРЕМЕННОЙ УПАКОВКИ

Аннотация: статья посвящена исследованию приемов использования акварельной графики в дизайне современной упаковки. Рассмотрены примеры современной упаковки и проведен анализ графического оформления средствами акварели.

Ключевые слова: художественная графика, акварельная графика, художественные средства упаковки, художественные приемы акварельной графики

Графика – это вид изобразительного искусства, связанный с двухмерной плоскостью листа. Традиционно графика включает в себя рисунок, различные виды печатной графики: гравюру на дереве (ксилография), гравюру на металле (офорт), литографию, линогравюру, гравюру на картоне и др. Но к графике относится также и акварель.

Основными выразительными средствами графики являются: линия, штрих, контур, пятно и тон. Особое значение в графике имеет белый (или любой другой) тон бумаги. Добиться выразительного рисунка можно даже при использовании только черного цвета. Именно поэтому графику часто называют искусством черного и белого. Однако это не исключает применение в графике цвета. Именно поэтому, акварель хоть и использует цвет, относится к графике. Границы между графикой и живописью очень подвижны, например, технику акварели, пастели, а иногда и гуаши относят то в один, то в другой вид искусства, в зависимости от того, в какой степени используется цвет, что преобладает в произведении – линия или пятно, каково его назначение [2].

Художественно выразительными достоинствами и ценностью графики являются:

- лаконизм изображения
- емкости образов
- концентрации и строгом отборе графических средств
- особая недосказанность (условное обозначение предмета, намек на него)

Технику графики используют разнообразные жанры (портрет, пейзаж, натюрморт, исторический жанр и др.). Кроме того в графике создаются различные композиции, направленные на образное истолкования мира. По назначению различаются станковая, книжная и газетно-журнальная, прикладная графика и плакат.

Если произведения станковой графики создаются для выставок и имеют абстрактно-образный характер, то книжная графика четко функциональна и обусловлена изданием и технологией печати. В древних рукописных книгах рисунки выполнялись и раскрашивались вручную. Они назывались миниатюрами. Книжная графика не просто часть издательского дела или средство для передачи знаний, она является частью культуры [2]. К прикладной графике относятся графические рекламные материалы: поздравительные открытки, календари, конверты и многое другое. Этикетки и упаковки - это тоже прикладная или промышленная графика (промграфика), которая имеет практическое функциональное значение назначение, помогает сориентироваться в большом количестве разнообразных товаров, воспитывает вкус потребителя и создает эмоциональный образ продукта [2].

Особое место в изобразительном искусстве занимает акварельная графика. Несмотря на то, что акварельная техника известна еще с древних времен (первые упоминания о ней восходят к Древнему Египту), современная акварель появилась только в конце XVIII – начале XIX вв. Именно тогда она выделилась в качестве отдельной техники изобразительного искусства.

Существует множество различных приемов исполнения акварельных работ. Их классификация условна и зависит от определенных факторов: влажности бумаги, типа кистей мастера, способа нанесения основных тона, цветовой палитры и спецэффектов. Наиболее традиционным считается деления акварели по степени влажности бумаги: «работа по-мокрому» («английская» акварель) и «работа по-сухому» («итальянская» акварель). Часто такие техники смешиваются и дают эффекты работ по фрагментарно увлажненному листу [1].

Упаковка и этикетка – важнейшие элементы современного рынка промграфики и одна из самых интересных и передовых сфер современного дизайна. Упаковка выполняет сегодня ряд важных функций: она информирует потребителя о продукте, сохраняет продукт и помогает при транспорти-

ровке до места потребления, приносит прибыль производителю.

Важнейшим элементом упаковки является изобразительная часть. **Графическое изображение** должно не только привлекать внимание потребителя, но вступать с ним в контакт, создавать образ продукта. На создание образа придукта работает не только изображение, но и **форма** упаковки, которая должна быть эргономичной (упаковку должно быть удобно держать ее в руке, транспортировать, открывать и закрывать), удобной для выкладки в торговой точке, соответствовать по образу и размеру самому продукту. Особую роль при восприятии упаковки играет **цвет**, так как именно он воспринимается потребителем в первую очередь, помогает выявить соответствующую целевую аудиторию и товарную нишу продукта. Цветовые предпочтения связаны с традициями культуры. Благодаря цвету упаковка задает определенные качества и самому продукту, находящемуся в ней (закон эмоционального переноса Льюиса Ческина). **Шрифт** – еще один важный элемент дизайна упаковки и этикетки. Он имеет свои способы эмоционального воздействия: начертание, тип шрифта, толщина букв, использование строчного или заглавного начертания, кегль (размер). Использование определенного шрифта должно соответствовать всей стилистики и концепции.

Изображение на упаковке и этикетке, шрифтовое решение, форма – все это работает на создание определенных ассоциаций, заданного эмоционального образа продукта и бренда. Дизайн упаковки, оперируя визуальными символами и вербальными элементами, а также цветовым сочетанием, может оказывать огромное влияние на аудиторию. Графический дизайн упаковки – это не просто красивая картинка, а полноправная наука со своей философией и историей, в которой пересекаются искусство и технология.

Акварельная графика на упаковке – явление не частое. Однако в современном мире «затоваривания», когда потребитель ежедневно сталкивается в десятками тысяч упаковок, применение такого художественного приема значительно увеличивает индивидуальные характеристики упаковки, предавая ей новые образные, неповторимые черты.

Всю акварельную графику на упаковке можно разделить на несколько групп. По месту использования на упаковке художественная графика делится на две группы: графика оп всей упаковке и графика на этикетке (отдельном элементе упаковки). По техники исполнения, композиционному строю и шрифтовым сочетаниям в современном дизайне упаковки можно выделить 5 приемов использования акварельной графики на упаковке:

1. Акварельная иллюстрация с тонкой черной обводкой (рис. 1). Такой прием часто используется на упаковке заполняя все плоскости упаковки. Это возможно в термоусадосных этикетках на бутылках с водой или соком, упаковках типа Тетра-Пак, картонных упаковках. Особая роль в таком приеме уделяется шрифтам. Они сложные, авторские и вплетаются в общий строй акварельной графики фона.

Рис. 1. Акварельная иллюстрация с тонкой черной обводкой на упаковке

2. Сочетание акварельного фона и фотоизображений (рис. 2). Прием достаточно популярный и простой. Легкая графика акварельных красок создает здесь только эмоциональный фон, а фото изображения самого продукта или дополнительные графические элементы позволяют уже более точно определить потребителя и саму концепцию продукта.

Рис. 2. Сочетание акварельного фона в технике «по сырому» и фотоизображений на упаковке

3. Акварельные переливы в технике «по-сырому» как основной образный элемент визуального образа упаковки (рис. 3). Такой прием, как правило, используется в упаковках парфюмерной и косметической продукции, алкогольных и бакалейных товаров. Основной акцент делается на шрифтовом блоке, расположенном поверх акварельного фона. Акварельный фон несет яркое образное значение в такой упаковке, создавая эмоциональный образ всего продукта.

Рис. 3. Акварельные переливы в технике «по-сырому» как основной образный элемент визуального образа упаковки

4. Фотореалистичная авторская акварельная графика (рис. 4). Данный приме используют только хорошие иллюстраторы. Авторская графика очень затратная, технически сложная и эксклюзивная. Поэтому такой прием акварельной графики может быть реализован по-разному, в зависимости от типа акварельного письма художника. Однако, именно он придает упаковке эксклюзивность и создает неповторимый образ как самого продукта, так и всей линейки бренда. Шрифтовое решение в данном варианте минималистичное – простые современные шрифты без подсечек на локальных цветовых плашках (преимущественного белого или черного цвета.)

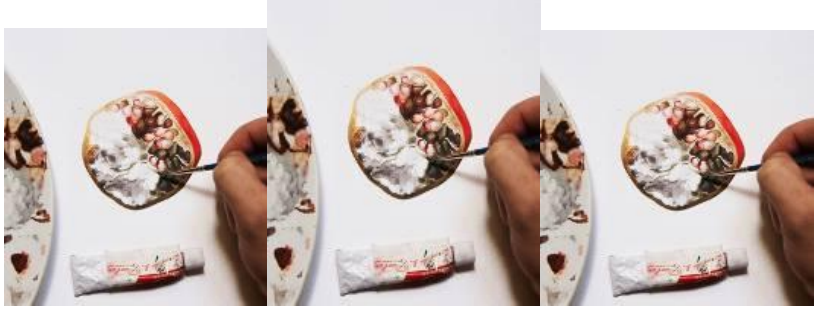

Рис. 4. Фотореалистичная авторская акварельная графика

5. Легкая стилизованная акварельная графика (рис. 5). Перетекание акварельных красок, но по заданному рисунку создает яркий эмоциональный образ. Зритель видит конкретный продукт –

вишню или персик, но техника изображения такого продукта уникальна. Это техника яркой и сочной акварели. Несомненно, такой прием позволит выделить продукт на полках торгового зала и остановит взгляд самого искушенного потребителя.

Рис. 5. Легкая стилизованная акварельная графика на упаковке

Свободная акварельная графика – это не только станковые приемы в современных работах художников. Это уникальный прием в руках современных дизайнеров, способных создавать необычный яркий образ продукта. Художественная акварельная графика позволяет выделять товар в своей товарной категории, придать ему уникальные свойства, делать его привлекательным и запоминающимся.

Литература

1. Савинская Е. Акварельные техники Электронный ресурс: http://aquarelle.ucoz.ru/publ/iskusstvo/akvarelnye_tekhniki_klassifikacija/1-1-0-15 (дата обращения: 26.10.2016)

2. Художественная школа: Материалы, техника, методика. Электронный ресурс: http://slu.jimdo.com (дата обращения: 24. 10.2016)

References

1. Savinskaja E. Akvarel'nye tehniki Jelektronnyj resurs: http://aquarelle.ucoz.ru/publ/iskusstvo/akvarelnye_tekhniki_klassifikacija/1-1-0-15 (data obrashhenija: 26.10.2016)

2. Hudozhestvennaja shkola: Materialy, tehnika, metodika. Jelektronnyj resurs: http://slu.jimdo.com (data obrashhenija: 24. 10.2016)

Vekovtseva T.A., Candidate of Art Criticism (Ph.D.), Associate Professor,
South Ural State University

WATERCOLOR GRAPHICS IN THE DESIGN OF MODERN PACKAGING

Abstract: the article is devoted to the research methods of using watercolor drawing on modern packaging. Examples of modern packaging and means of graphic design watercolor are analyzed.

Keywords: art drawing, watercolor drawing, artistic means of packaging, graphic art techniques of watercolor

Демьяненко И.В., старший преподаватель,
Нижневартовский государственный университет

ЭТНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПЛАСТИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ «ЛЕГЕНДА О СИХИРТЯ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ЧАСТЬ 1).

Аннотация. В данной статье рассмотрены этнографические источники: предания ненцев, в которых упоминаются сихиртя. Отражено влияние древнего населения – сихиртя, в традициях художественной культуры Ненцев на тенденции современного профессионального искусства Ямала и Югры. Проанализировано историческое развитие керамики как вида ДПИ, а также формирование основных видов керамики. Статья будет полезна для прочтения студентам и профессионалам в области ДПИ.

Ключевые слова: ДПИ, керамика, искусство, искусствоведение, монументальная керамика

Введение.

История развития художественной керамики на современной территории Югры рассматривают неотделимо от российской истории декоративно-прикладного искусства. С древнейших времен керамические изделия использовали достаточно широко, что было обусловлено их специфическими качествами: утилитарными, изобразительными, декоративными. Длительное время керамика выступала как объект исследования таких наук, как археология и исследовали ее в соответствии с археологическими целями и задачами. Также ее рассматривали в исследованиях в качестве одного из видов в народном художественном творчестве [1, с. 460-461].

Художественной керамике принадлежало и принадлежит на данный момент в творчестве современных мастеров народных художественных промыслов и художников-прикладников значительное место [2, с. 475-476]. Появляется необходимость в проведении всестороннего анализа и исследований тенденций, традиций, направлений, особенностей современной керамики; а также в поисках наличия устойчивых связей народных легенд и традиций и современных веяний в искусстве, связанных с новейшей исторической ситуацией.

Цель статьи – рассмотреть легенду о сихитря (часть 1 и 2) и разработать декоративно-пластическую керамическую композицию, отвечающую обобщениям существующих в современной литературе сведений об этом легендарном народе (часть 3 и 4). Объектомстатьиявляется легенда о сихиртя.Предмет исследования – керамика как вид декоративно-прикладного искусства, раскрывающий образ древнего населения Ямала – сихиртя.

Содержательная часть. Для понимания таинственного мира сихиртя обратимся к крипноэтнологии. Крипноэтнология – это совокупность исторических и этнографических исследований, основная задача которых поиск доказательств существования различных исчезнувших этнических групп или их потомков, данныепо ним основываются на малодостоверных источниках. Как правило, объектами криптоэтнологии являются этносы, являвшиеся чуждыми в языковом или культурном отношении по отношении к своему окружению. От мифических народов (например, ацанов) объекты криптоэтнологии отличаются наличием более-менее достоверных сведений об их существовании в тот или иной исторический период.

Одними из наиболее популярных объектов-криптоэтнологии является сииртя, легендарный народ Ямала, якобы живший там до ненцев и обладавший выдающимися охотничьими и ремесленными навыками (существуют археологические находки, подтверждающие существование доненецкого населения Ямала). Криптоэтнологические построения иногда использовались в политических целях для обоснования «исторической» принадлежности той или иной территории.

Сиртя (а также сииртя, сихиртя) – в ненецкой мифологии мифический народ, ныне живущий под землёй, боящийся дневного света, обитавший в заполярной тундре до прихода ненцев – «настоящих людей». Сиртя описываются как люди очень низкого роста. Название народа существует в различных вариантах: в краткой форме – «сиртя», «сирчи»; в полной форме – «сихиртя», «сихирчи». Ненцы перевода этого этнонима не дают.

Существуют различные этимологии данного мифонима: как производное от глагола «сихирць» (приобрести землистый цвет кожи, чуждаться, избегать), от «си» (отверстие, дыра), от названия жука «си» (в которого превращается душа умершего). Существует версия что сиртя — ненецкое название племени печора. Печо́ра, Печёра, Пече́ра — предполагаеом финно-угорское, или самодийское племя, населявшее район р. Печоры. В Повести временных лет говорится, что печора (печера) платили дань Руси. Племя упомянуто в списке между ямь и пермь. Обратимся к версии самодийского происхождения племени «печора» [3, с. 135-139].

В исторических источниках сначала появляются сведения о реке с таким названием (1096 год), и только позже – о племени, которое обитает по берегам этой реки, соседствуя с народами коми и югрой. Наиболее проработанными являются версии о самодийском происхождении этого народа, ближайшими родственниками которого считаются ненцы. Обратимся к версии финно-угорского происхождения. В раннее средневековье V-X вв. н. э., в субарктических широтах северо-востока Европы жили племена охотников на морских зверей и северных оленей, этническая принадлежность которых не установлена. Письменные источники указывают на то, что ещё недавно, в конце XVIII в. на всей территории проживания ненцев находились запустевшие, похожие на пещеры, жилища неизвестного народа. Распространена гипотеза, что этот народ пришёл с нижней Оби. Другая гипотеза считает этот народ выходцами с берегов Белого моря, из земель, заселённых протосаамскими и чудскими племенами. Возможно, что они, во второй половине I тысячелетия нашей эры обжили тундры северо-востока Европы и проникли на Ямал. Разговаривали эти люди, вероятно, на древне саамском языке. В русских летописях XI-XIV вв. этот народ называется «печера», а в ненецких легендах — «сиртя», или «сихиртя», это название сохранилось до наших времен в отдельных топонимах: Сиртя-саля (мыс Сирти), Сиртя-яха (река Сирти), река Печора.

В процессе археологических раскопок, выполненных в 1980-1990-х годах, найдены памятники материальной культуры сихиртя, остатки укрепленных поселений (племенных центров): городище в устье реки Гнилки, рядом с Пустозерском и Ортинскоегородице в устье реки Печоры. Поселения датируются VI-X вв. н. э. В городищах сохранились развалины деревоземляных оборонительных сооружений, бревенчатых жилищ и хозяйственных построек, украшений и предметов обихода. На реке Гнилка найдено жертвенное место (периода VI-XIII в. или начало XIV в.). Состав находок на реке Гнилке по временному срезу аналогичен святилищу на острове Вайгач Некоторые святилища на острове Вайгач сохранялись и после XIII столетия, неся следы новой, ненецкой культуры. В настоящее время нет точных ответов, как долго эти племена заселяли субарктические территории и что случилось с ними дальше.

Однажды сиртя переселились в сопки и стали подземными жителями, на поверхность тундры выходят по ночам или в туман. В своём подземном мире они владеют стадами мамонтов («я-хора» – «земляных оленей»). Встречи с сиртя одним приносили горе, другим – счастье. Известны случаи женитьбы ненцев на женщинах сиртя. В то же время, сиртя могли украсть детей (если те допоздна продолжали игры вне чума), наслать порчу на человека или напугать его. Есть упоминания и о военных столкновениях ненцев с сиртя, при этом последние отличались не столько ратной доблестью, сколько умением неожиданно скрыться и внезапно появиться вновь.

Реальные сведения об этой нации приходится, действительно, собирать по крупицам. Легенды сходятся во многих положениях: маленький рост, светлые (белые) глаза, жизнь под землей (пещеры, высокий сопки) и т.д. Кроме подробностей жизни и были в легендах рассказывают, что народ сихиртя имел развитую культуру. Их внешность напоминала славян из легенд: небольшого роста, светлые глаза, белые волосы. Сихиртя жили тем, что занимались охотой, ловлей рыбы. Интересно, что в различных легендах упоминается о том, что люди сихиртя спали днём, а уже ночью жизнь у них проходила достаточно активно.

Кроме того, легенды приписывают сихиртя обладание сверхъестественными силами. В соответствии с преданиями, люди обычные, которых сихиртя увидели, достаточно скоро умирали. Таким образом, в давние времена легенды упоминали, что ненцы часто находили около обрывов либо около осыпавшихся курганов черепки от красиво выделанной глиняной посуды, остатки бронзовых женских украшений и прочих расписных бытовых изделий. В соответствии с одной из легенд о сихиртя, аргиш проезжал мимо одной высокой сопки. Дело происходило летом. Именно возле этой сопки было решено сделать привал, чтобы олени передохнули. Было решено в процессе отдыха обследовать сопку. Возле травяной кочки неожиданно была обнаружена спящая девушка очень маленького роста, но очень красивую. Одета девушка была красива, одежда украшена серебряными бляшками, расписными пуговицами. Рядом с девушкой находился мешочек с шитьем – туча.

Такая невиданная красота поразила нашедших девушку людей – они никогда не видали такой красивой вещи. Мешочек украшал блестящий, искрящийся на солнце бисер, бусы. У девушки были бронзовые ажурные подвески, которые звучали тонко, мелодично, звенели, если их коснешься. От этого звона девушка проснулась, резким прыжком вскочила на ноги и мгновенно исчезла в ближние кусты. Долго искали чудесную девушку, но успехом поиски не увенчались. Девушка как будто провалилась сквозь землю, оставив свою тучу-мешочек с шитьем. Тогда люди тронулись они с места и отправились дальше. В конце дня они оказались на месте и поставили чумы. Но ближе к ночи все услышали жалобный

женский крик: «Где моя туча?» Это девушка искала свой мешочек с шитьем. Этот крик был слышен до самого утра, и все боялись выйти из чумов и вернуть девушке-сихитря тучу-мешочек для шитья. Мало того, семью, подобравшую эту красивую сумочку, вскоре настигла смерть. А родственниками всё равно сохранилась эта драгоценная находка. (Считается, что до сих пор эта туча находится в священной нарте у одного из жителей в Находкинской тундре).

Заключительная часть.

Обилие легенд, упоминания в фольклоре говорит о том, что под этими преданиями действительно существует некая реальная подоплека.

В целом, можно сказать, что ненецкие сказания о сихиртях не являются вымыслом, а выступают переработанным народомматериал и о коренном населении Ямала. Проводимой археологами работой постоянно преподносятся материальные подтверждения о пребывании в Приполярье сихиртя и их влиянии на пришлое самодийское население, которое во многом выражается в преемственности культурных традиций. Практическая значимость исследования состоит в том, что данная работа может быть использована учащимися в качестве пособия декоративной пластики, композиции (практическая часть 3 и 4).

Литература

1. Адамецкая Т.Н. О выставке творческих работ преподавателей и студентов кафедры декоративно-прикладного искусства и дизайна нижневартовского государственного университета // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Часть II. / Отв. ред. А.В.Коричко. Нижневартовск: Издательство Нижневартовский государственный университет, 2015. С. 460 – 461.

2. Брянский И.Н. Развитие и влияние мультимедиа технологий и оборудования на образование // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции Часть II. / Отв. ред. А.В.Коричко. ижневартовск: Издательство Нижневартовский государственный университет, 2015. С. 475 – 476.

3. Демьяненко И.В. Природа и этнические мотивы Югры в произведениях современных художников ханты-мансийского автономного округа // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Новосибирск: Издательство Ассоциация научных сотрудников "Сибирская академическая книга" 2015 №54. С. 135 – 139.

References

1. Adameckaja T.N. O vystavke tvorcheskih rabot prepodavatelej i studentov kafedry dekorativno-prikladnogo iskusstva i dizajna nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Chast' II. / Otv. red. A.V.Korichko. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2015. S. 460 – 461.

2. Brjanskij I.N. Razvitie i vlijanie mul'timedia tehnologij i oborudovanija na obrazovanie // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii Chast' II. / Otv. red. A.V.Korichko. izhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskij gosudarstvennyj universitet, 2015. S. 475 – 476.

3. Dem'janenko I.V. Priroda i jetnicheskie motivy Jugry v proizvedenijah sovremennyh hudozhnikov hanty-mansijskogo avtonomnogo okruga // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii / Novosibirsk: Izdatel'stvo Associacija nauchnyh sotrudnikov "Sibirskaja akademicheskaja kniga" 2015 №54. S. 135 – 139.

Demyanenko I.V., Senior Lecturer,
Nizhnevartovsk State University

ETHNO-MYTHOLOGICAL IMAGES AND SYMBOLS IN DECORATIVE AND PLASTIC COMPOSITION "THE LEGEND ABOUT SIKHIRTYA": THEORETICAL ASPECT (PART 1).

Abstract: in this article ethnographic sources are considered: legends of Nenets in which are mentioned sikhirtya. Influence of the ancient population – sikhirtya, is reflected in traditions of art culture of Nenets in a tendency of modern professional art of Yamal and Yugra. Historical development of ceramics as type of DPI, and formation of main types of ceramics is analysed. The article will be useful to reading to students and professionals in the field of DPI.

Keywords: DPI, ceramics, art, art criticism, monumental ceramics

Федотова Е.Д., доктор искусствоведения,
Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств
при Российской академии художеств

ЖАНР «ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ГЕНРИХА IV ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: статья посвящена проблеме интерпретации образа короля Франции – Генриха IV в живописи и скульптуре XVII-XIX веков. Образ любимого французами монарха надолго стал излюбленным в творчестве мастеров Салона в XVIII-XIX столетиях. Этот жанр получил название «великие люди», став популярным в европейской исторической живописи этого времени.

Ключевые слова: Генрих IV, французское искусство, живопись, скульптура, Париж, салонное искусство

Название этого «жанра», конечно условно, как и сам термин «жанр» по отношению к сюжетам исторической живописи XIX столетия. Однако оно получило распространение в среде историков искусства [8]. Это так называемый génre historique, получивший признание в кругах академической и салонной живописи, представлявший собой некий сплав исторического и бытового жанров. Он имел преференции на конкурсах, превалировал в официальных заказах на выставках. Мысли просветителей о том, что историю делают сильные личности, что они ведут за собой время, по-своему интерпретировали и романтики (а особенно неоромантики середины XIX столетия), добавляя ноты драматизма или мелодраматизма в повествование о трагических судьбах героев. Историки XIX века подвели еще и философскую основу, отстаивая преимущество монархического правления над республиканским на примерах доброго и миротворческого правления крупных европейских правителей.

Образ Генриха IV, короля-протестанта, хотя и перешедшего по политическим причинам в католичество (вспомним его фразу: «Париж стоит мессы»), но все-таки убитого в 1610 году фанатиком-католиком, с первых лет правления этого короля прочно вошел в искусство. Кто не зачитывался романом Генриха Манна «Молодые годы Генриха IV»? Да и в наши дни выходит много книг о «короле-урбанисте», «короле-воине», «короле-миротворце», «короле-сердцееде» или просто «беарнце» (так как он был рядом из провинции Беарн, около Пиренеев, где находилось герцогство его отца – Наварра) [2].

Каждая эпоха находила в образе Генриха IV созвучие своему времени. Ведь история прошлого никогда не завершается в себе, она переживается, оценивается снова и снова, оживает лишь в новых комбинациях старых образов, окрашенных новым видением исторического времени.

Генрих IV вел войны с испанскими и австрийскими Габсбургами, царившими в Священной Римской империи. Успешно побеждал их армии в битвах при Аркуа и Иври. Он жил во время протестантских (гугенотских) войн, чудом избежал гибели во время Варфоломеевской ночи. Король сделал много доброго для своего народа. По Нантскому эдикту (договору между ним и гугенотами, 1598) даровал свободу вероисповедания протестантам. Он верил в идею «вечного мира». Ж.Ж. Руссо напишет: «…этому мудрому государю было известно, что не оставляя себе ничего по этому соглашению, он, тем не менее, получал от него больше, чем кто-либо иной» [3, с. 150]. Просветитель писал это в своем известном сочинении «Суждение о Вечном мире». Король не только искоренял семена религиозных раздоров, но еще задолго до Наполеона I и Наполеона III стал преобразователем Парижа, старался превратить его в образцовый европейский город.

Он спроектировал площади Дофина (своего сына – Людовика XIII) и Королевскую. Улицу Дофина проложил до Нового моста (самого старого в Париже), перестроил его. Именно на этом мосту после убийства короля была установлена одна из первых его конных статуй работы итальянца Джованни да Болонья. По его заказу была выстроена больница Св. Людовика (архитектор К. Вельфо) в районе канала Сен-Мартен. В ней до наших дней сохранился «павильон Габриэль», в котором король устраивал свидания со своей возлюбленной – Габриэль д'Эстре. По его проекту была создана «приречная» галерея Лувра, он мечтал видеть этот замок музеем. Сад лекарственных растений («Королевский сад») в Париже тоже проектировался по его указу.

Генрих IV был королем-эстетом и королем-меценатом. По его планировке украшались дворец Фонтенбло и его сады [7]. Фонтенбло был резиденцией семейства Валуа, став королем, но уже будучи в разводе с Маргаритой Валуа, с 1554 по 1599 год Генрих IV проживал здесь с Габриэль д'Эстре (она скончалась в 1599 году). Их апартаменты располагались на первом этаже дворца. При

Генрихе IV украшались галереи, салоны, его кабинет (теперь Салон Людовика XIII). К планировке садов, где возводились фонтаны, акведуки, памятники, король привлек известных французских и итальянских мастеров (Ф. Бордоне, П. Бартолеми, Т. Франчини, П. Бияр и др.).

Задача обустройства аристократического парижского квартала Маре тоже была делом его рук. В квартале Сен-Мартен по его приказу была выстроена шелкоткацкая мануфактура и дома для рабочих. Король всегда интересовался вопросами уборки и водоснабжения города.

Генрих IV был фигурой раблезианского типа, остроумным, честолюбивым, отнюдь не аскетичным. Соотечественники любили его и его слабости, прощая все за заботу о народе, выраженную в известной фразе короля: «в каждом крестьянском доме в кастрюле всегда должна быть курица».

Каждая эпоха видела в Генрихе IV своего кумира, что находило отклик в литературе и изобразительном искусстве. Еще в XVII столетии, после трагической гибели короля от кинжала иезуита Равайяка 14 мая 1610 года* на улице Фероннери в квартале «Чрева Парижа», появились первые книги об истории правления «короля-мученика». Их авторами были Ж. Биньом (1610), Жан Саварон (1615), К. Бийяр (автор книги «Трагедия о Генрихе Великом»), а также архиепископ Роденский. Все они обосновывали идею монархии как единственно верного правления, божественного происхождения «доброго короля». То есть образ героя создавался почти с первых лет его правления, а после гибели его жизнь превратилась в некую легенду: «наш великий король Генрих IV, чудо Вселенной» [5, 402]. Появились и его скульптурные изображения: работы Н. Кордье в Лоджии Благословения в портике римской базилики Сан Джованни ин Латерано (так как Генрих IV поддерживал финансово капитул церкви) и статуя во дворике римской церкви Санта Мария Маджоре в память о примирении короля с католической верой. В упоминавшейся раньше бронзовой статуе на Новом мосту была сделана надпись: «добрый король Генрих вновь явился, чтобы занять место среди своего народа» [9]. Генриха IV изображали на медалях, в рисунках и гравюрах как посланника Бога: то в образе Св. Людовика; то перед Священным Писанием в сиянии Св. Духа или в окружении сонма ангелов; то под лучами Солнца и крыльями орла, как под знаком Божественной благодати; то рядом с пеликаном, выклевывающим себе бок (с надписью: «Ради закона божьего и народа»). В XVII столетии «короля-воина» изображали в костюме мушкетера (шляпе, ботфортах, со шпагой), в XVIII и XIX веках так будут баталисты изображать военачальников.

Восемнадцатое столетие внесло некоторые коррективы в изображение короля. Его представляли как Цезаря или Александра Македонского, иногда Атланта, держащего земную сферу; Персея, спасающего Андромеду (Францию) и, особенно часто, в образе Геракла [10, с. 176-197]. Подобно Гераклу он предстает на распутье между пороком и добродетелью, долгом и праздностью в картине А. Кауфман «Генрих IV между Славой и Любовью» (1788, Художественный музей, Брегенц). Вольтер посвятил королю две поэмы – «Генриада» и «Лига». На полотне Кауфман король – это образ идеального правителя: слева – генерал, увлекающий его на военные подвиги, справа – амур, зазывающий в сень парка, где притаилась его возлюбленная**. «Гальский Геракл» называли короля.

Вольнодумцы-просветители видели в Генрихе IV образ идеального просвещенного монарха, воплотителя идеи Руссо о «вечном мире». Словно, призывая писателей и художников обращаться к образу короля и отстаивая роль воображения для художника, Дени Дидро писал: «В истории мы прочтем как действовал и страдал человек с характером Генриха IV. А между тем, сколько могло быть обстоятельств, в которых он действовал бы и страдал сообразно своему характеру – и еще более поражая нас – обстоятельств, которых история нам не дает, но какие поэзия может вообразить!» [1, с. 244] В XVIII столетии возникло много памятников королю, например О. Пажу в начале 1780-х годов создал модели памятника для Орлеана и для террасы замка Бельвю (король попирает гидру анархии). Ж. Гудон – для сада Пале-Рояль (1780), который был разрушен якобинцами, но сохранились рисунки и модели. К счастью во время антимонархической истерии в 1793 году, когда был издан указ революционного Конвента о вскрытии гробниц королей Франции и уничтожении их останков, тело Генриха IV сохранилось в склепе и был снят гипсовый слепок с его лица.

В XIX столетии в период Первой Империи и в период Реставрации Бурбонов, в недолгие годы правления Наполеона III (1848-1870) возникло особенно много изображений Генриха IV. Это было объяснимо, так как, например, Наполеон I уважал первого короля из династии Бурбонов, также считая себя родоначальником новой династии. Бонапарт много сделал для прославления имени Генриха IV. При Реставрации Бурбонов во Франции интерес к сюжетам из жизни короля тоже был естественен. При Наполеоне III, когда начинала создаваться «Легенда» или «Миф» о Наполеоне I (великом дяде нынешнего правителя) – широкий интерес к сюжетам из жизни Генриха IV можно сравнить с «бонапартианой» в искусстве середины XIX века (то есть с изображением военных и бы-

товых сцен из жизни Наполеона I). Идолопоклонничество этим двум великим людям было закономерным, так как Наполеон III считал себя (правда ошибочно) не только идеальным правителем, но и миротворцем. Девятнадцатое столетие искало в образе Генриха IV то, что было созвучно его историко-художественному кредо. В эпоху историзма, когда идея монархической власти нуждалась в опоре, были важны ее примеры из национальной истории. В «державных монументах» Наполеону I и Генриху IV осуществлялась репрезентация власти в монументальной форме. Они становились в ряд с основателями империи – Цезарем, Александром Македонским, Карлом Великим.

Сюжеты из жизни Генриха IV отвечали официальным вкусам своей занимательностью особенно в живописи.

На полотне Ричарда Паркса Бонингтона, живописца эпохи начала Реставрации Бурбонов, – «Генрих IV в замке Ла Рош Гийом» (1825, частное собрание) король изображен сидящим у окна и смотрящим вдаль. Это было повествование о бытовой стороне жизни «короля-сердцееда», влюбленного во владелицу замка и жившею в нем в 1795 году.

Подобной теме посвящено и полотно Ришара Флёри «Генрих IV и Габриэль д'Эстре» (около 1810-1812, Музей изящных искусств, Лион). Это полотно купила Жозефина Бонапарт, оно было во вкусах Первой Империи.

Не менее популярны в первой половине века были сентиментальные сцены из жизни короля. На полотне Ж.О.Д. Энгра «Генрих IV, играющий со своими детьми» (1817, Пти-Пале, Париж) монарх изображен играющим с маленьким Людовиком XIII, сидящим на его коленях. За происходящим наблюдают королева Маргарита и испанский посол. Генрих IV изображен в костюме с фламандским воротником, как на известном его портрете кисти Франса Поурбуса из Лувра. К этой же теме обращался известный салонный живописец Тома Кутюр.

Не менее сентиментальна сцена, представленная на картине Пьера Ревуаля «Рождение Генриха IV» (около 1820, частное собрание). Король Наварры, маленького вассальского государства, герцог Генрих д'Абре держит на руках будущего короля Франции. Скульптурный портрет Генриха IV возраста девяти лет создал Франсуа Жозеф Бозио (1824, Национальный музей замка, По). Этот лишенный высокой одухотворенности детский образ стал образцом салонного портрета детей из знатных семейств.

К теме Генриха IV обращался и известный салонный живописец Эжен Деверия [6, с. 137-141]. Его полотно, «Рождение Генриха IV», имевшее успех в Салоне 1845 года, получило резкую критику Т. Готье и затем Ш. Бодлера. Теофиль Готье предсказал еще в 1844 году упадок этого художника, отметив измельчание сюжетов его произведений. А Шарль Бодлер в обзоре Салона «Историческая живопись» писал, что это незначительное полотно навсегда осталось лучшей работой Э. Деверия и был согласен с мнением о художнике Готье [4, с. 347].

Бытовой эпизод из истории жизни Генриха IV представлен и на картине Антуана Тоне «Генрих IV со свитой на охоте» (около 1804, Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург). Она была создана в годы Первой Империи на сюжет из комедии Шарля Колле «Генрих IV на охоте» (1766), по которой была поставлена опера. Сюжет был достаточно незатейлив и прославлял демократизм монарха. Крестьянин Мишо заблудился в лесу Фонтенбло, он очень хотел увидеть короля, который увидев заблудившегося и узнав о его желании, посадил Мишо позади себя на коня и пообещал показать короля. «Тот, кто не снимет шляпу при нашем приближении, тот и есть король», – сказал Генрих IV крестьянину. Так Мишо узнал, что ехал с самим королем. Этот сюжет часто изображали художники и в XVIII веке, например, Ашиль Мишаллон в картине «Генрих IV и Мишо в лесу» (1774, Дворец Фонтенбло).

По заказу графа де Форбена, руководившего программой украшения зала Аполлона в Лувре, Александр Хессе написал картину «Генрих IV, перевезенный в Лувр на смертном одре» (1837, Национальный музей, Версаль). В подобной, имевшей успех в Салонах манере, им было исполнено и полотно «Похороны Тициана». Сюжет «великие люди на смертном одре» был очень популярен среди мастеров Салона.

Исторический момент из времени правления короля изображен на картине Ж.О.Д. Энгра «Дон Педро Толедский целует шпагу Генриха IV» (1814, Национальный музей замка, По). Посол Испании при французском дворе преклонил колено перед стоящим королем. Версия этого полотна (1819) находится в Зале Кариатид Лувра.

В исторической живописи века было чрезвычайно популярно изображение событий Варфоломеевской ночи – массового убийства гугенотов в канун дня св. Варфоломея (с 23 на 24 августа 1572 года). Эжен Жиро написал фигуру короля, спасающегося в башне монастыря («Генрих IV в башне монастыря Сен-Жермен де Пре», 1861, Национальный музей замка, По). К бытовому эпизоду сведен исторический сюжет и в картине «Варфоломеевская ночь» (1886, Галерея Тейт, Лондон) английского живописца Джона Эверетта Миллеса. Король в глубокой задумчивости стоит перед сострадающей ему монахиней. За трагедией Генриха

IV просвещенному зрителю сразу же виделись его гонители: Католическая Лига, в которой заправлял его враг – герцог де Гиз и мать супруги короля – Екатерина Медичи, затеявшие Варфоломеевскую ночь. Фигура Генриха IV возвышается как символ человеколюбия и миролюбия.

В XIX столетии обращение к сюжетам из исторического прошлого, то есть ретроспективизм, стало программным. Передовая критика ратовала за современную тематику, называя «исторический жанр» – «пиколой сюжета», «литературой кисти», а сам процесс – «блужданием в прошлом», приводящим к сюжетному пассеизму, стилизации, обольщению зрителя псевдоромантикой [4, с. 214]. «Называть себя романтиком и устремлять взгляд в прошлое – значит противоречить самому себе» [4, с. 65], – писал Шарль Бодлер. Жанр «великие люди» навсегда остался со времени XIX столетия образцом салонного искусства, время от времени востребованным официальной исторической живописью. Однако и она стала охранительницей для истории образа монарха, любимого народом и немало сделавшего для его интересов.

[*] Покушение на Генриха IV было и в 1594 году, его совершил ученик иезуитов Жан Шатель.

[**] В картине сказалось увлечение художницей творчеством Рубенса, его работами для Галереи Медичи в Люксембургском дворце

Литература

1. Дидро Д. О драматической поэзии // Дидро Д. Эстетика и литературная критика. М., 1980.
2. Мунье Р. Убийство Генриха IV: пер. с фр. СПб., 2008.
3. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.
4. Шарль Бодлер об искусстве. М., 1986.
5. Bignon Jerôm. La grandeu de nos rois et leur souveraine puissance. Paris, 1615
6. Comte Ph. La naissance d'Henri IV de Deveria // La revue du Louvre et des Musées de France. 1981. №2.
7. Henri IV à Fontenbleau. Un temps de splendeur. Château de Fontainbleau. 7 novembre 2010 – 28 février. 2011. Paris, 2010.
8. L'invention de passé. Histoire de coeur et d'epée. Lyon, 2014.
9. Reinhard Marcel. La Légend de Henri IV. Paris, 1936.
10. Vivanti C. Henry IV, the Gallic Hercules // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1967. V. 30.

References

1. Didro D. O dramaticheskoj pojezii // Didro D. Jestetika i literaturnaja kritika. M., 1980.
2. Mun'e R. Ubijstvo Genriha IV: per. s fr. SPb., 2008.
3. Russo Zh.-Zh. Traktaty. M., 1969.
4. Sharl' Bodler ob iskusstve. M., 1986.
5. Bignon Jerôm. La grandeu de nos rois et leur souveraine puissance. Paris, 1615
6. Comte Ph. La naissance d'Henri IV de Deveria // La revue du Louvre et des Musées de France. 1981. №2.
7. Henri IV à Fontenbleau. Un temps de splendeur. Château de Fontainbleau. 7 novembre 2010 – 28 février. 2011. Paris, 2010.
8. L'invention de passé. Histoire de coeur et d'epée. Lyon, 2014.
9. Reinhard Marcel. La Légend de Henri IV. Paris, 1936.
10. Vivanti C. Henry IV, the Gallic Hercules // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1967. V. 30.

Fedotova E.D., Doctor of of Art Criticism (Advanced Doctor),
Scientific and Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts

GENRE "GREAT PEOPLE" AND THE INTERPRETATION OF THE IMAGE OF HENRY IV OF THE FRENCH ART

Abstract: the article is dedicated to the problem of interpretation of the image of Henry IV in painting and sculpture of XVII-XIX centuries. French people loved this king very much and his image became very popular in the art of Salon painters in XVIII-XIX centuries for a long time. This genre was named "Great People" and became very famous in European historical painting of its time.

Keywords: Henry IV, French art, painting, sculpture, Paris, Salon art

Макарова Т.Л., доктор искусствоведения, профессор,
Московский государственный университет дизайна и технологии,
Макаров С.Л., кандидат технических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИЁМЫ ОФОРМЛЕНИЯ МОДНЫХ ШОУ В 1991-1995 ГГ.: ПРЕДЫСТОРИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в статье рассматривается предыстория применения информационных технологий в дизайне модных шоу: актуальные приемы оформления модных показов в 1991-1995 гг.

Ключевые слова: дизайн модных шоу, предыстория дизайна модных шоу, информационные технологии в дизайне

Сегодня термин "модное шоу" стал нарицательным для специалистов таких отраслей, как "дизайн", "информационные технологии в дизайне" и "реклама". В то же время, в теории дизайна эта тема осталась неразработанной. Для анализа иконического материала особенно трудно найти иллюстрации по девяностым годам XX века, т.к. журналы не все сохранились, а в Интернете есть лишь редкие записи с телевизоров и немного сканов страниц журналов мод. Тем не менее, авторы собрали материал для того, чтобы отследить предысторию и далее (в следующих публикациях) – историю применения информационных технологий в дизайне модных шоу. Авторы опубликовали первые результаты исследований в нескольких статьях [1-5].

В данной статье рассмотрим самые показательные примеры оформления модных шоу в 1991-1995 гг. и выделим основные приемы их оформления.

1991 г. Paco Rabanne, коллекция весна – лето 1991, Haute Couture – мягкий серо-сиреневый свет на подиуме оттеняет платье, сделанное из красных и золотых модулей – квадратов с кругом в центре, прямоугольников и треугольников. Платье декорировано "шипами" и несёт следующее сообщение зрителю показа: модель, красивая, как роза, должна защищаться, как и этот цветок (рис. 1).

Коллекция весна – лето 1991 г. от Jean Paul Gaultier демонстрирует нам осенние цвета: на тёмно-бирюзовом подиуме волнистыми линиями разбросаны жёлтые, оранжевые и коричневые листья, а задняя стенка подиума декорирована белой драпировкой в классическом стиле (рис. 2). Модели ходят по подиуму в демисезонных тёмно-рыжих ботинках и таких же резиновых сапогах желтого цвета. Непонятно, весна это или осень. В начале подиума – лестница в цвет подиума: темно-бирюзовая, усыпанная листьями или опилками.

Рис. 1. Paco Rabanne, коллекция весна – лето 1991 г., Haute Couture

Рис. 2. Jean Paul Gaultier, коллекция весна – лето 1991 г.

Не все модели были в 1991 г. деликатных и сдержанных цветов. На грани китча, используя достижения в области исторического костюма и создания бионических форм, создавал платья Thierry Mugler: примером является его коллекция "осень-зима 1991 г." (рис. 3, а). При таком многоцветии вечерних платьев из перьев всех цветов радуги уже не до яркого подиума: подиум по-прежнему однотонный – серебристый, синий и освещается белым светом.

1992 г. Коллекция весна – лето от G. Versace. Подиум состоит из полос и расцвечен световыми полосами. Все оформление создано через освещение разноцветными тонами синего и зелёного цветов, которые гармонируют с похожими оттенками цветов в моделях одежды. Оформление создает впечатление свежести, гармонии и прохлады (рис. 3, б). Освещение подиума – в то время один из немногих приемов разнообразить показ моделей одежды.

а

б

Рис. 3. Показы коллекций: а – Thierry Mugler, осень – зима 1991 г., б – Versace, 1992 г.

Коллекция Christian Dior by Gianfranco Ferre, осень – зима 1992 г. представлена на фоне большого белого круга с названием Дома моды (рис. 4).

1993 г. Коллекция осень – зима 1993-1994 гг. от G. Versace (рис. 5). Кроме традиционного "круга" света (тогда подиумы не освещали равномерно, как часто делают сейчас), мы видим алую горизонтальную полосу ковра сцены, из которой выходит подиум. Красный оттеняет холодные цвета моделей одежды. Фоном для показа служит фотография манекенщицы в прямоугольной черной раме (символика человека). Подиум состоит из прямоугольников темно-серого пластика.

Рис. 4. Christian Dior by Gianfranco Ferre, осень – зима 1992 г.

Рис. 5. Коллекция осень – зима 1993-1994 гг. от G. Versace

Показ на улице, коллекция Véronique Leroy, prêt-à-porter, весна – лето 1993 г. Модели показывают одежду на фоне домов и дорожных знаков, при дневном свете (рис. 6, а). Результат: посетителям показа видно сразу, как коллекция будет смотреться на улице.

1994 г. Своего рода подиумом стали презентации новых автомобилей (рис. 6, б): "Claudia Schiffer позирует с Fiat 500 car". Это сегодня девушки на автосалонах позируют в спортивных костюмах, спортивных или футуристических комбинезонах или строгих вечерних платьях, а в 1990-х годах позировать можно было в летнем ансамбле, который включает коктейльную или вечернюю юбку, а летняя классическая женская блуза в таком ансамбле выглядит настолько непринужденно, словно ее сочетают с джинсами. Образ Клаудии Шиффер на рис. 6, б напоминает образ Барби, популярной уже в то время куклы, и отчасти ассоциируется с голливудскими актрисами-блондинками, олицетворением гламура и шика.

а

б

Рис. 6. Показы на улице: а – коллекция Véronique Leroy, prêt-à-porter, весна – лето 1993 г., б – Claudia Schiffer позирует с Fiat 500 car

В то же время восточные дизайнеры показывали примеры трансформации моделей одежды; на некоторых показах модели были такой ширины, что их показывала манекенщица с помощью двух мужчин-моделей (рис. 7, а). Яркая иллюстрация такого формообразования – коллекция Issey Miyake, prêt-à-porter, весна – лето 1994 г. Данный прием "гиперболизация" тоже улучшает запоминаемость коллекции и дизайнера.

1995 г. Лестница на подиуме и "лестница" в форме моделей - прекрасный пример тождества, как приема в создании авангардной одежды: коллекция Issey Miyake Spring 1995 превзошла все ожидания зрителей (рис. 7, б).

а

б

Рис. 7. Коллекции Issey Miyake: а – prêt-à-porter, весна – лето 1994 г., б – весна – лето 1995 г.

Освещение на показе Vivienne Westwood, prêt-à-porter, осень – зима 1995-1996 гг. было так же, как и в 1990-е годы, спроектировано в виде кругов света. Подиум для показа был сделан полосатый: бело-серо-синий градиент, горизонтальные полосы (рис. 8, а).

Коллекция Thierry Mugler, сезона осень - зима 1995 г. показана на подиуме серебристо-синих тонов, с освещением, которое деликатно лепит модели (рис. 8, б). Модель тоже находится в круге света, а падающие тени помогают сделать ее более рельефной, "скульптурной".

Рис. 8. Показы коллекций: а – Vivienne Westwood, prêt-à-porter, осень – зима 1995-1996 гг.; б – Thierry Mugler, осень – зима 1995 г.

По обзору оформления модных шоу в 1991-1995 гг. и приведенным примерам иллюстративного материала сделаны следующие выводы:

1. Центром показа является сама модель платья; подиум лишь подчеркивает ее красоту, инновационность, оригинальность и общую концепцию коллекции.

2. Если подиум не освещен, то модель платья высвечивается софитом и манекенщица идет в круге света, чаще всего - белого (прием из цирка и театра).

3. В качестве декорирования задней стенки подиума часто используется разноцветное освещение.

4. В коллекциях вечерних ансамблей "от кутюр" (в романтическом и историческом стилях) в качестве декора пространства подиума используются большие гипсовые и "мраморные" рамы-"медальоны" с логотипом Дома моды, лестницы, "театральные" занавесы разного цвета.

5. Кроме подиума, в качестве элементов дизайна пространства для показа коллекций широко используются лестницы, особенно для демонстрации дорогих ансамблей в коллекциях "от кутюр". Когда манекенщица медленно спускается по лестнице в зал, у зрителя есть возможность рассмотреть платье и представить его в интерьере театра или светского мероприятия, оценить его изысканность и оригинальность. В то же время, у манекенщицы на лестнице есть возможность продемонстрировать одежду с разных ракурсов.

6. Одни дизайнеры для показов моделей "от кутюр" используют сухие деревья для создания "леса" на подиуме, другие – просто посыпают подиум осенними листьями – и соответствующее настроение создано.

7. Реже на модных показах коллекций дизайнеров используется пар, который создает эффект тумана на сцене и делает модель костюма более за-

гадочной, а пространство сцены - более объемным.

8. Дизайнеры-новаторы используют оригинальные формы для создания концептуальных моделей (Issey Miyake, коллекция весна – лето 1995 г.). Восточные дизайнеры-новаторы показывали примеры трансформации увеличенных по ширине моделей одежды с помощью двух мужчин-моделей (Issey Miyake, коллекция prêt-à-porter, весна – лето 1994 г.). Данный прием "гиперболизация" улучшал запоминаемость коллекции и дизайнера.

Таким образом, в этот период сформированы предпосылки для дальнейшего развития нового оформления показов моделей одежды, превратившихся в 1996-2010 гг. в красочные, "фантастические" и высокотехнологичные модные шоу.

Результаты исследования включены в актуальную базу данных Макаровой Т.Л. и Макарова С.Л., которая содержит результаты исследований символов, образов и информационных технологий, применяемых в дизайне современного костюма и его рекламного образа, а также в дизайне модных шоу и выставок.

Литература

1. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДИЗАЙНЕ МЕРОПРИЯТИЙ (EVENTS) В ОБЛАСТИ МОДЫ: 3D ГОЛОГРАММЫ: Моделирование в технике и экономике: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 23-24 марта 2016 года. УО «ВГТУ». – Витебск, 2016. 557 с., С. 524 – 526.

2. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. Выставки дизайна и рекламы: новые информационные технологии и креативные решения в дизайне, рекламе и сервисе. Монография. М.: РИО МГУДТ, 2016. 108 с.

3. Макарова Т.Л., Макаров С.Л. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОФОРМЛЕНИИ МОДНЫХ СОБЫТИЙ (EVENTS): СИМВОЛИКА НОВЫХ ОБРАЗОВ // Дизайн и технологии. 2016. №53 (95). С. 6 – 17.

4. Макарова Т. Л., Макаров С. Л. Результаты анализа «Системы символов костюма» (ССК) за сезон весна-лето и разработка базы данных и компьютерной программы // Дизайн и технологии. 2015. №49 (91). С. 6 – 15.

5. Макарова Т.Л. Многоликая мода: от элегантности до китча, от рекламы до протеста // Имидж женщины XXI века: успех, красота, стабильность: Материалы III Международного женского конгресса (Москва, 10 марта 2016 г.) / под науч. Ред. Е.А. Петровой. М.: Издательство Академии имиджелогии, 2016. 354 с. С. 336 – 340.

References

1. Makarova T.L., Makarov S.L. INFORMACIONNYE TEHNOLOGII V DIZAJNE MEROPRIJaTIJ (EVENTS) V OBLASTI MODY: 3D GOLOGRAMMY: Modelirovanie v tehnike i jekonomike: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Vitebsk, 23-24 marta 2016 goda. UO «VGTU». – Vitebsk, 2016. 557 s., S. 524 – 526.

2. Makarova T.L., Makarov S.L. Vystavki dizajna i reklamy: novye informacionnye tehnologii i kreativnye reshenija v dizajne, reklame i servise. Monografija. M.: RIO MGUDT, 2016. 108 s.

3. Makarova T.L., Makarov S.L. INFORMACIONNYE TEHNOLOGII V OFORMLENII MODNYH SOBYTIJ (EVENTS): SIMVOLIKA NOVYH OBRAZOV // Dizajn i tehnologii. 2016. №53 (95). C. 6 – 17.

4. Makarova T. L., Makarov S. L. Rezul'taty analiza «Sistemy simvolov kostjuma» (SSK) za sezon vesna-leto i razrabotka bazy dannyh i komp'juternoj programmy // Dizajn i tehnologii. 2015. №49 (91). C. 6 – 15.

5. Makarova T.L. Mnogolikaja moda: ot jelegantnosti do kitcha, ot reklamy do protesta // Imidzh zhenshhiny XXI veka: uspeh, krasota, stabil'nost': Materialy III Mezhdunarodnogo zhenskogo kongressa (Moskva, 10 marta 2016 g.) / pod nauch. Red. E.A. Petrovoj. M.: Izdatel'stvo Akademii imidzhelogii, 2016. 354 s. S. 336 – 340.

Makarova T.L., Doctor of Art Criticism (Advanced Doctor), Professor,
Moscow State University of Design and Technology,
Makarov S.L., Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Higher School of Economics

ACTUAL METHODS OF FASHION SHOW DESIGN IN 1991 - 1995 YEARS: PREHISTORY OF USING OF INFORMATIONAL TECHNOLOGIES

Abstract: prehistory of using of informational technologies in fashion show design was analysed in the article. Actual methods of fashion show design in 1991-1995 years were examined in the article.

Keywords: fashion show design, prehistory of fashion show design, informational technologies in design

Паллотта В.И., кандидат педагогических наук, доцент,
Алексеева И.В., доктор педагогических наук, профессор,
Гжельский государственный университет

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ УСАДЕБНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация: в данной статье рассматривается уникальный опыт по проектированию и строительству экспериментально-показательного молодёжно-жилищного строительства в девяностые годы XX века на примере поселка «Дивный» Краснодарского края, предложенный и реализованный архитектором Ю.С. Субботиным на базе своей персональной творческой мастерской «ДОМПРОЕКТ».

Ключевые слова: молодежное жилищное строительство, экспериментальный опыт

Поселки малоэтажного жилищного строительства обширно внедряются в реалии экономической действительности современного социума, представляя собой продукт проектной градостроительной еятельности, отражающий синтез урбанистики, ландшафтного дизайна и архитектуры. На нынешний момент имеется не малый опыт проектирования, застройки и эксплуатации загородного индивидуального жилья. Анализируя состояние индивидуального жилищного строительства любопытен исторический аспект проблемы, включающий политические, социальные и экономические факторы, свойственные процессу появления малоэтажных поселков.

В СССР применялась классификация поселков на поселки городского типа (рабочие, дачные и курортные) и сельские (совхозы и колхозы), которые представляли центральные усадьбы и их хозяйственные подразделения.

Рабочие поселки появились в Европе и строились заводчиками и фабрикантами для рабочих собственных производств. Это были дома для одной семьи и небольшим участком земли, которые назывались коттеджами. В нашей стране, после революции, дома такого плана активно выстраивались в новых заводских поселках. В качестве примеров можно привести кооперативный поселок «Сокол», построенный в 1921-1930 гг., у села Всехсвятского, поселок при заводе «Красный богатырь» (1924) в селе Богородском в окрестностях Москвы. После Великой Отечественной войны в целях оперативного обеспечения населения жильем в стране происходит ориентация на строительство многоэтажных домов. Однако продолжают строить и малоэтажные поселения. Например, поселок Железнодорожный в Московской области разработанный в 1943 году группой молодых архитекторов во главе с И. Жолтовским. В период Великой отечественной войны многие советские архитекторы проектировали одно-и двухквартирные жилые дома повышенной комфортности в южных и восточных географических зонах страны, где не дошла война и куда эвакуировались промышленные предприятия. Например, жилой городок нефтяников под городом Гурьев в Казахстане, построенный в 1943 году по проекту архитекторов С.В. Васильковского и А.А. Арефьева [1]. Для рабочих в послевоенные годы и до конца 1950-х годов строились двух- или трехэтажные дома на 8-18 квартир, которые в народе назывались «сталинками». Например, поселок Курьяновский, построенный в 1952 г. на юго-востоке от Москвы по проекту архитекторов В.Н. Бровченко, Ю.С. Бочков и инженера Р.С. Фейгельмана. Или поселок Северный, построенный по проекту архитекторов Н. Селиванова, К. Кисловой, З. Государевой в пригороде Москвы.

Стремление городских жителей проживать в собственном доме, на земле, ближе к природе, породило феномен дачного строительства. Н.А. Маленков, исследуя проблему индивидуального жилищного и дачного строительства, как вида использования земельных участков отмечает, что использование земли в рекреационных целях связано с процессами урбанизации, индустриализацией экономики и формированием среднего класса [4]. Дома на этих участках были из разряда «элитных», которые могли иметь в основном представители партийной власти, заводского начальства разного уровня. Широкую известность имели дачи писателей и творческих работников. В архитектурном облике построек на протяжении многих лет прослеживались различные стилевые тенденции, отражая процессы перехода дачи из категории редкостей в разряд обыденных явлений. Предложения советских архитекторов отражались в каменной, кирпичной, деревянной постройках на тему финского домика, и даже многоэтажных дач [2].

Что касается сельских поселков, то в 1960 году на Всесоюзном совещании по градостроительству была озвучена главная задача для народного хозяйства – экономия средств при реализации задач массового строительства и благоустройства деревни. Одноквартирные индивидуальные дома с развитым приусадебным хозяйством объявлялись

экономически невыгодными в строительстве и эксплуатации. Как результат начинает разворачиваться экспериментально-показательное строительство в сельской местности домов и сооружений, архитектура которых выходит за рамки типового проектирования [5]. Л.Н. Мазур при исследовании проблемы российской деревни в условиях урбанизации указывает на факт, что новые градостроительные подходы к проектированию сельских поселений нашли отражение в разработке планов экспериментальных поселков в 1960-е гг., которые должны были стать эталоном для сельского строительства. Предусматривали застройку 4-этажными жилыми домами, полное благоустройство и обеспечение всеми необходимыми культурно-бытовыми учреждениями. Например, центральная усадьба совхоза «Заветы Ильича» в Калининской области [3]. К концу 1970-х гг. проектировочные подходы начинают меняться, было признано, что многоэтажная застройка не соответствует специфике сельского образа жизни.

В период после 1980 года наметился переход к новым типам сельских поселков и заменой сельских аграрных типов на аграрно-индустриальные, индустриально-аграрные и индустриальные [5].

После XXVII съезда партии вышло постановление об обеспечении к 2000 году каждой советской семьи отдельной квартирой или индивидуальным домом. Важное значение придавалось индивидуальному жилищному строительству, которое предопределяло социально-политическую и экономическую политику первостепенной важности [7].

Согласно постановления ЦК КПСС: «О мерах по ускорению развития индивидуального жилищного строительства» от 1988 года коренным образом повысить качество индивидуального жилищного строительства архитекторам предписывалось проводить новые проектные разработки индивидуальных жилых домов с учетом всевозможных ситуаций их строительства. Кроме того постановление разрешало внедрять и улучшать работу проектных кооперативов и выполнять разработку проектно-сметной документации на строительство индивидуальных жилых домов отдельным квалифицированным архитекторам и инженерам, выполняющим работы в порядке индивидуальной трудовой деятельности на основе разрешения исполкома соответствующего Совета народных депутатов, за счет средств заказчика [6].

Опыт экспериментального индивидуального жилищного строительства имеется и в Краснодарском крае. В 1988 году краснодарский архитектор Ю.С. Субботин вышел с проектным предложением к председателю Прикубанского райисполкома М.П. Дулину о строительстве поселения в пригороде Краснодара для молодых специалистов, работающих на предприятиях Прикубанского района, за счет которого возможно решить, как жилищный, так и продовольственный вопросы. Пройдя ряд согласований на уровне ЦК КПСС, в 1988 году было получено разрешение на реализацию проекта по строительству экспериментально-показательного молодёжно-жилищного поселка «Дивный». Архитектор Субботин на базе своей персональной творческой мастерской организовывает первый на Кубани проектный кооператив «ДОМПРОЕКТ» и начинает самостоятельную творческую деятельность по обеспечению проектных разработок планировочных решений по застройке поселка одноквартирными усадебными домами. В разработке объектов коммунально-бытового и социально-культурного назначения приняли участие и братья – архитекторы П.С. Субботин и О.С. Субботин. Началась работа, по выделению территорий для индивидуальной застройки. Территория для поселка выбиралась из рациональных соображений и непосредственно примыкала к уже имеющемуся поселку Индустриальный, расположенному в северо-восточной части Краснодара. Поселок Индустриальный ограничивался с одной стороны железнодорожным полотном и станцией, с других сторон сельскохозяйственными полями. В советский период поселок представлял собой научно-производственную базу аграрного комплекса. В поселке размещались инженерные коммуникации: трансформаторная подстанция, газопровод высокого давления, подводящий газ к городу, наличие артезианских скважин для водоснабжения поселка, для канализации имелась напорная станция. Существующая АТС обеспечивала телефонизацию населения. При проектировании поселка архитектор постарался учесть местоположение участка ориентированного с севера на юг и наличие ЛЭП.

Следующий этап этого проекта состоял в организации товарищества индивидуальных застройщиков для коллективного строительства, эксплуатации и ремонта жилых домов за счет индивидуальных средств и с помощью господдержки через кредитование. В крайкоме состоялось заседание совета, на котором присутствовали руководители предприятий Прикубанского района. Им было предложено оказать помощь молодым специалистам, с целью улучшения жилищных условий посредством строительства индивидуальных жилых домов, что по тем временам представлялось одним из инструментов организации прочных трудовых коллективов на государственных предприятиях. Предусмотрев снижение стоимости строительства, широкое применение местных строительных материалов и монолитных конструкций, Ю.С. Суб-

ботин разработал около десятка эскизов индивидуальных жилых домов для будущего поселка. Зодчий особое внимание заострил на проблеме нарушения в стране традиций проживания в одном месте (в одном квартале, доме) хотя бы нескольких поколений одной семьи. Наблюдаемое отсутствие у подавляющего большинства городского (отчасти – и сельского) населения какой-либо исторической и духовной связи с местом своего проживания способствовало формированию основной концепции проектных разработок – идеи «родового гнезда», рассчитанного на несколько поколений.

В своих эскизных предложениях архитектор учитывал местные национально-бытовые традиции и пожелания застройщиков, а именно сохранение традиций устройства жилищ южного региона – сохранение летней кухни и погреба. Стремясь обеспечить повышение качественного уровня архитектуры, благоустройства и озеленения территории, предложил выделить для усадеб вместо четырех соток – шесть соток земли, запроектировав там садовые деревья и огород, поскольку в рамках эксперимента допускалось пересмотреть нормативные документы по вопросам индивидуального жилищного строительства. На предприятиях, где работали молодые специалисты, в результате обсуждений будущими застройщиками предложенных эскизов и макетов с детальной проработкой участков, были выбраны пять вариантов двухэтажных жилых домов общей площадью от 150 до 250 кв. м.

ЭКСПО МЖК поселок «Дивный» задумывался Субботиным Ю.С. как коттеджный поселок для рабочих. Градостроительная концепция поселка Дивный, как «поселения-спутника», состояла в том, что его обитатели должны были трудиться на промышленных предприятиях Краснодара, с которыми предполагалась регулярная связь через систему общественного транспорта. Проблему обеспечения поселения продовольствием решали располагающиеся вблизи города мясомолочные, овощные и прочие сельскохозяйственные предприятия, а также индивидуальное хозяйство поселян. Решением краевого исполкома и городского исполкома в 1989 году был утвержден проект генерального плана строительства поселка, а также зданий и сооружений жилого и общественного назначения, разработаны мероприятия по обеспечению застройщиков денежными ссудами, строительными материалами, разработаны правила застройки. Архитектор Ю.С. Субботин являлся автором и главным архитектором проекта со всеми правами и обязанностями присущими главному архитектору района. На участке для строительства первой очереди поселка «Дивный», общей площадью 51 га, архитектор видел не только рациональное материально-функциональное объединение различных архитектурно-планировочных и пространственных структурных его частей и элементов, но видел его как целостный ансамбль – гармоничное сочетание селитебной зоны, природной среды и коммуникаций.

Особенностью всего проекта были регламентированные правила застройки, которые определяли обязательное соблюдение размещения жилых домов в 5 метрах от границ участка (красной линии) и 3 метра от границ межевания, 4 метра на инженерные коммуникации (канализация и газ) на задних дворах участков. Минимальная ширина участка – 18 метров с учетом максимальной ширины жилого дома – 12 метров и противопожарного разрыва между домами – 6 метров. Предлагаемые варианты жилых домов предусматривали высотное функциональное зонирование помещений на полу этаж. Нулевой уровень (условная планировочная отметка отмостки) – гаражное и сантехническое помещения. Кухня, кухня-столовая, жилая веранда-комната находились на отметке 140, на отметке 280 – гостиная и спальня – этаж для взрослых, на отметке 420 – жилые комнаты – этаж для детей, на отметке 560- мансарда (кабинет или комната для занятий по интересам), на отметке 700 – мансарда-помещение многоцелевого значения.

Высота помещений 2500 «в чистоте», в гостиной 3300-3600 с целью созданий повышенного комфорта и отдыха. Гибкое объемно-планировочное решение жилых систем позволяло получить другие варианты жилых домов, как по составу жилых помещений, так и по объему дома с учетом пожеланий заказчиков. Предлагаемые варианты разработаны с учетом блокировки.

В отделке зданий и помещений предполагалось применять различные отделочные материалы по заданию заказчика с учетом местных региональных особенностей.

Планировочный каркас, как ведущий структуроформирующий элемент поселения в итоге представил собой комбинированную структуру и формировался зодчим через организацию обоснованной дорожно-тропиночной сети улиц и проездов. Это обеспечивало условия для кратчайшей связи основных зон поселка между собой. Архитектор выделил две главные улицы в планировке поселка, значимость которых определялась местом в его структуре, направлением, соотношением их ширины с высотой домов, контрастом по отношению к другим улицам. Бульвар, продольно рассекая поселок должен соединить северную и южную его части. Другая улица, в поперечном направлении, ориентировалась на связь всего поселения с горо-

дом и на самую высокую точку земельного участка.

Выбранная смешанная система из меридиально - и широтно- ориентированных отдельно стоящих коттеджей, а также схема их размещения помогли не только рационально решить ряд практических задач (например, трассировать дороги с допустимыми размерами), но и органично вписать поселок в окружающий ландшафт.

Селитебная территория, т.е. район населенного пункта, предназначенный исключительно для размещения жилищ, была поделена на жилую и общественную подзоны. Жилая слагалась из отдельных жилых кварталов – участков индивидуальной застройки. Первая очередь, рассчитанная на 450 участков для индивидуального строительства жителей, по предусмотренным проектом пяти основных типов коттеджей. Все они, несмотря на различную площадь, равноценны по комфортности проживания, поскольку реализованы на одних и тех же принципах функционального зонирования, одинаковом инженерном оборудовании.

Территория общественного центра предназначалась для учебы, отдыха и спорта, поселкового сквера. В центре общей площадью 1,5 га были запроектированы и одновременно с домами строились 2-х этажный общественно-торговый центр и здание детского дошкольного учреждения. В здании общественно-торгового центра по проекту должны были находиться почта, телеграф, кинотеатр, малый спортивный зал.

В здании детского дошкольного учреждения по проекту предусматривались детский сад на 100 мест, бассейн, зимний сад. Технологичность проекта обуславливалась использованием солнечных батарей. Базовой школой для первой очереди была школа в поселке Индустриальный. Вторая очередь строительства площадью 50 га предусматривала 450 участков для индивидуального строительства и строительство общеобразовательной школы на 1000 учащихся со спортивной зоной для жителей. В связи с политической и экономической ситуацией, обусловленной известными процессами перестройки в стране, строительство второй очереди было приостановлено. Однако, уникальный опыт по проектированию и строительству экспериментально-показательного молодёжно-жилищного поселка «Дивный», в до перестроечное время, представлял социально-экономический интерес для хозяйственников страны. В мастерскую «ДОМПРОЕКТ» тянулись вереницы представителей госучреждений, архитекторов, заместителей председателей исполкомов из различных регионов, которым Ю.С. Субботин безвозмездно передавал в дар пакеты документов по организации проектирования и строительства экспериментально-показательных молодёжно-жилищных поселков для южных регионов России.

Литература

1. Jorn Düwel / Niels Gutschow Eds. "A Blessing in Disguise. War and Town Planning in Europe 1940-1945". Dom publishers, Berlin, 2013.

2. Зусева В., Евсеева Т. Советский стиль. Время и вещи. М.: Издательство: Аванта+, Астрель, 2011.

3. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX-XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012.

4. Маленков Н.А. Индивидуальное жилищное и дачное строительство как виды использования земельных участков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.06 – природоресурсное право; аграрное право; экологическое право / науч. рук. Е.Л. Минина. М., 2010.

5. Мусатов В. В. Аграрно-индустриальные комплексы. М. : Стройиздат, 1980.

6. Постановления ЦК КПСС: "О мерах по ускорению развития индивидуального жилищного строительства" от 11 февраля 1988 года N197.

7. Усова В.П. Планировка и застройка поселка: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2009.

References

1. Jorn Düwel / Niels Gutschow Eds. "A Blessing in Disguise. War and Town Planning in Europe 1940-1945". Dom publishers, Berlin, 2013.

2. Zuseva V., Evseeva T. Sovetskij stil'. Vremja i veshhi. M.: Izdatel'stvo: Avanta+, Astrel', 2011.

3. Mazur L.N. Rossijskaja derevnja v uslovijah urbanizacii: regional'noe izmerenie (vtoraja polovina XIX-XX v.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2012.

4. Malenkov N.A. Individual'noe zhilishhnoe i dachnoe stroitel'stvo kak vidy ispol'zovanija zemel'nyh uchastkov: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskih nauk. Special'nost' 12.00.06 – prirodoresursnoe pravo; agrarnoe pravo; jekologicheskoe pravo / nauch. ruk. E.L. Minina. M., 2010.

5. Musatov V. V. Agrarno-industrial'nye kompleksy. M. : Strojizdat, 1980.

6. Postanovlenija CK KPSS: "O merah po uskoreniju razvitija individual'nogo zhilishhnogo stroitel'stva" ot 11 fevralja 1988 goda N197.
7. Usova V.P. Planirovka i zastrojka poselka: uchebnoe posobie. Ul'janovsk: UlGTU, 2009.

Pallotta V.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Alekseeva I.V., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Gzhel State University

EXPERIMENTAL ESTATE CONSTRUCTION IN KRASNODAR REGION AS A WAY OF SOLVING THE HOUSING PROBLEM IN THE 90 YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract: this article discusses a unique experience in the design and construction of pilot-demonstration for youth housing in the nineties of the XX century on the example of the settlement of Divnoe, Krasnodar territory, proposed and implemented by the architect J.S. Subbotin on the basis of his personal creative workshop "DOMPROEKT".

Keywords: youth housing construction, experimental experience